

Художник

Б. А. ГЛУХОВЦЕВ

Издание второе, дополненное, переработанное

(С) Книжное издательство «Эльбрус», 1976 г.

(С) Книжное издательство «Эльбрус», 1979 г., с изменениями.

ДОРОГИ К МОСКВЕ

Была середина бурного и кровавого шестнадцатого столетия... В незадолго до этого открытой Америке испанцы огнем и мечом утверждали свое владычество, разрушая древнюю культуру инков и ацтеков. Жестокие гражданские и религиозные войны и восстания крестьян сотрясали Европу. Все новые государства Азии и Северной Африки попадали под иго турецких захватчиков, в руках которых находилась и Юго-Восточная Европа. Ища добычи, щупальца османских султанов протягивались все дальше на север и восток.

В этом беспокойном мире жила и Русь, стойко переносившая все войны и потрясения, выпадавшие на ее долю в то тревожное время. А на Северном Кавказе, за тысячи верст от Москвы, вели неравную борьбу за свободу черкесы и кабардинцы, называемые русскими издревле жителями страны «Черкас пятигорских». Много горя познали

в своей многовековой истории эти народы: Батыево нашествие, монголо-татарское иго и разорительный набег среднеазиатского эмира Тимура, как смерч, прошедшего по Кавказу и Югу России.

Не успели в небытие уйти одни завоеватели, претендовавшие на мировое господство, а земли адыгов* уже топтал новый враг, облагая их непосильной данью, отбивая табуны лошадей и гурты скота, сжигая поселения, угоняя в рабство тысячи мужчин, женщин, детей.

Крымское ханство, зависимое от громадной и сильной Турецкой империи, раскинувшейся от Гибралтара до восточного Средиземноморья, с конца XV века стало постоянной грозой для черкесов и кабардинцев. В это же время недалеко от их земель, в устье Дона, поднялась мощная турецкая крепость Азов, а на Таманском полуострове, тогда территории адыгов, захватчики воздвигли свои форпосты - Тамань и Темрюк, защищенные высокими каменными стенами с пушками.

Походы объединенных турецко-крымских войск на Кабарду и Черкесию стали почти ежегодными. Русские летописи упоминают об их нашествиях на земли «пятигорских черкас» в 1545, 1547, 1552, 1553 годах. Но они сообщали только о крупных вторжениях, молва о которых докатывалась до Москвы. Тогда и сами завоеватели - турецкий султан и крымский хан спешили хвастливо уведомить союзников и соседей о своих победах, о тысячах взятых ими пленных и убитых, о богатствах, добытых в чужих землях. Набеги же многочисленных отрядов, возглавляемых ханскими наследниками, различными пашами и беями, были столь часты, что просто не поддавались никакому учету. Смерть, пепелища, горе и запустение оставляли они после себя в Кабарде и Черкесии.

Вначале крымские татары и турки ограничивались лишь грабежом и взятием пленных. Потом их устремления пошли дальше: покорить адыгов, отуречить их и сделать послушным орудием в своей захватнической политике на Кавказе. Земли Черкесии и Кабарды, простиравшиеся от низовьев реки Кубани и гор Центрального Кав-

*Адыги - самоназвание родственных народов — кабардинцев, черкесов и адыгейцев.

каза до реки Сунжи, впадающей в Терек, привлекали не только своим богатством, но еще и тем, что занимали важное стратегическое положение на Северном Кавказе. Именно это и стало к середине шестнадцатого столетия главным для Турции и Крыма.

Турецкие султаны Сулейман I, Селим II и крымский хан Девлет-Гирей, укрепляя связи со своим сторонником шамхалом Тарковским — владельцем Кумыкского ханства в Дагестане, надеялись навсегда встать твердой пятой на Северном Кавказе. Кроме того, через Кабарду турки и крымцы направляли свои войска в восточное Закавказье, где то и дело возникали их войны с Персией — сильной и влиятельной соперницей в захватнической политике. И постоянной помехой в их планах было сопротивление, оказываемое врагам кабардинцами и черкесами. Но, разобщенные на целый ряд зачастую враждовавших между собой княжеств, они не могли вести организованную, объединенную борьбу. Междоусобицы ослабляли Кабарду, силы народа растрачивались в братоубийственных, кровопролитных войнах. «...Упадок народа и междоусобия князей, — писал в «Истории адыгейского народа» в сороковых годах прошлого века первый историк и просветитель кабардинского народа Шора Ногмов, — много способствовали успехам врагов наших. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

Об этом же, более чем за двести лет до Ногмова, свидетельствовал католический монах итальянец д'Асколи, префект доминиканской миссии города Кафы в Крыму, хорошо осведомленный о событиях на Северном Кавказе: «...Хан отправляется туда... когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю... Чиркасия разделена между многими владельцами... они... склонны к междоусобицам... и постоянно воюют.

...Хан более чем охотно идет к позвавшему владельцу... Правду говорят, что, когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов...

тем более, что они очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы».

На черкесов и кабардинцев нападали турки и крымцы, шамхал Тарковский, астраханские татары и ногайские племена. Со всех сторон угрожал им враг, они задыхались в его окружении. Казалось, нет спасения и остается единственный выход — стать рабами Турции и Крыма.

Уже покорились захватчикам некоторые князья — одни в силу своей слабости, другие, став на путь предательства; все глубже проникал в народ ислам — религия завоевателей, тонко и хитро распространяемая ими на Северном Кавказе. В Константинополе и Бахчисарае* в установлении здесь мусульманства видели один из путей покорения Кабарды.

«Магометанское духовенство, — читаем мы в «Истории» Шоры Ногмова, — спешило воспользоваться тягостным положением кабардинцев, дабы обратить их к исламу, не щадя при этом ни обещаний, ни подарков. Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды».

В непрерывных войнах с турками и крымцами гибли тысячи черкесов и кабардинцев. Все меньше оставалось у них сил для борьбы, все туже затягивалась вокруг них петля рабства.

Но в Черкесии и Кабарде были люди, уже давно обратившие свой взор на север, туда, где лежала Русь — страна, способная не только противостоять Турции и Крыму, но и защитить от них другие народы. На Северном Кавказе знали об этом. И вот в 1552 году, в то время, когда войско, возглавляемое царем Иваном IV, двинулось для покорения враждебного Казанского ханства, грабившего земли России и закрывавшего пути по Волге в Сибирь и на Восток, в Москву отправилось первое посольство от черкесов и кабардинцев.

Русские летописи XVI века, берегаемые в Государственном историческом музее, и посольские документы Центрального государственного архива древних актов до-

* Константинополь — бывшая столица Византии, с 1453 г. столица Турции; Бахчисарай — столица Крымского ханства.

несли до нас сведения о связях России с Кабардой и Черкесией.

В Историческом музее хранится и Никоновская летопись, составленная четыреста лет назад. Откроем ее тяжелый, сделанный из досок и обшитый кожей переплет. Под ним листы, заполненные полууставом — почерком шестнадцатого столетия.

Листаем страницы... Годы, события, люди всплывают из глубины веков и проходят перед нами. На Руси в ту пору счет времени велся «от сотворения мира», как это было принято и в Византии, поэтому летосчисление перевалило уже за семитысячную цифру.

Год за годом ведет нас история по своим извилистым и тернистым тропам. Летописец аккуратно констатирует: 7038 год (1530-й по нашему календарю) — рождение князя Ивана IV, 7055-й (1547) — народное восстание в Москве и поход турецко-крымских войск на Кабарду, 7061-й (1552) — взятие Казани и приезд в Москву первых послов с Северного Кавказа.

В октябре 1552 года колокольным звоном всех церквей и соборов Москва возвестила о взятии Казани, а менее месяца спустя белокаменная столица Руси встретила посланников из далекой «Черкасской земли». В те ноябрьские дни москвичане впервые увидели на своих улицах людей страны «Черкас пятигорских».

Иван IV принимал гостей в Грановитой палате Кремля, служившей для приемов иностранцев, заседаний и торжественных обедов. По обычаю того времени, послы,

прежде чем сказать свое слово, преподнесли ему дары — кольчугу со шлемом, саблю, дорогое конское снаряжение, яркий восточный наряд из персидской парчовой ткани.

Царь и бояре вслушивались в чужой и незнакомый дотоле гортанный говор, вникали в смысл переводимых толмачами речей, всматривались в суровые и мужественные лица чужеземцев, проделавших путь в две тысячи верст*.

Послы, представлявшие свои княжеские владения в Черкесии и Кабарде, говорили о том, что турки и крымцы разоряют их земли, опустошают поселения, угоняют в

*** Верста - мера длины, равная 1,06 километра.**

В те далекие ноябрьские дни 1552 года в Москве впервые увидели посланцев страны «Черкас пятигорских»

рабство юношей и мужчин, забирают в гаремы женщин и девушек. Князя «били челом», и старший из них Машуко Кануков обратился к царю Ивану Васильевичу с просьбой принять их земли со всем населением в подданство могущественной Руси и защитить от захватчиков. В русских источниках середины XVI века нет описания того, как выглядели в глазах москвичей гости с Кавказа. Об этом мы можем судить по запискам итальянского путешественника конца XV века Джорджио Интериано, побывавшего тогда и на Северном Кавказе: «...Их верхняя одежда — плащ из войлока... носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку; на голове войлочная шапка, острая, будто голова сахара. Под плащом они носят кольчугу, опускающуюся от пояса складками на староримский лад; сапоги и штиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красивы и халат с рукавами из холста. Ходят они в длинных усах и постоянно носят с собой огниво в красивой кожаной мошne, вышитой их женами, также бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб...

С давних пор была известна во многих странах отвага черкесских и кабардинских воинов. «В зимнее время, когда море замерзнет», они ходили походами в Крым до Кафы, — свидетельствовал в XV веке итальянец Интериано. — «...Горстка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов [татар], так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости»

...Татары и турки зовут их черкесами, а на их собственном наречии имя им адиге... [Черкесы] народ красивый и стройный...»

На Руси, в странах Европы и Востока издавна знали об отваге и удали кабардинских и черкесских воинов. Они славились мужеством, искусной ездой на лошадях, умением владеть саблей и меткостью в стрельбе из лука. «Каждый день они бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон», — писал Интериано. Поэтому мужчины их «спят всегда с броней, либо кольчугой под головами, с оружием при себе, как бы внезапно им ни случилось подняться, первое их дело надеть панцирь».

Итальянский монах Дживованни Лука, проехавший весь Северный Кавказ и узнавший жизнь его народов, в своем «Описании Черного моря и Татарии», составленном в начале XVII века, также отметил: «...Постоянное беспокойство, которое причиняют... [адыгам] татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников в этих странах. Они мечут стрелы вперед

и назад и ловко действуют шашкой. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Оружием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики... В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар...»

Рассказывая об адыгах, их воинском мастерстве и удали, Джорджио Интериано указывал в своих записках, что «...в Каире между мамелюками и эмирами, которые большей частью набираются из них, попадаются рослые люди».

Итальянец не случайно вспомнил мамлюков. С XI века так называлась отборная гвардия египетских султанов, формируемая из мальчиков-рабов («мамлюк» по-арабски раб), вывозимых первоначально из тюркских земель, а позже с Кавказа. В XIV—XVI веках их доставляли в основном из «Черкасской земли». Мамлюки стали лучшими воинами Северной Африки и Ближнего Востока. В 1382 году мамлюки черкесского происхождения, захватившие в Египте власть, основали свою династию, правившую до начала шестнадцатого столетия. Ее султанам и эмирам пришлось вести тяжелую борьбу с турками, приступившими к завоеванию южного и восточного побережья Средиземного моря. Последний эмир этой династии Туман-бей пал в борьбе с ними.

Оторванные в раннем детстве от отчизны, черкесы-мамлюки, защищая свою новую родину — Египет и Сирию, сражались с тем же противником, что и их близкие далеко на Кавказе.

Первые послы адыгов в Москву Машуко Кануков и Алклыч (Иван) Езбозлуков находились в России довольно долго — девять месяцев, побывав за это время в крепостях и на заставах южной и западной границ государства.

В начале июля 1553 года лазутчики донесли из Крыма в Москву, что хан Девлет-Гирей готовит войско для похода на русские земли. По приказу царя спешно собирается рать из бояр, детей боярских*, дворян и посадских людей. Постоянной армии в то время на Руси не существовало, формировалась она только в случае военных действий.

* *Дети боярские* — служилые люди из провинциального дворянства.

В состав одного из полков вошли и послы со своими людьми. Отряд, прибывший вместе с ними с Северного Кавказа, видимо, насчитывал несколько сот человек. Это и понятно, ведь тогда не отправлялись в далекий путь иначе, как с внушительной охраной, — слишком много было кругом врагов.

Иван IV разделил армию на две части — одна стала у Серпухова, а основная, во главе с ним, заняла оборону у Коломны по берегам Оки. Здесь в русских полках и находились вместе с астраханскими и казанскими татарами кабардинцы и черкесы.

Рать ждала врага, готовясь дать ему отпор. День и ночь всматривались в сторону юга дозорные, высланные за десятки километров вперед.

Минуло более месяца. В середине августа к царю доставили «языков» — нескольких пленных татар, уцелевших от небольшого разведывательного отряда, подошедшего к Мценску и уничтоженного здесь ратниками князя Горенского. От них и стало известно, что Девлет-Гирей на этот раз, изменив свои планы, не пошел в поход на русские окраинные земли, а «ходил на Черкасы».

Оставив на Оке небольшие заставы, Иван IV распустил войско, а «черкасских князей отпустил по их челобитию в Черкасы». Уезжая на родину, послы дали государю клятву верно, не жалея жизни, служить России, и выполнять его указания — «куда их пошлет на службу, туда им ходити». Вместе с ними на Северный Кавказ отправился русский дипломат дьяк Посольского приказа Андрей Федорович Щепотьев с двумя сотнями конных воинов. Он получил наказ на месте узнать об обстановке и положении дел - «правды их видети», выяснить силы, стоявшие за сближение с Русью.

Около двух месяцев надо было тогда добираться от Москвы до берегов Терека. И все это время людей сопровождали трудности и подстерегали опасности: на их пути простирались широкие реки, дремучие леса, бескрайние дикие степи. В степях становилось особенно тревожно: здесь уже находилась зона действия неприятеля, и путникам очень часто приходилось отбиваться от турок, крым-

цев, их союзников ногайцев, «промышлявших» в поисках добычи.

Почти два года пробыл на Северном Кавказе Андрей Щепотьев. Он видел разоренные турками и крымцами поселения, слезы матерей, потерявших своих детей, горе вдов, мужа которых пали в неравных битвах за свободу. Щепотьев сумел встретиться и познакомиться не только с теми, кто стоял за дружбу и союз с Россией, но и с ее противниками, принявшими сторону Турции и Крыма. Одни князья принимали его с радостью, другие сдержанно или даже враждебно. Да это и понятно, ведь не для всех русский посланник был желанным человеком. Но зато там, где дьяк Посольского приказа встречали дружелюбно, он во всей полноте познал радушие кабардинцев и черкесов, их готовность отдать для гостя все самое лучшее, готовность не только его принять, накормить и дать кров, но и защитить от врага, даже ценой собственной жизни.

«Вообще у них в обычае гостеприимство и с величайшим радушием принимать каждого, отмечал еще в XV веке в повествовании «Быт и страна зихов, именуемых черкесами» итальянец Интериано. - ...Гостя они именуют «конак»... По уходе гостя хозяин провожает конак-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдаст за него жизнь как самый преданный [друг]».

А уже знакомый нам доминиканский монах д'Асколи так писал о гостеприимстве адыгов: «...Чиркасы очень вежливы в обращении... Они любят принимать приезжих в своих домах, так что если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почести. Его дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья... Лишь он [гость] пустится в путь по Чиркасии... обыкновенно же хозяин дает гостю охрану...»

И вот тогда, в 1553—1555 годах, сердца кабардинцев и черкесов раскрывались перед русскими кунаками, как издавна называли на Кавказе друзей-побратимов. Для них резали лучших баранов и откормленных телят, приносили с охоты оленей и туров, косуль и диких свиней, в

быстрых горных реках ловили форель. Все это жарилось, варилось и парилось там, где останавливались москвитяне. А в огромных глиняных кувшинах бродила буза из пшена с медом и ячменное пиво. Тогда, во время торжественных встреч, русский дипломат и узнал старинный застольный горский обычай. Как самому уважаемому гостю, хозяин пира - тамада подносил ему на золоченом блюде голову благородного оленя или тура и подавал рог, наполненный искрящимся сано, любимым напитком легендарных нартских богатырей. Секрет его приготовления в то время еще знали некоторые старики.

В честь русских посланцев устраивались конные состязания - молодые джигиты показывали виртуозное искусство верховой езды, демонстрируя завидную удаль и ловкость, проводились стрельбы из луков и борьба силачей. Потом начинались танцы. Под звуки флейт, скрипок и бубнов проплывали стройные, изящные, с царственной осанкой девушки, взлетали вверх, кружились в стремительной, зажигательной пляске с кинжалами и саблями в руках горячие, темпераментные мужчины.

Андрей Щепотьев побывал на берегах Кубани и Терека, Баксана и Малки, хорошо узнал людей Черкесии и Кабарды, их землю и, может быть, стал первым русским, научившимся говорить с адыгами на их родном языке без помощи переводчиков - толмачей. И как жаль, что он не оставил нам описаний своего путешествия по Северному Кавказу, того, что видел, кого встречал, ограничившись лишь официальным донесением в Посольский приказ. А ведь Андрей Федорович, первый русский посланник к черкесам и кабардинцам, мог бы рассказать о них многое, так же как это сделали, к примеру, итальянец Джованни Лука и француз Жан Тавернье в семнадцатом столетии.

«...Страна Черкесов тянется на 26 дней пути... Говорят они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду... Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно с другими деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары... не произвели на их страну какого-

нибудь набега...», — писал Лука, очевидец событий на Северном Кавказе.

Крупный французский коммерсант Тавернье не был в адыгских землях, а рассказал о них в своей книге «Шесть путешествий в Турцию, Персию, Индию в течение сорока лет...» по сведениям, собранным в странах Ближнего Востока, где хорошо знали о черкесах и кабардинцах:

«...Черкесия представляет собой красивую и хорошую страну с очень разнообразными видами. В ней встречаются равнины, леса, холмы и горы, откуда берут свое начало множество источников... В этой стране встречаются всевозможные цветы и в особенности прекрасные тюльпаны... Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно вызревают в изобилии, не требуя особого труда; у них нет других садов, кроме полей, покрытых дикими вишнями, яблонями, орешником, грушевыми и другими фруктовыми деревьями. Их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими. Они имеют, кроме того, большое количество коз и овец, шерсть которых так же хороша, как и получаемая в Испании...»

Эти народы, как и в Грузии, обладают здоровой кровью, в особенности женщины, которые чрезвычайно красивы, очень хорошо сложены и имеют свежий вид до 45—50 лет...»

Но, как и повсюду, не идиллической была жизнь на этой прекрасной и благодатной земле. Князья и их уздени* в большинстве своем не думали об интересах родины и народа, вели паразитический образ жизни, нещадно угнетая своих подданных, грабя их и соседей. «Те лица, которые считаются у них знатью, — находим мы у Тавернье, - по целым дням ничего не делают... Вечером они выезжают... назначая друг другу свидание, и, собравшись в количестве 30—40 человек, совершают на-

* Уздени (урки) — кабардинские и черкесские дворяне, несшие военную службу при князе.

«Подданные... составляют часть наследства...», они, как рабы князей или знати, захваченные во время войны, писал о кабардинских крестьянах в XVIII веке российский академик Паллас, больше всего страдали на протяжении столетий и от беспрерывных вражеских набегов

беги. Они совершают эти набеги как в своей стране, так и в соседних областях... и возвращаются со скотом и рабами... Все крестьяне являются рабами правителя той местности, где они живут...»

За время пребывания на Северном Кавказе посол Щепотьев познал и оценил дружбу тех кабардинцев и черкесов, которые с надеждой смотрели на Москву. Не раз его ратникам приходилось совместно с ними вступать в схватки с крымцами, нападавшими на поселения, отбивать у них пленных и стада скота. Огнестрельное оружие — пищали — русских «воинских людей» заставляло тогда многих любителей грабежа и разбоя обходить стороной посольский отряд и места, где он останавливался.

Дьяк Щепотьев вернулся в Москву в августе 1555 года. С ним прибыла группа черкесских и кабардинских князей во главе с Сибоко Кансауковым. И вновь в Грановитой палате Кремля зазвучала речь адыгов. Андрей Федорович сам переводил Ивану IV слова своих кавказских сотоварищей, так радушно принимавших его в Кабарде и Черкесии. Они заявили, что вместе со своими женами и детьми готовы «во веки» служить России и бороться с ее врагами. Тогда, подтверждая их слова, дьяк

Посольского приказа рассказал царю и членам Боярской думы, как много людей в «Черкасах пятигорских дали правду всей землею» быть верными союзу с Русью и как они надеются на это в своей борьбе с захватчиками.

Москва обещала адыгским князьям военную помощь и защиту от крымского хана. В это время здесь уже знали о том, что в Крыму собрано войско, готовое со дня на день выступить походом на Черкесию и Кабарду. Иван IV срочно направил в южные степи тринадцатитысячный полк боярина Ивана Васильевича Шереметева, чтобы он попытался раньше, чем выступят татары, дойти до Перекопского перешейка, перекрыть его, встретить там армию Девлет-Гирея и, вступив в бой, заставить ее отказаться от набега на земли адыгов. Но воевода не успел — крымские разведывательные группы, шнырявшие по степи, заметили движение русской рати на юг и, не жалея ни себя, ни загнанных коней, бросились в ставку хана и предупредили его. Шестьдесят тысяч конных и пеших татар вырвались из Крыма и вместо Северного Кавказа ринулись к русским землям.

Как позже писал в грамоте Девлет-Гирей, он намечал «идти было ему на черкасы, и учинились ему вести, что царь и великий князь послал рать свою на Крым, и он пошел навстречу»*.

Шереметев спешно дал знать об этом в Москву. А тем временем, оказавшись обойденным крымцами, полк очутился в глубоком тылу врага и, повернув на север, пошел по его следам. Тогда русские воины и захватили громадный обоз с тысячами коней и верблюдов, взяли пленных, сообщивших, что Девлет-Гирей идет на Тулу. Но в конце августа, не дойдя до нее, он вдруг повернул назад и стал уходить на юг: ему донесли, что навстречу уже идет рать во главе с царем Иваном. Силы ее превосходили ханские. И, отказавшись от похода на Русь, Гирей вновь решил идти на Кабарду и Черкесию.

В 150 километрах южнее Тулы среди лесов, холмов и оврагов Судьбищенского поля отряд Шереметева прегра-

* **Летописный и документальный текст в книге дается в современном написании.**

дил путь врагу. К этому времени в его рядах, после того как часть воинов отправилась в свои города с богатой добычей, оставалось десять тысяч человек.

В первый день ожесточенного боя, когда крымцы, волна за волной накатывались на русский лагерь, огражденный сотнями телег и завалами из деревьев, московские ратники мужественно дрались с их превосходящими силами. Огнем пищалей, саблями и стрелами они успешно отбивали атаки татар, разгромив три передовых полка, и даже захватили бунчук — знак власти одного из ханских беев.

Утром следующего дня им удалось перейти в наступление и продвинуться к холму, на котором стоял шатер Девлет-Гирея. Казалось, еще рывок - и заслон турецких янычар будет сломлен, но в самый разгар битвы вражеская пуля, выпущенная из аркебузы*, пробила кольчугу воеводы Ивана Шереметева, и он, тяжело раненный, упал с коня.

Потеряв командующего, ратники на какое-то время смешались, а когда с флангов ударила конница хана, им пришлось отойти. Под тучами стрел и ружейным огнем, теряя убитых и раненых, они отступили к лесу на южной стороне поля. После полудня в строю осталось около шести тысяч человек. Воеводы Басманов и Сидоров собрали их вокруг себя в обороне.

Сражение разгорелось с новой силой. Разъяренный упорством русских, Девлет-Гирей снова и снова бросал против них конницу и пеших лучников, но безрезультатно. Московские воины дрались героически и умирали, не отходя ни на шаг.

И как раз в это время подошла армия царя Ивана IV. Дать ей бой хан уже был не в силах. Задержанный на этом рубеже, потерявший тысячи убитых и раненых, лишившийся всего обоза и табунов, он с чрезвычайной поспешностью двинулся в сторону Крыма, чтобы за перекопскими валами спастись от полного поражения.

В Судьбищенской битве погибло триста двадцать детей боярских и несколько тысяч простых русских мужиков - пахарей, гончаров, кузнецов, оторванных от своих семей

* *Аркебуза* — фитильное ружье типа пищали.

и ставших воинами. Навсегда остались лежать в братских могилах павшие ратники. Но в далекой и неведомой для них «Черкасской земле» в тот год не взметались пожарами поселения и посева, не гибли под татарскими саблями мужчины, не лили слез вдовы и матери, а степи не оглашались стоном угоняемых на чужбину пленников.

...Русское правительство придавало большое значение своим новым кавказским союзникам. Отправляя через месяц после битвы с татарами своего посла к польскому королю Сигизмунду II Августу, поддерживавшему дружеские отношения с Крымом, оно предписало ему сообщить полякам о приезде в Москву «черкасских князей пятигорских», изъявивших желание принять подданство России и давших обязательство выделять в год по одной тысяче отборных коней-аргамаков, а в случае войны являться на службу с двадцатитысячным войском. Цифры эти, конечно же, завышены, но такое преувеличение вызывалось дипломатической необходимостью в тех сложных отношениях между государствами, когда сила и мощь решали все.

В конце сентября 1556 года произошло важное событие — стрельцы и казаки взяли Астрахань, ставшую с того времени основным ключевым пунктом в связях России с Северным Кавказом и в первую очередь с Кабардой. Весь путь по Волге находился отныне в руках Москвы. Декабрьским днем, через три месяца после падения Астраханского ханства, в столицу пришло донесение русского посла в Крыму князя Загряжского. Он сообщал, что минувшей осенью отряды «черкас пятигорских», возглавляемые князьями Сибoko, приехавшим в Москву с прошлогодним посольством, и Тоздруем, захватили и разрушили турецкие крепости Тамань и Темрюк. Известие это при царском дворе было воспринято с радостью, и сразу же Иван IV отрядил на Северный Кавказ послов с поздравлениями и подарками.

Позже стали известны и подробности той дерзкой и смелой операции. Темной октябрьской ночью, воспользовавшись ревом урагана и грохотом морских волн, несколько тысяч черкесов и кабардинцев подобрался к крепостям

Темрюк и Тамань, поднялись по их отвесным стенам и, уничтожив охрану, ворвались внутрь. Утром они уже были хозяевами этих укреплений. Больше недели отбивались джигиты от турок и крымцев, пытавшихся вернуть свои бастионы. Когда же врагу удалось, наконец, через проломы прорваться в крепости, их защитники вынуждены были отступить. Сбросив в море пушки, взорвав погреба с порохом, они ушли из горевших Темрюка и Тамани. Своей отважной вылазкой адыги помогли русским людям, так как отвлекли на себя силы турок и крымских татар, которые могли быть брошены в тот момент к Астрахани...

Наступил 1557 год. В июне москвитяне вновь встречали на улицах своего города ставших уже знакомыми для них черкесов и кабардинцев. Целый отряд их прибыл тогда в Москву на русскую службу. Предводительствовали им знакомые нам по первому и второму посольствам князя Машуко Кануков и герой взятия Темрюка и Тамани Сибобо Кансауков. С ними находился и кабардинский мурза Татар, служивший до этого у крымского хана, женатого на его сестре — «царя Давлет-Гирея большая царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы»*. По пути на Русь, следуя через Приазовье и низовья Дона, отряд напал на улусы кочевавшей здесь Малой Ногайской орды, союзницы Крыма, и, захватив в плен одного из мурз, доставил его в Москву...

* * *

«...Того же года, месяца июля, прислали из Астрахани [воевода] Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзою Канклычем Кануковым, а пришел он от братии от кабардинских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бить челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служить и в подданстве их учинил, а... астраханским воеводам велел помощь учинить... на недругов... и приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон».

* *Мурза* — так русские летописи и документы часто называют князей и феодалов Кабарды, Черкесии, Дагестана, Ногайской орды и Крыма.

Так донесла до нас Никоновская летопись сообщение о приезде в Москву официального посольства непосредственно из самой Кабарды. На этот раз его направил главный князь Кабардинской земли Темрюк Идаров совместно со своим сторонником Тазрютом.

Канклыча Канукова и его людей разместили в домах недалеко от Кремля. Отныне на протяжении более ста пятидесяти лет здесь будут останавливаться и жить приезжавшие в Москву кабардинцы и черкесы. Как память о том времени дошли до наших дней названия двух переулков — Большой и Малый Черкасский.

В оставшиеся до приема у царя несколько дней, да и после, Канклыч и его уздени осматривали Москву, бродили по ее улицам, встречались с москвитянами. Их многое поражало в этом городе, но особенно его размеры, многолюдность и кипение жизни. Это и понятно: ведь тогда русская столица уже насчитывала в окружности более двадцати километров, а в ней проживало около ста тысяч человек.

...Через повисший над глубоким рвом мост, главные Фроловские, ныне Спасские, ворота кавалькада кабардинских всадников, сопровождаемая русскими воеводами, въехала в древнюю резиденцию великих московских князей. В лучах солнца ярко блестели золотые купола величественных кремлевских соборов, от них до Боровицких ворот тянулся громадный царский дворец - «палаты каменны», украшенные замысловатой резьбой и фигурами львов и единорогов. Неподалеку стоял двор патриарха и здания приказов, высились деревянные терема с яркими расписными шатровыми верхами. И повсюду люди - стрельцы с бердышами и пищальями, бояре, дьяки, многочисленные дворцовые слуги. Таким увидели и запомнили Кремль удивленные посланцы Темрюка.

По тому времени это была первоклассная крепость с высокими стенами и башнями, окруженная глубоким рвом с водой, вооруженная десятками пушек разного калибра, жерла которых грозно смотрели из бойниц.

Посол мурза Канунов увидел Ивана IV и стоявших справа и слева от него близких бояр в Золотой Грановитой палате, недавно отстроенной итальянскими мастерами.

В торжественной тишине семеро стольников* приняли у кабардинцев и поднесли к царскому месту богатые дары, привезенные Ивану Васильевичу от князя Темрюка: знаменитые доспехи — «черкасские пансыри», сабли и кинжалы из дамасской стали, ковры азиатские, золотые восточные кубки и громадные турьи, рога, оправленные в серебро и золото с драгоценными камнями.

Посольский дьяк Андрей Щепотьев, выступавший толмачом, перевел царю речь Канклыча: «Главный князь Кабарды Темрюк Идаров прислал к тебе, государь, мурзу своего с дарами, бьет челом и просит принять кабардинский народ, с его лесами и реками, горами и равнинами, в подданство Руси и охранять его от недругов со всех сторон...»

С того памятного июля 1557 года Кабарда добровольно вошла в состав Русского государства, встав под его защиту и покровительство и избежав турецко-крымского порабощения.

Это сказалося и на дальнейшей судьбе соседнего с кабардинцами мужественного и трудолюбивого балкарского народа, извечно живущего в горных ущельях Центрального Кавказа...

* * *

Князь Темрюк - умный и дальновидный политик, способный военачальник, возглавлявший борьбу кабардинского народа против турок и всех их сторонников, сумел, как никто до него, понять и оценить необходимость союза с могущественной Россией.

Темрюк был старшим сыном Идара, праправнуком родоначальника кабардинских князей - Инала, который, согласно народным преданиям, пришел в Кабарду из Египта. Если это действительно так, то Инал мог быть одним из храбрых мамлюков, вернувшихся с чужбины на свою родину. Поддерживаемый родными братьями - Ельбузду, Желеготом, Камбулатом и двоюродным братом Елбузлуко, Темрюк стал в начале пятидесятых годов XVI века главным князем Кабарды. Он использовал свое

* Придворный чин, степенью ниже боярина.

влияние, а часто и силу, усмиряя непокорных феодалов, чтобы противостоять врагам и добиться сближения с Россией. Конечно, не без его участия посылались в Москву и первые посольства.

Имя Темрюка и его авторитет в то время были широко известны не только среди кабардинцев и черкесов, но и за пределами Северного Кавказа. Сближения и дружбы с ним искали владетельные фамилии даже других народов — он состоял в родстве с союзниками Москвы астраханским царевичем Бекбулатом и сыном князя Большой Ногайской орды Тинехматом, за которых выдал замуж своих дочерей.

В сознании и памяти кабардинского народа имя Темрюка вот уже несколько веков овеяно легендами и сказаниями. «Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгского народа... — рассказывается о нем в одном из сказаний. — Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки* сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюк Идаров не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: «Иду на вас».

В эти времена варварства гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа». До наших дней в народных преданиях и песнях кабардинцев сохранилась память о той эпохе. Еще и теперь живет поговорка: «Тхаго царь-Иван хот туа» - «Присяга, которая дана перед царем Иваном». А мудрые старики помнят и передают из поколения в поколение песни и легенды о Темрюке, направившем посольство в Москву и оградившем Кабарду от захвата Турцией и Крымом:

...Семь месяцев трудных сидел ты в седле,
Доспехи надев боевые.

*Гекуоки — гегуако (джэгуак1уэ) — народные певцы-сказители

Ты благо принес кабардинской земле,
Открыл нам просторы России.

Хуара-скаун ускоряет свой бег,

А всадник отважен и строен,

Горячие стрелы ты сыплешь, как снег,
Темрюк, предводитель и воин.

Кабарда вошла в состав Русского государства на правах союзника со всеми вытекавшими отсюда обязательствами. Кабардинцам, вместе с русскими и другими народами, населявшими великую страну, предстояло вести совместную борьбу с общим врагом, участвовать в ближних и дальних походах, радоваться победам и переживать неудачи. А потом, через столетия, всем народам России еще предстояло подняться на священную войну с царским самодержавным и сообща уничтожить его. Но к этому вел очень долгий и сложный путь.

Пока же шел шестнадцатый век и обретали полный смысл и подлинное значение слова клятвы, данной сынами адыгской земли в Москве: «...служити до конца своей жизни, куда их государь пошлет на службу, туда и ходити».

Специальные книги Разрядного приказа, ведавшего военными делами России, летописные источники, составленные во второй половине XVI века и позже, дают нам много сведений об участии кабардинцев и черкесов в походах русской армии. Вот, например, одна из документальных записей за январь 1558 года, свидетельствующая о воинской службе посла Темрюка - Канукова: «...Того же месяца царь и великий князь отпустил на крымские улусы князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, да с ним черкасского мурзу кабардинского Канклыча Канукова государь отпустил в Кабарду в Черкасы, а велел им [кабардинцам], собрався, идти всем к князю Дмитрию же на помощь. А отпущен в Черкасы на Казань да на Астрахань судном, а из Черкас им идти ратью [к Вишневецкому] мимо Азова».

В начале января 1558 года Россия начала войну с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю и воз-

вращение исконных русских земель, захваченных немецкими «псами-рыцарями» три столетия назад. Сорокатысячная армия, в которой вместе с русскими людьми находились казанские татары, кабардинцы, черкесы, мордва и чуваша, перешла западную границу и стала успешно продвигаться вперед, занимая села и города Ливонии. В то же время, чтобы обезопасить страну от возможного набега крымцев с юга, Иван IV отправил в заслон на Днепр несколько тысяч стрельцов и казаков под началом воеводы Дмитрия Вишневецкого. Как раз тогда украинские казаки высадились на днепровском острове Хортица, ставшем впоследствии центром знаменитой Запорожской Сечи, укрепились на нем и отсюда стали нападать на крымские кочевья. Полк Вишневецкого, не теряя времени, ушел на Украину.

Одновременно в Кабарду отправился мурза Канклыч Кануков, получивший в Москве приказ собрать отряд кабардинцев, выйти с ним на Днепр и соединиться с посланными туда войсками. Пять месяцев прожил он в России, с честью выполнив свою важную дипломатическую миссию. Теперь посол Темрюка вез на родину известие и грамоту об успешном завершении переговоров с московским правительством. Из своего отряда в полтораста человек, прибывшего с ним из Кабарды, сотню всадников он направил в русскую армию, сражавшуюся в Ливонии. Сам Канклыч с оставшимися людьми, сопровождаемый выделенной в Москве почетной стражей, держал путь на Казань.

Тройки сильных, гривастых коней быстро несли сани кабардинского мурзы и его свиты мимо редких сел и городов, через занесенные снегом глухие леса, по льду замерзших рек и озер. Лишь на несколько дней путникам пришлось задержаться в одном из монастырей, переживая разыгравшийся буран.

В середине февраля перед ними раскрыла свои ворота Казань. Отсюда предстояло двигаться на Астрахань, добраться до которой в эту пору можно было только на санях. Снегопады в ту зиму выдались настолько частые и обильные, что земля от Казани на юг, где уже не встречалось ни поселений, ни дорог, оказалась укрытой белым плотным покрывалом двухметровой толщины. Канклыч

Казань. Через этот город лежал путь по Волге с Северного Кавказа к Москве. Отсюда не раз отправлялись и в Кабарду отряды русских ратников для борьбы с ее врагами. С рисунка XVII века

спешил и, несмотря на советы переждать зиму, двинулся дальше. Проваливаясь по брюхо в снег, обдирая до крови об острый снежный наст ноги, измученные и взмыленные кони с трудом продвигались вперед по снежной целине. Потом от бескормицы начался их падеж. Пробившись по снегу две сотни верст и видя невозможность дальнейшего пути, посол решил вернуться в Казань.

Валил снег, кружилась метель, и приходилось ждать. И вдруг в середине марта, на удивление всем, наступила неожиданная оттепель, пошли теплые дожди. Через несколько дней земля освободилась от своего зимнего покрова, а вскоре вскрылась ото льда и Волга.

На стругах*, снаряженных казанским воеводой, Канклыч поплыл к Астрахани. Вот почему русский летописец, несмотря на то, что посол выехал из Москвы в январе, подчеркивает в летописи — кабардинский мурза был «отпущен в Черкасы на Казань да на Астрахань судном». Пока он добирался до Астраханской крепости, а потом до Кабарды, русские гонцы везли царские грамоты в Поволжье к князю Большой Ногайской орды Измаилу, сын которого приходился зятем Темрюку. Этот давний сто-

* *Струг* — старинное речное деревянное судно.

ронник и друг России тоже должен был выделить своих воинов для отправки на Украину с отрядом кабардинцев. Только в начале июня привел своих конников на берег Днепра Канклыч Кануков. Несколько тысяч кабардинцев и ногайцев прошли нелегкий путь по открытым степям, через кочевья Малой Ногайской орды, мимо турецкой крепости Азов, по крымским улусам. Острые сабли, меткие стрелы и быстрые кони помогли им преодолеть все преграды и препятствия.

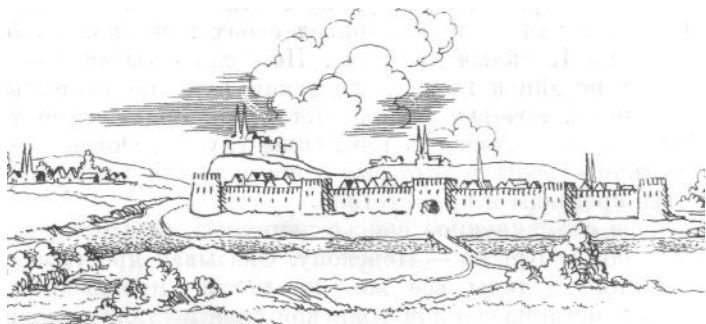
Вскоре объединенное войско двинулось из Приднепровья к воротам Крыма — Перекопу. Оказывая яростное сопротивление, татары все же не могли противостоять мощной и организованной воинской силе и стали поспешно уходить из степей за перекопские валы. Преследуя отступавших, захватив богатую добычу, полк подошел к Перекопскому перешейку и остановился. Воеводы Вишневецкий, Заболоцкий и мурза Кануков со своими силами, не такими уж значительными, не решились на прорыв в глубь территории Крыма. Но в подобном рейде и не было необходимости — отряд выполнил свою основную задачу, нанеся крымцам большой урон. Простояв еще полмесяца у Перекопа, он ушел на Днепр.

До конца года у Девлет-Гирея отпало всякое желание нападать не только на Россию, но и на Кабарду...

В то же время русская армия вела успешные боевые действия в Ливонии. В мае 1558 года под ее ударами пала крепость Нарва, а в июле был взят Дерпт. При его штурме отличились кабардинцы и черкесы, участвовавшие в разгроме немецкой конницы, пытавшейся совершить вылазку из осажденного города.

Осенью, готовя силы для нового удара, Иван IV приказал воеводам собраться к крепости Ринген. Сюда двинулись русские полки из Ракоборского замка, Вышгорода, Дерпта. Из Пскова к месту сбора выступили кабардинцы и черкесы во главе с князьями Машуко Кануковым и Сибоко Кансауковым, названными после принятия ими крещения Иваном Машуко и Василием Сибоко.

Войско шло к Рингену тремя полками — большим, передовым и сторожевым. «А черкасским князьям,— читаем в летописи, — [царь] велел быть в передовом же полку, а велел воеводам съезжаться в передовой полк

Дерпт. При взятии русскими войсками этой ливонской крепости отличились кабардинские и черкесские воины. С рисунка XVI века

к князю Ивану Маашу Черкасскому». Следом за ними в Ливонию двигались, как это было принято в русской армии, еще два полка — левой и правой руки. Таким со времен Ивана IV стало деление русской армии во время боевых действий. Если же в походе участвовал сам царь, то к пяти полкам присоединялась еще в качестве особого отряда царская дружина.

В январе собранная рать двинулась по орденским землям и, разгромив рыцарей под Тирзеном, прошла до самого моря. Храбрость и отвагу проявили в тех боях сыны Кабарды и Черкесии, сражавшиеся в далекой от Кавказа Прибалтике. Там остались могилы многих из них. Шла война, убитых в боях никто не оплакивал — ведь рядом с ними не было ни жен, ни матерей. В последний путь их провожали только товарищи по оружию — земляки и московские ратники.

Султан турецкий и хан крымский, лишившись своих союзников в Казани и Астрахани и зная о все более крепнувших постоянных связях России с Кабардой, в эти годы не предпринимали крупных походов против кабардинцев. Сильнее стал их беспокоить в это время своими

набегами близкий северокавказский сосед — шамхал Тарковский из Дагестана. Его отряды, состоявшие наполовину из турецких и крымских наемников, наведывались в Кабарду по нескольку раз на год.

Тогда в ответ на просьбу Темрюка Москва и дала указание астраханскому воеводе Ивану Черемисинову помочь кабардинцам и наказать шамхала за чинимые им грабежи и насилия. В июне 1560 года из Астрахани вышло в Каспийское море около сотни стругов с тысячным отрядом стрельцов, казаков и командой пушкарей с легкими пушками. Хорошая погода и спокойное море благоприятствовали плаванию, и через полмесяца эскадра Черемисинова подошла к столице шамхала — Тарки. Прямо со стругов пушки дали по городу несколько залпов, потом весь отряд высадился на берег. Не встретив сопротивления, воины вскоре вошли в Тарки. Оказалось, что, боясь расплаты, шамхал и его наемники бежали в горы, оставив столицу на милость победителей...

* * *

Четыре столетия назад, в грозное и далекое от нас время, началось становление дружбы и братства народов России и Северного Кавказа. Их скрепляли не только договоры царя и князей, самое главное — их роднила кровь простых людей — русских, кабардинцев, черкесов, пролитая в сражениях против общих врагов в степях Приднепровья и Придонья, на равнинах России и Прибалтики, в предгорьях Кавказа.

ПРИ ДВОРЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

1558 год (7067 «от сотворения мира»). Октябрь... «Того же месяца приехали из Черкас к царю и великому князю [Ивану] княжьи дети большого князя из Кабарды Темрюка Булгерук-мурза да Салтан-мурза бить челом, чтобы их государь жаловал своих подданных и оборонил от шамхальского государя...

И царь и великий князь Салтану-мурзе по их челобитию велел жить у себя на дворе и крестить его велел, и нарекли ему имя князь Михаиле, и велел государь его грамоте учить...»

Это самое первое упоминание летописи об известном в русской истории князе Михаиле Темрюковиче Черкасском. Приехав в Москву вместе со старшим братом Булгайруком*, он был по просьбе своего отца Темрюка крещен в

*** В некоторых русских источниках Булгайрук именуется Беберюком.**

православную веру и навсегда остался в России, оказавшись вскоре в самой гуще событий, происходивших в царствование Ивана IV. Булгайрук же, получив в Москве обещание о присылке в Кабарду военной помощи, вскоре отбыл на родину.

В 70-х годах XVI века в Москве по велению царя Ивана была составлена история Руси — Лицевой летописный свод. Многотомная летопись, дошедшая до наших дней, написана четким полууставом на отличной королевской бумаге, привезенной из Франции. На ее страницах помещено несколько тысяч цветных миниатюр-иллюстраций, отображающих историю страны, жизнь и быт всех слоев общества того времени. Двадцать одна из них рассказывает о связях России с Кабардой и Черкесией - о приезде в Москву их послов, об оказании им военной помощи.

В числе миниатюр Лицевого свода есть одна, интересная для нас, посвященная сыну Темрюка — Салтану. Выполненная, как и все, в характерной для средневековья иконописной манере, она тем не менее важна как источник по ранней биографии Темрюковича и как одно из двух известных нам его изображений.

Композиционно миниатюра состоит из трех частей. Первая показывает приезд Салтана с братом в Москву и их встречу с царем Иваном IV. Сын Темрюка предстает перед нами безбородым, довольно маленького, по сравнению с окружающими его бородатыми людьми, роста. Вероятно, так художник хотел подчеркнуть его молодость, хотя, судя по всему, ему тогда должно было быть уже не менее восемнадцати - двадцати лет. Рядом с ним мы видим еще одного безбородого человека. Это другой сын Темрюка — Булгайрук, как видно, намного старше Салтана.

Затем следует сцена крещения. Полураздетый Салтан стоит в реке на фоне кремлевских стен. На берегу священник с раскрытой церковной книгой в руках, нарекающий молодого кабардинца его новым, русским именем — Михаил. Рядом со священнослужителем художник тщательно вырисовал бородатых мужчин: ведь в допетровской Руси бороду носили все — молодые и старые, она являлась гордостью каждого уважающего себя человека, и сбривать ее категорически запрещалось.

Третья часть миниатюры, конечно, самая примечательная, она о том, как «велел государь его грамоте учить». Грамотей-монах передает Михаилу лист бумаги с начертанными на нем буквами русской азбуки А, Б, В, Г - аз, буки, веди, глаголь.

Михаил Темрюкович, без всякого сомнения, стал первым человеком из Кабарды, получившим образование в Москве. И кто знает, быть может, ему посчастливилось бывать и в знаменитой «Либере» - богатейшей библиотеке Ивана IV, привезенной в Россию его бабкой, племянницей последнего византийского императора принцессой Софьей Палеолог. В библиотеке хранилось восемьсот редчайших фолиантов в золотых переплетах, написанных авторами Древнего Рима и Древней Греции, Персии и Египта. О «Либере» знали в странах Европы и Востока, так как в то время нигде уже не осталось такого богатейшего собрания книг и манускриптов. Но доступ в хранилище имел лишь очень ограниченный круг лиц, те, кому Иван особенно доверял. Он знал, что этим уникальным рукописям нет цены ни в золоте, ни в бриллиантах. К величайшему сожалению, после смерти царя вся библиотека бесследно исчезла. Поиски ее, продолжающиеся более двухсот лет вплоть до наших дней, пока не дали никаких результатов.

* * *

7 августа 1560 года скончалась жена царя Ивана Васильевича Анастасия Романовна. Женившись в семнадцать лет, он в тридцать стал вдовцом. Без матери остались двое сыновей: шестилетний Иван и трехлетний Федор. Кончину своей жены, тяжело болевшей около десяти месяцев, царь, которого уже в эту пору начинает преследовать мания заговоров, связывал с ее отравлением и «злым чародейством», исходящими от приближенных бояр и дворян. На их головы обрушились первые репрессии, ссылки, казни. И долго еще потом, спустя годы, Иван будет пользоваться этим и подобными ему предложениями для уничтожения людей, необоснованно обвиненных в изменах и заговорах.

На похоронах Анастасии царь плакал как ребенок, а потом, тяжело переживая утрату, отказывался от пищи, проводил дни и ночи в изнурительных молениях. Через неделю, боясь, как бы он не лишился рассудка, к нему пришли бояре во главе с митрополитом Макарием. Видя, как безутешен в горе Иван, они просили его оставить скорбь о покойной царице и подумать о новой женитьбе.

Поначалу царь и слышать об этом не хотел и не сразу внял уговорам своих вельмож. Через два дня, 16 августа, в присутствии высшего духовенства и Боярской думы он заявил, что никак не думал сейчас о женитьбе и только обращение к нему митрополита да забота о своем государстве и малолетних детях заставляют его согласиться на новый брак. Но невесту ему должны теперь найти не на Руси, а «в иных землях». Это значило, что новую женитьбу он связывал прежде всего с политическими целями.

В конце августа Иван IV отправил посольство в Польшу к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу. Последний, став союзником и покровителем Ливонского ордена, теперь тоже находился в состоянии войны с Россией. Царь решил свататься за одну из его сестер — старшую Анну или младшую Екатерину, на усмотрение посла окольного* Федора Сукина. «Идучи дорогой и до Вильны, — напутствовал его Иван, — распытывать для себя накрепко про сестер короля, про королевен, скольких лет меньшая Екатерина и скольких лет другая, Анна, и каковы ростом, и сколь которая в теле, и какова обычаем [характером]... Которая будет лучше, о той говорить от имени царя... А будет большая королевна хоть и добра в ту же пору, как меньшая, и больше будет двадцати пяти лет и ему о ней не говорить, а говорить о меньшей. А разведывать того накрепко, чтобы была не больна и не суха телом...» Как видно из всего этого, хоть дело было в политическом расчете, а в новом браке царь все же хотел иметь жену юную, красивую и пригожую.

Второе посольство направилось в Швецию к королю Густаву, третье — в Кабарду. Послам Федору Василь-

* *Окольный* — придворный чин выше стольника.

евичу Вокшерину и подьячему Семену Мякинину было велено, как указывает летописец, «у черкасских князей дочерей смотрети и привезти их к Москве».

Сватовство в Польше окончилось неудачей. Король запросил за свою младшую сестру красавицу Екатерину (на нее пал выбор царского окольного, и портрет ее он привез в Москву царю) слишком большую цену - древние русские города Новгород, Смоленск, Псков и Черниговскую область. Об этом, конечно, не могло быть и речи.

Из Швеции послы тоже вернулись ни с чем. Они принесли весть о том, что король Густав скончался, в стране траур и наследник престола Эрик в такой обстановке о сватовстве вести переговоры отказался. Но главное и здесь было в том, что Швеция, захватившая ряд городов Ливонского ордена - бывшие русские территории, фактически находилась в состоянии войны с Россией и уступать ей новые земли не собиралась.

А о судьбе посольства Вокшерина, направленного в Кабарду, все еще не было никаких известий. И тогда, в феврале 1561 года, Иван IV отправляет окольного Сукина, уже ездившего сватом в Польшу, «смотрети» дочерей западочеркесского князя Василия Сибоко, к тому времени вернувшегося из России на родину. Но добраться до него царскому посланнику не удалось - в том краю уже господствовали турки и крымские татары, воспользовавшиеся тем, что русские, занятые затянувшейся войной с Ливонским орденом, не смогли оказать черкесам помощи в их борьбе с захватчиками. С тех пор они попадают в зависимость от Турции и Крыма, и их связи с Москвой надолго обрываются.

Прошло десять долгих месяцев с того времени, как отбыли в Кабарду с деликатным поручением царя Федор Вокшерин и Семен Мякинин. И вот наконец 15 июня 1561 года послы торжественно появились в Москве с невестой для Ивана IV.

«...Того же лета июня в 15 день, в воскресенье, приехала в Москву из Пятигорских черкас кабардинского князя Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей... А с княжною приехали к царю и великому князю брат ее

Темрюков княжий сын Доманук-мурза да Бекбулат-царевич... а за Бекбулатом Темрюкова же княжия дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саин-царевичем, приехали государю служить. А встречал княжну на Волге Иван Андреевич Бутурлин и к Москве с нею приехал... и поставили княжну в городе старом у Ризположенских ворот на Игнатъеве дворе Вишнякова...»

Да, так все и было в тот летний июньский день 7069 года «от сотворения мира». Сопровождаемая воеводой Бутурлиным, послами Вокшериным и Мякининым, старшим братом Домануко, астраханскими царевичами Бекбулатом и малолетним Саин-Булатом — зятем и внуком Темрюка, в Москву приехала его дочь княжна Кученей*. В свиту ее входило около полутора тысяч кабардинских всадников, астраханских татар, ногайцев и казаков.

Пути-дороги, начавшиеся с берегов Терека в Кабарде, первоначально привели Кученей в Астрахань. Оттуда, вверх по Волге, отплыла она с целым караваном стругов на Казань, а через Нижний Новгород и Владимир проследовала в русскую столицу.

Необычайный кортеж въехал в Москву. Величественно вышагивали нагруженные дарами верблюды, горделиво изгибали шеи горячие кабардинские скакуны, с трудом сдерживаемые своими всадниками, нетерпеливо рвались вперед породистые жеребцы-аргамаки — полсотни их Темрюк послал в подарок царю. Строгие костюмы горцев-кабардинцев, пестрое одеяние степняков-татар и ногайцев, тусклый блеск кольчуг и щитов, золоченые шлемы военачальников и их белые бунчуки, красной кожи колчаны и налучники - все это проплывало перед глазами изумленных москвитян, вышедших на улицы и площади города взглянуть на приехавших чужеземцев. А впереди всего шествия в окружении русских послов, воеводы, брата и астраханских царевичей следовала Кученей, находившаяся в восточном шатровом паланкине, установленном на верблюде. С удивлением вглядывалась она из-за тяжелых бархатных занавесок в громадный и загадочный город.

* Гуашаней (Гуашэней) — так звучит это имя по-кабардински. В русских источниках дочь Темрюка зовется Кученей.

Уставшей от долгого и утомительного пути княжне, ее брату и их близким людям воевода Бутурлин отвел хоромы стольника Вишнякова вблизи Кремля. Охрану дома несли кабардинские уздени и русские стрельцы.

С братьями Михаилом, уже жившим в Москве около трех лет, и Домонуко Кученей удалось еще несколько раз побывать на улицах Москвы. Все поражало ее в этом громадном городе: грозный Кремль с его уходящими в небо башнями и девятиглавый красавец храм Василия Блаженного, поставленный в честь взятия Казани, громадные часы на Фроловской башне и солидные бородатые бояре, одетые, несмотря на летнее тепло, в высокие собольи шапки и длиннополые парадные меховые шубы, терема сказочной красоты и сотни высоких каменных церквей, выделявшихся на фоне деревянных зданий. Необычным казалось ей и многолюдье русской столицы.

Прошло несколько дней, и Иван IV «княжне черкасской велел быти на своем дворе» в Кремле. Смотрины проходили в верхних палатах царского дворца. С небольшой группой приближенных царь вошел в зал, где находилась девушка, привезенная из Кабарды. Он еще не видел ее и не знал, станет ли она его невестой.

Кученей предстала перед ним в национальном кабардинском наряде: в платье из темно-красного шелка, украшенном нагрудником с золотыми застежками, широкими расшитыми нарукавниками и поясом из галунной тесьмы с массивными позолоченными пряжками филигранной работы. Голову ее венчала коронообразная шапочка с меховой оторочкой. Она казалась выше ростом, оттого что была в особой обуви на деревянных подставках, носимой знатыми кабардинками в торжественных случаях.

Робея и прикрывая в смущении платком лицо, стояла юная княжна под цепким и любопытным взглядом Ивана. Конечно, она чувствовала себя тогда стесненно и неуверенно на глазах у этого широкоплечего, бородатого человека, в дорогом бархатном кафтане с оплечьем из драгоценных камней.

...Летом 1963 года специальная комиссия, состоявшая из археологов, антропологов и медиков, вскрыла гробницу

Ивана IV, находящуюся в Архангельском соборе московского Кремля. Известный советский антрополог, скульптор и историк Михаил Михайлович Герасимов, ныне уже покойный, воссоздал по сохранившимся скелету и черепу облик царя.

Рост его достигал более 180 сантиметров, он имел хорошее сложение, отлично развитую мускулатуру и обладал большой физической силой — ведь с юношеских лет занимался охотой и сам, один на один, ходил с рогатиной на медведя, любил тяготы и трудности военных походов, отлично владел саблей и луком.

Густые, темно-каштановые волосы обрамляли мужественное лицо, в свои тридцать один год, когда его впервые увидела Кученей, Иван был интересным и привлекательным мужчиной.

Современник царя англичанин Джером Горсей отмечал: «Он был хорош собой, стройно сложен, с высоким лбом, пронзительным голосом... остроумен». С этим описанием перекликается свидетельство другого иностранца — Даниила Принца: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное, силен... большие глаза его постоянно бегают и все наблюдают самым тщательным образом. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая».

...Иван Васильевич долго и внимательно рассматривал девушку... Вначале суровые и настороженные, его глаза заискрились, а потом он широко и по-доброму улыбнулся. И Кученей уже не боялась этого большого и сильного человека, для встречи с которым ее и привезли в Москву.

Он всматривался в прекрасное лицо дочери Темрюка и все больше убеждался в верности слов, сказанных ему старыми боярскими вдовами -- бабками и мамками, представленными к княжне. Осмотрев ее всю, как того требовал давний обычай, они доложили, что Кученей «государю будет пригожа красотой, здоровьем и чистотой».

Она была не похожа на русоволосых с голубыми и серыми глазами, чуть вздернутыми носами дочерей России. Черные волосы, ниспадавшие двумя толстыми косами на грудь, смугловатое с нежной кожей и тонким овалом лицо, темно-карие, с прекрасным восточным разрезом глаза, прямой нос -- ведь как раз таких женщин и видел

царь на миниатюрах старинных восточных книг в своей библиотеке — «Либерее».

Иван вслушивался в ее голос, пытаясь понять смысл и значение незнакомых слов, а решение уже пришло — ему приглянулась юная дочь Кабарды. Он «смотрел ее и полюбил» — так запишет летописец в свой рассказ об этих царских смотринах.

В воскресенье, 6 июля, в дворцовом Благовещенском соборе протопоп Андрей Благовещенский объявил собравшимся боярам и духовенству, что Кученей готовится к обряду крещения и будет наречена Марией «во имя святой Марии Магдалины». В тот же день царь назвал ее своей невестой и по древнему русскому ритуалу вручил своей суженой кольцо и платок, унизанный жемчугом. Кученей Темрюковна официально стала царской невестой.

Какой же была эта юная княжна, младшая дочь Темрюка, волей судьбы заброшенная далеко от родных мест в загадочную и чужую для нее страну Московию, язык и нравы которой ей предстояло отныне познать?

Летописи скудно сообщают о ней и ее жизни в России. Известный историк Николай Михайлович Карамзин в «Истории государства Российского», выпущенной в начале XIX века, называл Марию «прелестной дочерью Темрюка». О ее красоте писал в своей «Истории России с древнейших времен» в середине прошлого столетия и профессор Сергей Михайлович Соловьев.

Иван IV, умный и широко образованный для своего времени человек, знакомый с историей и литературой, не мог не слышать и не знать о красоте черкешенок и кабардинок. Во времена средневековья они особо высоко ценились на невольничьих рынках Азии и Востока. Турецкие султаны, крымские ханы, персидские шахи и их феодалы старались заполучить в свои гаремы девушек страны «Черкас пятигорских», отдавая им предпочтение перед всеми другими. Те, кому довелось бывать в Черкесии и Кабарде, приезжая в Москву, привозили сюда рассказы об этих землях, их обитателях и, конечно же, о красавицах-женщинах...

Описание их красоты и прелести, оставленное нам людьми разных национальностей и воззрений, мощно поистине назвать песней во славу адыгской женщины.

Издавна широко была известна красота кабардинских и черкесских женщин. Увидев дочь князя Темрюка, прелестную Кученей, Иван IV «смотрел ее и полюбил»

Еще в X веке арабский географ и путешественник Абу-ль-Хасан Али аль-Масуди, побывав на Кавказе и восторгаясь красотой черкешенок, писал в своей книге «Луга золота и рудники драгоценных камней»: «Из описанных нами племен нет ни одного в этих странах народа, в котором можно было бы встретить тип с более светлой кожей и светлым цветом лица и более красивых... женщин. Ни у одного народа нет стана более стройного, талии более тонкой, бедер и таза более выдающихся и форм более красивых, чем у этого народа. Женщины их славятся мягкостью своего обращения. Они носят румскую парчу, пурпур и иные виды шелковых материй, затканых золотом».

Географа и историка эпохи итальянского Возрождения Джорджио Интериано, побывавшего в этом крае пять столетий спустя, восхитил вид купавшихся в реке девушек: среди них «можно видеть большое число красивых, снежной белизны созданий».

«Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, милостивы лицом, белотелы и краснощеки, волосы черные как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытым лицом. Они общительны и любезны», — отмечал в тридцатых годах XVII столетия немецкий ученый, магистр философии и дипломат Адам Олеарий.

«Пятигорские женщины очень целомудренны... Считают, что среди них можно встретить красивейших людей в мире...», — свидетельствовал по рассказам, собранным в странах Ближнего Востока, известный французский негодичант XVII века Жан Тавернье.

«У женщин... белоснежная кожа и красивые, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться, — вторит ему голландский путешественник и дипломат Ян Стрейс, познакомившийся с кабардинцами в шестидесятых годах того же столетия. — Они большей частью хорошо сложены. Их брови и волосы черные как уголь... Они ходят с непокрытыми лицами, на голове носят красивые двойные черные шапочки, обшитые красным полотном, что весьма к ним идет...»

«Их женщины обычно самые красивые на всем Кавказе», — признавал в начале XIX века русский академик, немец по национальности, Генрих Клапрот, побывавший во время своих путешествий и в Кабарде.

Венгерский ученый Янош Бессе, предпринявший большое путешествие по Кавказу, Крыму, Грузии, Армении и Малой Азии, в 1829 году побывал и в Нальчике. В его книге, вышедшей позже в Париже, мы находим такие строки, посвященные кабардинкам: «...Они красивы, у них легкие и тонкие фигуры, красивейшие в мире глаза, брови красивого рисунка и длинные ресницы».

Не устоял перед их чарами и генерал-лейтенант русской армии Иван Федорович Бларамберг, офицер Генерального штаба при Отдельном Кавказском корпусе: «Женщины у них самые красивые на всем Кавказе и всегда пользовались такой репутацией. У них черные глаза, они шатенки, у них греческий нос и маленький рот. У кабардинских женщин кожа на лице белая с легким налетом кармина. Если к этому добавить стройную и гибкую фигуру и маленькие ножки, можно получить представление об образчике черкесской красоты...»

* * *

...И вот летом 1561 года Москва узнала, что в Кремле находится кабардинская княжна, ставшая царской невестой. В старину рано выдавали девушек замуж. В четырнадцать-пятнадцать лет они уже становились невестами и женами. Так было в России, в странах Европы, и тем более на Кавказе и Востоке, где девушки формировались раньше, чем на севере. А это значит, что княжна в ту пору, когда ее «смотрел и полюбил» царь Иван, имела от роду не более пятнадцати-шестнадцати лет. Иначе красавицу Кученей, дочь князя Темрюка, уже выдавшего замуж двух своих дочерей в другие земли, обязательно бы сосватали другие.

20 июля Кученей крестили в кремлевском Успенском

соборе — с времен Ивана IV место коронации всех русских царей. Крестил ее сам митрополит российский Макарий. В то же время совсем рядом, в Архангельском соборе, где покоится прах великих князей — предков царя, в его присутствии служили торжественный молебен. После завершения обряда крещения Иван Васильевич, по обычаю, преподнес Марии золотой крест-складень, а царицы Иван и Федор вручили своей будущей мачехе кресты, украшенные алмазами и жемчугом.

Начались приготовления к свадьбе. В подземных клетях Благовещенского собора, где находилась царская сокровищница, подбирались для невесты украшения — венец, оправленный жемчугом и сапфирами, рубиновое ожерелье, золотые с яхонтом серьги, запястья, усыпанные алмазами, нитки жемчуга. Мамки и бабки шили Марии подвенечное платье из бухарской парчи, лучшие дворцовые сапожники срочно делали для нее красные сафьяновые сапожки на высоких каблуках.

Со всех концов Руси стали стекаться к Москве воза, доверху груженные всевозможными припасами для свадебного стола. Из Белоозера, через Ярославль, в специальных «прорезных стругах» везли живую рыбу; Астрахань прислала осетровые и севрюжки балыки и тогда уже славившуюся на всю Европу зернистую икру; в дубовых бочках, привезенных из Рязани, Муромца и Вязьмы, сахарился душистый мед, идущий для приготовления доброй, хмельной медовухи, известной на Руси еще со времен князя Владимира и былинного Ильи Муромца. Рязанские, муромские и ростовские охотники свозили в Кремль свою добычу — лосей и оленей, тетеревов, диких уток и зайцев, лебедей и журавлей, складываемых до поры в глубоких ледовых погребах царского двора. А из них выкатывались бочонки с заграничными винами многолетней выдержки.

Все это обилие съестных припасов и питья предназначалось для сотен гостей — русских, кабардинцев, астраханских татар, ногайцев и всех тех, кому доведется познать на свадебном пиру Ивана и Марии славное российское хлебосольство.

А города Углич и Тверь, Мордовская и Черемисская земли отправляли в Москву десятки пудов воска для изготовления свечей, расход которых в дни торжеств особенно увеличивался. Две из них, каждая весом по три пуда,

согласно древнему русскому поверью, играли особую роль в свадебном обряде. При их свете новобрачным подавали «на счастье» специально приготовленную кашу.

21 августа москвичи проснулись от переливчатого звона всех пяти тысяч колоколов многочисленных церквей и соборов столицы. Перезвон стоял такой, что, как писали иностранные современники, «люди не могли в разговоре слышать друг друга».

«Того же лета августа в 21 день... в четверг, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси женился вторым браком, а взял за себя кабардинского из Черкас Темрюк-князя Айдаровича дочь, нареченную во святом крещении царевну Марию, а венчал его в соборной и апостольской церкви Успения... Макарий, митрополит всея Руси. На радости же его тогда были брат его князь Юрий Васильевич да князь Володимир Андреевич* и бояре и вельможи многие».

В Государственной Оружейной палате Московского Кремля среди многих ее сокровищ есть вещь, связанная с событиями, о которых ведется рассказ. Это золотое блюдо, подаренное Иваном Марии в день их свадьбы. Украшенное растительным орнаментом и гербом Руси, оно имеет по кругу надпись: «Лета семь тысяч шестьдесят девятого божией милостью благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси зделано блюдо благоверной царицы и великой княгини Марии». Изготовленное из трехкилограммового куска золота, свадебное блюдо Марии Темрюковны считается одним из шедевров, сделанных русскими мастерами золотого дела. В старинном свадебном обряде на Руси блюда-подносы играли определенную роль: на них обычно жених преподносил невесте головной убор — кичу, а потом во время торжественного

* Владимир Андреевич Старицкий — двоюродный брат Ивана IV.

застолья они служили для подачи молодым особых кушаний.

Описания самой свадьбы ни русские летописи, ни современники до нас не донесли. Но известен рассказ свидетеля тех дней. Антоний Дженкинсон, английский купец и мореплаватель, летом 1561 года приплыл к берегам Белого моря для налаживания торговых связей с Россией. «...Я выехал... к Москве, куда прибыл 20 же августа, — пишет он в своих записках. — Я немедленно известил секретаря его царского величества о моем приезде с письмом королевского высочества к царю, и тот доложил об этом царю. Однако его величество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец — посланник или иной — не появлялся перед ним в течение некоторого времени, с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут праздновать торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением приближенных царя) не выходил из своего двора во время празднеств... Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной.

6 следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы, выдающиеся по занимаемому положению и имеющие дела с правительством; я был в числе приглашенных».

Оказавшись в Москве через десять лет после этих событий, другой англичанин — купец Джером Горсей, пользуясь лишь дошедшими до него рассказами, прошедшими через десятки уст и, видимо, настолько фантастическими, что он сам в них не верил, указывал в своем сочинении: «...Иоанн женился на одной черкесской княжне... Празднование этой свадьбы было дотоле странное и отзывалось язычеством, что трудно поверить, чтобы оно совершалось на самом деле».

Всенародных, массовых торжеств по случаю свадьбы, как это делалось издавна, в Москве не устраивалось. Царь уже в то время все больше страшился заговоров и чародейства. Патологическая мнительность и безмерная подозрительность обострялись в нем с каждым годом. Вскоре

ему будут постоянно не давать покоя мысли об изменах, замышляемых против него. Все чаще стали приходиться к царю приступы необузданного гнева, в порыве которого он мог собственными руками убить человека. В недалеком будущем все это вызовет смерть многих тысяч людей, наветы, аресты, ссылки и все то, что даст русскому народу право прибавить к имени Ивана прозвище Грозный.

Отрицательные и страшные качества в этом великом и трагическом человеке, столь противоречивом в своих делах и поступках, сочетались с недюжинным умом государственного деятеля и дальновидного политика, талантливого публициста и способного военачальника.

* * *

Окончилась свадьба, в другие страны разъезжались присутствовавшие на торжествах русские послы. В Посольском приказе им всем было дано указание: там, за границей, на вопрос о второй женитьбе Ивана отвечать, что, когда умерла Анастасия и царь искал себе новую жену, «сказали ему — у большого князя Черкасского, у Темрюка, дочь, что его государскому обычаю пригожа; и царь и великий князь послал за ней и смотрел ее. И она его государскому обычаю пригодилась, и государь взял ее за себя, а Темрюка князя и землю Черкасскую пожаловал — велел им служить себе».

Все это означало, что отныне связи России с Кабардой еще более укрепятся и на Кавказе возрастут значение и роль Кабардинской земли и ее главного князя Темрюка — тестя могущественного русского царя.

Говоря о второй женитьбе Ивана IV, русский исследователь начала XIX века Семен Броневский так оценил это событие в своей книге «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»: «Сей поступок, был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью им свойственную много способствовали его победам».

Антоний Дженкинсон, будучи вскоре после свадьбы проездом в Персию в Шемахе, встретился там с посланником грузинского царя, рассказавшим ему о бедствиях своей страны, опустошаемой турками и персами. Англичанин тогда не только поддержал стремление грузин послать послов в Москву и просить там помощи, но и указал им путь туда — «через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился».

...1 сентября в России наступил новый — 7070 год. Вплоть до введения Петром I европейского календаря русские люди жили и отсчитывали время по византийскому летосчислению. Новый год по нему начинался с сентября, со времени окончания полевых работ.

Еще в Кремле продолжались новогодние празднества и свадебные приемы для именитых гостей, а в Кабарду уже отправилось царское посольство, с которым отбыл на родину и брат Марии Домонуко. Послы Иван Борисович Федцов и Никита Григорьевич Казаринов везли Темрюку и его жене специальную грамоту с золотой государевой печатью, бережно уложенную в золотой ларец, помещенный в небольшой деревянный рундук. Так полагалось издавна на Руси перевозить важные дипломатические документы. В грамоте говорилось о том, что царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич шлет им «свою радость... что... дочь их взял за себя». А вместе с этим посланием он передавал Темрюку и всему его семейству подарки — шубы куных и собольих мехов, наряды из персидского и венецианского бархата, золотые и серебряные кубки, азиатские ковры.

Судя по всему, Иван очень радовался тогда счастливым переменам в своей жизни и хотел, чтобы эту радость разделили с ним и родные его новой жены, жившие далеко от Москвы, на Кавказе.

О дальнейшей жизни Марии летописцы сообщают мало. В основном это сведения о ее выездах на богомолье в подмосковные и владимирские монастыри, что было обычным и обязательным явлением в ту пору. Женщины тогда вели затворнический образ жизни, резко ограниченный домом, своим двором и церковью. Это касалось всех сословий русского общества того времени, но особенно строго соблюдалось в кругах аристократии и при царском дворе.

В «Домострое» — кодексе правил жизни на Руси в XVI—XVII веках, например, так говорилось о жене: она должна быть «добра, и трудолюбива, и молчалива». Женщина, если не занята молитвами, обязана постоянно заниматься работой — простая домашним хозяйством, а знатная рукоделием: «Всегда бы жена без рукоделия сама ни на час не была, разве немощна [больна]». Исключения в этом случае не делалось даже для цариц.

Конечно, поначалу Марии приходилось очень трудно без знания русского языка, нравов и обычаев новой для нее страны и новых людей, с которыми ей приходилось теперь общаться и жить. Все здесь для нее было совершенно иное, чем там, на берегах Терека, в доме отца, где прошло ее детство и наступила юность, так круто изменившая судьбу девушки.

Все свое время, подобно другим русским царицам, она проводила в покоях кремлевского дворца, находясь с утра и до вечера в обществе большой свиты из старых боярынь и княгинь. Каждая из них имела определенные обязанности по отношению к Марии: одни одевали ее после сна и раздевали перед сном, другие подавали пищу, третьи кормили и поили, четвертые занимались с ней рукоделием, пятые ходили на прогулки и в дворцовую церковь на молитвы, шестые стелили и убирали постель. Эти приставленные к ней мамки учили ее и русскому языку. Все было строго распланировано и разграничено в жизни царицы, редко общавшейся с другими людьми, кроме своих родственников. Все дни походили один на другой. И, конечно, в такой обстановке даже выезды на богомолье, совершаемые Марией в закрытых от постороннего глаза возках летом и санях зимой, стали для нее развлечением: ей удавалось повидать новые места и побывать в других городах.

Женитьба царя на женщине с Кавказа, который для простого русского человека являлся далеким Востоком, оставила след в народных песнях России. В разных ее концах — от Архангельска до Ростова и от Смоленска до Сибири — еще в начале нашего века бытовали прошедшие через столетия песни-сказания. В них нашли отражение и

события времен Ивана Грозного, в частности его второй брак.

К этому времени в памяти народа уже не сохранилось сведений о том, что задолго до Ивана IV древнерусские князья брали себе жен не только в странах Европы, но и у соседних половецких ханов. А летописцы XII—XIII веков свидетельствуют, что сыновья великих князей киевского Владимира Мономаха и владимирского Юрия Долгорукого — Ярополк и Всеволод Большое Гнездо, как и князь черниговский Мстислав, были женаты на кавказских «ясских княжнах».

Все это было уже забыто, прошло ведь столько веков и столько событий. Поэтому, когда дед Грозного Иван III женился на чужеземке — племяннице византийского императора Софье Палеолог, этот его шаг вызвал всевозможные толки. Тем более теперь, когда через год после смерти любимой жены Ивана IV Анастасии в Москву привезена была новая невеста, на этот раз даже другой веры — молодая «босурманка, купавна татарская», в народе возникло множество всевозможных предположений и домыслов. Говорили, что царь Иван Васильевич потому так быстро забыл свою некогда горячо любимую супругу, что его околдовала и очаровала своей невиданной красотой Мария. В одной из песен сочинители вложили в уста умирающей и как бы предчувствующей этот брак царицы Анастасии такие слова:

Когда я, царица, преставлюся, Не
женись ты, царь, в той... Литве На
той ли Марье Темрюковне, На той
купаве татарское. Хотя есть у нее
много приданого.

Царица просит мужа не жениться после ее смерти на чужеземке «в той Литве», что в ту пору на Руси, наравне с татарскими Золотой Ордой и Крымом, означало чужие земли и все иноземное. Но, несмотря на это, песни не настроены враждебно или же как-то неуважительно к Марии. Все их безымянные авторы величали ее «царицей благоверною» и постоянно подчеркивали ее красоту, называя «купавной» или «супавной». И, конечно же, говорится далее в песнях,

Иван, увидев княжну, зачарованный, сразу же забывает о просьбе своей покойной супруги и женится на Марии Темрюковне:

Берет он, царь-государь, не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь, в той Золотой Орде.
У того Темрюка-царя, Темрюка Степановича,
Он Марию Темрюковну, сестру Матрюкову,
Купаву крымскую, царицу благоверную...
Он здравствует, царь-государь, у себя в каменной Москве,
В палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей, —
Пир навеселе, повел столы на радостях. И все
князи, бояри, могучие богатыри И гости
званные, пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.

...Мария стала женой царя Ивана IV. И так случилось, что именно в шестидесятые годы, годы их совместной жизни, усилился жестокость и все злые наклонности Грозного, особо проявившиеся в период опричнины. Народная молва, ряд летописей, русские историки XIX века Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, немец Гельмольт в «Истории человечества» и некоторые другие исследователи все это зло припишут влиянию Марии. В одном из старинных источников она называется «на злые дела падающая». В другом - хронографе «О браках царя Иоанна Васильевича» — сказано: «В лето 7069 августа 21 обратился царь вторично на Марии Федоровне Черкасской Горской... туги нравные и зело лютые...» (крутой нравом и очень злой).

Но все дело в ином. Известный русский психиатр, ректор Варшавского и профессор Казанского университетов Павел Иванович Ковалевский в своей книге «Иоанн Грозный и его душевное состояние», вышедшей в дореволюционное время, пришел к определенному выводу, что после тридцати лет Иван IV заболевает тяжелой формой психического расстройства — паранойей. Результатом этого и стали у него почти постоянными навязчивые мысли

о мнимых заговорах и преследованиях врагами. Современники писали, что в тоскливых взорах бояр царю виделось предательство, в их молчании ему чудились угрозы и укоры. Царя преследовал страх быть отравленным. Пищу и вино он принимал только из рук своих приближенных Афанасия Вяземского и Федора Басманова, которых потом обвинил в колдовстве и казнил.

Мания величия, ставшая одним из проявлений болезни, привела к тому, что, борясь с подлинными и мнимыми врагами - «изменами и крамолой», Грозный обрушился на русский народ с необузданной и невиданной жестокостью, подавляя любое, часто кажущееся ему несогласие с его мнением. Казня князей, воевод и бояр, Иван расправлялся не только с ними и их семьями, но и с тысячами принадлежавших им крестьян и дворовых людей.

* * *

Ровно через год после свадьбы в Москву вернулось посольство, отправленное Иваном IV в Кабарду с известием о его женитьбе на Кученей-Марии. Донести эту весть и дары царя до Темрюка довелось одному Казаринову, так как Федцов во время плавания по Волге тяжело заболел и остался в Астрахани. Грозный в то время как раз готовил очередной поход на Литву и находился с войсками в Можайске. Туда и прибыл 8 сентября 1562 года с докладом о поездке Никита Казаринов. Он привез известие, что Темрюк с великой радостью воспринял женитьбу Ивана на его дочери и клятвенно подтвердил свое неизменное решение - до конца жизни быть верным союзу с Россией. Молва же о том, что московский царь стал зятем главного князя Кабарды, произвела там очень сильное впечатление, и под воздействием этого некоторые князья - сторонники Крыма прекратили междоусобную борьбу.

Полмесяца спустя из Москвы уехал на Северный Кавказ посол Григорий Плещеев. Ему надлежало собрать в Казани и Астрахани пятьсот стрельцов, отправиться с ними к Темрюку, жить в его владениях, оберегать от врагов и ходить с ним в походы против его противников.

3 ноября отряд доплыл по Волге до Астраханской крепости, где посланник Грозного неожиданно встретился с Темрюком и его сыном Домонуко. Выяснилось, что они как раз и

приехали сюда к воеводе за помощью против «своих недругов» - местных князей, снова поднявших среди кабардинцев смуты и раздоры.

Присоединив к стрельцам казаков, пополнив запасы пороха и пуль для пищалей, Плещеев и стрелецкий голова Григорий Вражский спешно повели рать в Кабарду. 6 декабря Темрюк Идарович пришел с союзниками в свои владения и выступил с ними на крымского сторонника князя Пшеапшока Кайтукова, земли которого лежали по Малке и Баксану.

Одиннадцать дней понадобилось объединенным силам сына Идара и Плещеева для усмирения опасного противника, грабившего вместе с крымцами Кабарду.

Московская летопись, сообщая об этом факте, дает на своих страницах и отдельную миниатюру. Все в той же иконописной манере на ней показан царь, отправляющий Плещеева в Кабарду. В следующих ее частях мы видим Темрюка с сыном у воеводы астраханского, а затем на фоне кавказских гор — русских ратников с развевающимся стягом, пришедших на помощь кабардинцам. Во главе их одетый в доспехи Григорий Плещеев, обнимающий Темрюка Идарова.

* * *

Женившись на Марии, Грозный приблизил к себе ее брата, а своего шурина князя Михаила Темрюковича, жившего в Москве с 1558 года. На следующий год он уже был «в деле» с крымцами на южных границах Руси. И, как доносил царю воевода Вишневецкий, князь со своими воинами «истребил конский отряд».

В ноябре 1562 года Иван повел свое войско на штурм мощной польско-литовской крепости Полоцк, за которой открывался путь к столице Литвы — Вильно. В походе принимал участие и Михаил, находясь в это время в составе почетной стражи — рынд. Обычно в торжественных случаях каждый из стражников нес определенную часть вооружения царя. Брату его жены доверялся «большой государевый саадак» — налучник и колчан со стрелами.

15 февраля 1563 года, после двадцатидневного штурма, Полоцк пал. В Москву с известием об этой важной победе спешно был послан гонец. Царь «отпустил тогда к Москве с вестью к... Макарию митрополиту всея Руси и к царице и великой княгине Марии и к детям своим, к царевичу Ивану и к царевичу Феодору, и к брату своему к князю Юрию Васильевичу князя Михаила Темрюковича Черкасского». В битве за Полоцк молодой князь показал себя отважным воином. И направление его в Москву с вестью о победе было, конечно, наградой за ратную удачу. Грозный наказал передать детям и жене дорогие подарки, а митрополиту рассказать о взятии крепости и «просить ему от государя», чтобы глава русской церкви в честь важной победы над противником велел служить молебны по всем церквам и монастырям страны.

Падение Полоцка крайне обеспокоило польского короля, и он предложил царю временно прекратить боевые действия. В конце февраля, заключив с Польшей и Литвой перемирие на шесть месяцев, Иван IV отбыл в Москву. По пути, в селе Торонтовом, его встретили бояре, ехавшие к нему с поздравлениями от Марии и сыновей: «А от царицы его и великой княгини Марии приезжал ко государю князь Иван Большой Гагин и здоровал ему, государю, от царицы его и великой княгини потому же, что ему, государю, вотчину его город Полоцк бог в руки поручил».

А в яркое воскресное весеннее утро 21 марта, уже подъезжая к столице, увидел Иван Васильевич боярина Василия Траханиотова, спешившего к нему с радостной вестью — «с тем, что царю и великому князю родился сын царевич Василий, сей первый царевич от царицы и великой княгини Марии Черкасской». Сын, названный Василием, родился 2 марта. Об этом же писал в грамоте и князь Михаил, поздравлявший своего высокого родственника с еще одним наследником. Рядом с подписью брата Мария Темрюковна поставила свою печать, которой она пользовалась для особо важных сообщений мужу во время его частых отъездов. Оттиск ее дошел до наших дней. На золотом перстне выгравирован русский герб — двуглавый орел и вокруг него надпись: «Царицы и великой княгини Марьи печать».

В полдень 21 марта Грозный прибыл в Москву. Как героя взятия Полоцка его торжественно встречали на Арбате бояре, духовенство и ликующие москвичи. Царь спешил и до самого Кремля шел пешком.

Радостным поднялся он в покои к Марии, троекратно церемонно расцеловал ее, крепко обнял. Мамки, приставленные кормить новорожденного, тут же поднесли и показали ему двадцатидневного сына Василия, закутанного во множество шелковых пеленок и бархатных одеялец.

Ивану вообще везло на сыновей, правда, первый - Дмитрий, родившийся на пятом году их жизни с Анастасией, умер, даже не достигнув года. Два других — Иван и Федор. Василий стал четвертым. А потом, почти через двадцать лет, последняя жена Ивана Мария Нагая родит ему пятого сына — Дмитрия.

Совсем недолго довелось Марии быть матерью. Вскоре мальчик заболел. Не помогли ни лекари, ни знахарки. 6 мая, спустя два месяца после рождения, внук Темрюка скончался. Его похоронили в царской усыпальнице Архангельском соборе.

Судя по известным источникам это единственный ребенок, родившийся у Ивана Васильевича и Марии Темрюковны за все годы их совместной жизни*.

Через четыре дня после смерти сына Грозный уехал из Москвы «в объезд» по своим дворовым селам и монастырям. 26 мая он вернулся в Кремль и в тот же день выехал в Троице-Сергиев монастырь, куда за день до этого отправилась на моление опечаленная потерей ребенка Мария. До начала июля царь с женой и сыном Иваном находился в Александровой слободе, куда часто выезжал и раньше для «своих утех государевых» — на пиры и охоту. Затем они побывали в Суздале, Ростове Великом, снова вернулись в Троице-Сергиевскую лавру, а 20 июля были уже в Москве.

* Русский ученый и путешественник, академик П. П. Семенов-Тянь-Шанский, увлекавшийся также историей, высказал предположение, что в Троицком соборе Александровой слободы, существующем и поныне, захоронены две малолетние дочери Марии Темрюковны и Ивана IV, родившиеся позже. Подтверждения этому найти пока не удалось.

Ведя военные действия против Ливонского ордена, русское правительство не забывало и о Кабарде: туда по-прежнему направлялись послы с отрядами стрельцов, везя Темрюку «государево жалование», оказывалась ему постоянная поддержка в борьбе с противниками.

В те годы в Москве проживало уже много кабардинцев и черкесов, вовлеченных в события, происходившие в России. Немец Генрих Штаден, хорошо знавший обстановку того времени, писал в своих записках о Московии: «...Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы... Иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере...» В воспоминаниях итальянца Джиованни Тедалди об этом же сказано: «...В Московии есть люди, умеющие говорить по-черкасски, а черкасский язык — особенный, своеобразный».

А англичанин Джером Горсей, явно преувеличивавший число кабардинцев, находившихся на службе у Грозного, отдавал должное их широко известным воинским достоинствам: «...Иоанн усилился не только завоеванием царств Казанского и Астраханского, не только пленением могучих государей и военачальников, но и его второй брак доставил ему непреодолимую силу татар [кабардинцев], отважных воинов...»

* * *

Наступил 1564 год. В январе русская армия потерпела тяжелое поражение от польско-литовских войск гетмана Радзивилла недалеко от города Орши на реке Улле. В этой неудачной битве участвовал и Михаил Темрюкович. Командующий армией Шуйский был убит, много ратников попало в плен. Это послужило поводом для новых репрессий Ивана IV против воевод, бояр и близко стоявших к ним людей. В августе, находясь в опале и чувствуя приближение расправы, на сторону Литвы перешел известный русский полководец Андрей Курбский — один из организаторов взятия Казани, Дерпта и Полоцка. Его примеру последовали некоторые другие бояре и служилые люди. Напряжение в стране нарастало.

Рассказывая о драматических событиях того года — поражениях, изменах, казнях, летопись сообщает и о та-

ком, казалось бы, малозначительном факте: «Того же лета апреля в 18 день загорелся за Неглинною на Воздвиженской улице князя Семена Палесского двор, и загорелась церковь великомученика Дмитрия, да двор князя Михайла Темрюковича и иных, всего девять дворов». Факт действительно не выдающийся, но для нас это свидетельство интересно тем, что здесь упоминается имя Михаила и указывается месторасположение его усадьбы — вблизи Кремля за рекой Неглинной, между нынешними улицами Герцена и Калинина.

В Москве, почти сплошь застроенной деревянными зданиями, стоило загореться лишь одному из них, как огонь немедленно перебрасывался на другие и охватывал десятки, а нередко и сотни домов. Пожары тогда случались часто и приносили с собой большие бедствия, порой не меньше, чем вражеские нашествия. Вот почему летописцы отмечают их в своих хрониках как события, тоже заслуживающие внимания истории.

Вскоре после апрельского пожара Михаил Темрюкович заново отстроил сгоревшую усадьбу. А осенью здесь состоялось брачное торжество. Сам Иван IV сосватал шурину невесту — пятнадцатилетнюю дочь боярина Василия Михайловича Юрьева, двоюродного брата своей первой жены Анастасии, и пышно отпраздновал их свадьбу. И конечно, ни князь Михаил, ни кто другой не могли еще знать того, что всего через несколько месяцев эта усадьба станет мрачным и зловещим местом обитания царя.

Летом Грозный предпринял новое наступление на Великое княжество Литовское, в то же время написав Курбскому ответ на его послание, в котором тот оправдывал свою измену деспотизмом и жестокостью царя. Снимая с себя вину за репрессии, Иван обвинял во всем бояр. Он заявил о «божественном» происхождении своей власти, неограниченном праве самодержца и монарха, не подвластного никакой критике и никаким упрекам и вольного распоряжаться жизнью и судьбой подданных по собственному усмотрению: «Мы своих холопов жаловать и казнить вольны». Тем самым оправдывались все действия жестокого деспота, все казни и ссылки, творимые от имени бога и «данной» им власти.

В летописях снова и снова встречаем мы известия о выездах Ивана и Марии на богомолье. Так было и в июле, когда армия двинулась на Литву. Царь не возглавил ее, и в то время, когда воины сражались и гибли в бою, он лишь молился за них в Троице-Сергиевом монастыре и соборах Переяславля-Залесского да пирувал и охотился в своих дворцовых угодьях.

Наступление на Литву провалилось. Страна, лишенная опалами многих видных военачальников, все более ощущала последствия массовых репрессий.

В сентябре Иван вновь уехал с семьей в «объезд» на богомолье. В это время и ударили по Руси с запада литовцы с поляками, а с юга к Москве двинулся крымский хан, нарушивший соглашение о перемирии. 2 октября татары подошли к Рязани. Казалось, никто их не сдержит и путь на столицу открыт. Положение спасли служилые дворяне, близкие люди Грозного — Алексей Басманов и его сын Федор, находившиеся в ту пору в своих рязанских поместьях. Ценой огромных усилий они сумели собрать рать и совершенно неожиданно напали на крымцев, беспечно грабивших земли Рязани. Девлет-Гирей поспешно ушел на юг в степи.

Царь в эти дни был с Марией в Суздале. Узнав о набеге, он отправил жену в Александрову слободу, а сам, с группой верных людей, стремясь спасти положение, бросился к Москве, прибыв туда, когда опасность уже миновала. На следующий день, 7 октября, Иван послал гонцов сообщить супруге, чтобы она возвращалась в Кремль. С Марией вернулись и его сыновья.

И вновь военное поражение на западе и нашествие крымцев, едва не прорвавшихся к Москве, повлекли за собой казни, бегство воевод и бояр за границу. Напряженная обстановка в столице все более накалялась.

3 декабря, в воскресенье, Грозный с царицей Марией и детьми, окруженный надежными людьми — Алексеем, видным воеводой, и Федором Басмановыми, князем Афанасием Вяземским, Михаилом Салтыковым, боярином Василием Юрьевым и князем Михаилом Темрюковичем, с отрядом телохранителей покинул Москву. Из Кремля в тот день вывезли всю царскую казну, одежды, иконы.

Вместе с царем столицу оставили преданные ему бояре и дворяне со своими семьями.

«Большой царский поезд» двинулся в Александрову слободу*, лежавшую в двух днях пути от Москвы. Отныне на целых семнадцать лет она затмит столицу и станет почти постоянной резиденцией Ивана IV — «особым двором государевым». Никто в Москве, кроме нескольких самых близких царю людей, не знал, куда он направился. Все это хранилось в строжайшей тайне. Только через месяц, обосновавшись в слободе — «кровопийственном городе», Иван отправил митрополиту свое знаменитое послание, объясняя свой отъезд изменами бояр, воевод и приказных людей. В то же время, обращаясь к простому московскому люду, он писал, что «на них он не гневается и опале их не подвергает». На деле все окажется иначе — головы потом полетят и с тех и с других, с правых и виноватых.

Делегация бояр и духовенства, явившаяся в слободу, упростила царя возвратиться в столицу. 5 января 1565 года он дал согласие и сообщил, что для борьбы с «изменниками и ослушниками», на которых будет «опалы класть, а иных казнить», он учреждает опричнину.

Грозный вернулся в Москву. Все происшедшее с ним в последнее время настолько изменило его облик, что люди с недоумением и страхом смотрели на царя — лицо его избороздили глубокие морщины, с головы и лица совершенно выпали волосы. И еще более частыми и дикими стали у него приступы бешеного гнева.

«В лето 7073... за грехи наши възъярился царь Иван Васильевич на все православие: по злых людей совету Василия Юрьева** да Алексея Басманова и иных таких же учинил опришнину, разделение земли и городам; а сам царь... и все с ним ходили и ездили в черном платье и была в миру великая ненависть на царя и кровопролития и казни учинилися многие», — со скорбью и болью напишет летописец о введении в том году «опришнины».

Именно как большое зло, принесшее с собой «крово-

пролитие и казни», воспринял русский народ опричнину, учрежденную царем для борьбы со своими противниками внутри страны. Россия отныне разделялась на опричные (царские) и земские земли, управляемые двумя Боярскими думами. На две части соответственно делилась и Москва.

Из тысячи отборнейших и преданных дворян и детей боярских царь создал особый отряд - «государев двор», свою личную гвардию, призванную искоренять измену и крамолу. Одетые в темную одежду, опричники привязывали к крупу своих лошадей собачьи головы и метлы, символизирующие собачью преданность царю и очищение государства от «изменников и ослушников».

Политические противники Ивана, которых оказалось немало, группировались тогда вокруг трех центров оппозиции: двоюродного брата царя, последнего удельного князя Владимира Старицкого (на него делали ставку определенные боярские круги, мечтавшие посадить его на престол вместо Грозного), Новгорода, еще сохранявшего некоторую автономию от других городов России, а также церкви, владевшей третью всех земель в стране. Введение опричнины, конечно, диктовалось борьбой с этими последними оплотами феодальной вольности, но осуществлялась она кровавыми методами, впрочем очень характерными для эпохи средневековья.

Цена человеческой жизни была тогда совершенно иной, чем в наши дни, — к оценке ее подходили с другими критериями. Те, в чьих руках находилась власть и сила, не задумывались и не заботились о принципах гуманности и морали, уничтожая десятки тысяч людей. Достаточно хотя бы вспомнить массовые казни и реки крови времен персидских завоеваний, Древнего Рима, восточных деспотий и религиозных войн Европы. Бессчетное число жизней унесло с собой монголо-татарское нашествие на Русь и завоевание европейцами Америки.

Хотя, к сожалению, и в наш просвещенный XX век все еще находятся убийцы, на совести которых сотни тысяч и даже миллионы погибших и замученных...

Жестокость, особенно в пору опричнины, уживалась в Грозном с фанатичной религиозностью. В Александровой

* Бывшая Александрова слобода в наши дни — город Александров Владимирской области.

** Василий Михайлович Юрьев — тесть Михаила Темрюковича.

слободе он создал особый монашеский клан из трехсот опричников, взяв на себя роль игумена. Все члены его называли друг друга «братьями». В рядах их находились все, на кого царь тогда опирался: Афанасий Вяземский — келарь, Малюта Скуратов — пономарь, отец и сын Басмановы, Михаил Темрюкович, Григорий Грязной, будущий царь Борис Годунов и даже юный царевич Иван. Дважды в день — утром и вечером, одетые в черные монашеские рясы, под которыми носились длинные острые кинжалы, с острозаточенными посохами в руках, они собиравались на моление. Иван IV сам вел службу, пел псалмы и усердно отбивал земные поклоны. Но после молитв от ханжеского смирения не оставалось и следа: на смену ему приходили насилия, грабежи и дикие оргии, устраиваемые опричной «братией»...

Современники и ряд русских летописных источников XVI—XVII веков да и некоторые дореволюционные историки идею создания опричнины прямо приписывали Михаилу Черкасскому и его сестре Марии, которой в то время было, по-видимому, лет двадцать.

Авантюрист, опричник Генрих Штаден, рассказывая о России тех лет, писал в своих записках: «...Так управляли они [русские] при всех прежних уже умерших великих князьях... Так же повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь [Штаден ошибается: сестру] Михаила Темрюковича из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами, и чтобы повседневно и днем и ночью они ездили за ним и охраняли его. С этого и начал великий князь Иван Васильевич всяя Руси и отобрал из своего народа, а также из иноземцев особый, избранный отряд. И так устроил опричных и земских».

Интересно в связи с этим и свидетельство «Морозовского летописца», донесшего до нас известие о событиях начала 1565 года, когда царь вернулся из Александровой слободы в Москву искоренять врагов: «...В лето 7073 государь царь и великий князь Иоанн Васильевич учинил опришнину, из града и из двора своего перевезся жить за Неглинную и на Воздвиженскую улицу на двор князя

Михаила Темрюковича и велел на том дворе хоромы ставить царские и ограду учинить и все строения новые ставить, город и двор свой...»

Значит, вернувшись на время в столицу и приезжая сюда позже, Грозный, опасаясь жить в Кремле, поселился в доме своего ближайшего родственника, брата жены — Михаила, пользовавшегося у него безграничным доверием. И именно на его дворе стали строить московский опричный дворец царя, окруженный высокими каменными стенами и глубокими рвами, с подземными ходами, ведущими в Кремль и к Москве-реке.

Князь Михаил, человек, несомненно, умный и способный, находившийся в центре всех событий, судя по всему, действительно являлся одним из главных инициаторов создания опричнины. Об этом говорит и тот факт, что он сразу же занял в ней видное положение, а позже стал главным командующим опричным войском.

Могла ли Мария в той мере, какую ей приписывают, влиять на Ивана IV в деле учреждения новых порядков? Вряд ли. Ведь она была совсем еще молодой, не умудренной ни жизнью, ни тем более опытом политической борьбы и придворных интриг, как всем этим обладали, например, современницы дочери Темрюка — королева английская Елизавета Тюдор, шотландка Мария Стюарт, претендовавшая на престол Англии и окончившая свою жизнь на плахе, королева Франции Екатерина Медичи, организатор массовой резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Но, выросшая в атмосфере постоянной тревоги и угроз — у ее отца имелось много врагов, Мария прекрасно знала, что такое опасность и как необходима постоянная предосторожность. И, находясь теперь в Москве, видя нервного и взвинченного, жившего в постоянном напряжении и ожидании заговоров мужа, она, как и ее брат Михаил, конечно, говорила ему о необходимости создания особой отборной стражи из преданнейших людей, подобно тому, как это было у Темрюка в Кабарде. Видимо, все так и происходило: царица хотела обезопасить жизнь Ивана и свою от возможных, непредвиденных случаев. И это вполне понятно. Но ее мнение не могло стать решающим.

У Грозного были и другие советчики, близкие ему люди, о которых уже говорилось, наделенные всеми теми качествами, которых недоставало молодой царице. Их слово, а главное мнительность царя, чрезвычайно обостренное в нем чувство жестокости и породили опричнину в той уродливой и страшной форме, какой она обрушилась на Русь.

Год введения опричнины, как и последующие за ним, ознаменовались новыми массовыми казнями и ссылками «за великие изменные дела». Летели головы с виноватых и безвинных, тысячи людей ссылались на север — в остроги и монастыри. Обрушивая свой гнев на вельмож, Грозный и его опричники расправлялись не только с ними и их семьями, они грабили и жгли села и поместья, топтали конями и убивали тысячи простых тружеников земли русской. В одном только Новгороде, который опричная гвардия царя громила в начале 1570 года, погибло около 40 тысяч человек.

Приходила в запустение страна. Разграбленные стояли города и села. Голод, холера и чума косили людей. Печальным последствием этого стали и поражения, то и дело наносимые русской армии польско-литовскими войсками.

Уже искоренены были в стране последние остатки феодальной вольности, а опричники все еще продолжали бесчинствовать, сотрясая Русь своим разбойничьим кличем «Гойда!». Долго потом, и через столетия, русские люди будут с содроганием вспоминать о тех годах и событиях, в которые судьба вовлекла и детей кабардинского князя Темрюка — Марию и Михаила.

...Впрочем, не надо думать, что только в России происходили столь жестокие проявления монаршей власти. Все средневековье как в Европе, так и в Азии отмечено крайним изуверством и деспотизмом «земных владык» по отношению к зависимым от них людям. Вот лишь несколько примеров из жизни Англии того же самого шестнадцатого столетия, очень красноречиво говорящих о нравах, царивших при королевском дворе.

Генрих VIII, пожалуй, не менее Грозного известный многочисленными казнями своих приближенных, без всяких угрызений совести отправил на плаху и нескольких

своих молодых жен. А семидесятишестилетнего епископа Фишера, протестовавшего против вторичного брака короля при живой супруге, казнили по его приказу. Голову старого человека выставили в Лондоне на копье для всеобщего обозрения, а через две недели сняли и бросили в Темзу.

Выдающийся английский мыслитель-гуманист, философ и государственный деятель Томас Мор, автор книги «...О наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», изложивший в ней план идеального устройства общества, являясь лордом-канцлером Генриха VIII, отказался признать власть короля «наивысшей властью». Разгневанный монарх приказал заключить его в злоеший замок Тауэр. В течение года бывшего канцлера подвергали всевозможным изощренным пыткам, потом казнили. Голову же Мора, прежде чем выставить по традиции в центре Лондона на копье для устрашения народа, обварили в кипятке.

Такими, и тысячами им подобных, проявлениями жестокости и варварства, совершаемыми по воле царей и королей, оставили по себе в истории мрачную память времена средневековья.

* * *

«В лето 7074-го (1565 год) царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси приехал на Вологду с великою княгиней Марией и с царевичами и ездил смотреть сам на Вож-озеро на остров, и там ему не полюбилося, и велел на Вологду сваи возить. И на ту же весну, без себя, велел город заложить каменный...» В тот год Мария, вместе с Иваном, присутствовала при закладке города на реке Вологде. Снова она сюда приехала с мужем летом 1569-го.

Бровьми соузна,
телом изобильна,
млечною белостию облиянна,
возрастом ни высока, ни низка,
власы имея черны,
велики...

Это прекрасное, вдохновенное описание женской прелести, обаяния и красоты, взятое из старинного русского хронографа, думается, можно в полной мере отнести и к Марии Темрюковне. Совсем девочкой покорила она своей пригожестью царя Ивана, а теперь, в конце шестидесятых годов, когда ей было около двадцати пяти, красота ее, или, как говорили в старину на Руси, «лепота», расцвела еще больше.

Итак, летом 1569 года Мария вновь оказалась с Грозным далеко на севере - в Вологде. Холодное дождливое лето в лесных чащобах, болотистые испарения и постоянная сырость в переездах пагубно отразились на ее здоровье. В

начале августа царица тяжело заболела и слегла. Это было похоже на простуду, но скорее всего молодую, цветущую женщину свалила скоротечная чахотка, очень распространенный в прошлом недуг.

Как раз в те дни Ивану IV сообщили об очередном «заговоре», готовившемся якобы в Новгороде в пользу Польши и Литвы. Оставив жену на попечении верного опричника Федора Басманова, царь срочно отправился в Москву готовить карательную экспедицию.

Через два дня, исполняя наказ Грозного, Басманов повез царицу в Александрову слободу, а до нее более 300 километров через леса, реки, болота. То и дело приходилось останавливаться: Мария тяжело переносила долгий и трудный переезд. Охваченная жаром, она впадала в забытие, бредила. Но как только приходила в себя, Басманов снова устремлялся вперед, боясь не довезти царицу живой. Мария таяла на глазах. Везли ее уже почти без остановок. Только в конце месяца Басманов смог привезти дочь

Темрюка в слободу, где уже находился царь, извещенный гонцами о тяжелом состоянии жены.

День и ночь не отходили от нее Иван, брат Михаил, личный царский врач голландец Арнольд Линзей, готовивший все новые и новые снадобья. Лечила Марию и немка Катерина Шиллинг, известная в Москве как искусная врачевательница. Еще во время болезни первой супруги царя Анастасии, он, прослышав об этой женщине, жившей в городе Дерпте, послал за ней гонцов. Ее привезли в Москву, и, как рассказывает в своих записках Шта-

Вознесенский девичий монастырь Московского Кремля. Со времен Дмитрия Донского на его территории хоронили великих княгинь и цариц. Здесь была погребена и Мария Темрюковна. С рисунка XIX века

Перстневая печать Марии Темрюковны

ден, «...великий князь щедро одарил платьем эту женщину и сказал ей: «Если ты поможешь моей царице, мы пожалуем тебя на всю жизнь половиной доходов с Юрьевского уезда в Лифляндии». И великая княгиня просила: «Ты же можешь помочь мне. Помогите мне!» И, хотя она не смогла ничем помочь Анастасии, вскоре умершей, Катерину с почетом отвезли обратно в Дерпт. А потом, когда вскоре

расселяли ливонцев по русским городам, Иван IV приказал привезти Шиллинг в Москву. Здесь ей выделили добротный дом, где она и жила несколько лет. Ее услугами пользовались болевшие родственницы царя, боярские, княжеские жены и дочери. И вот теперь Грозный вновь призвал Катерину Шиллинг на помощь, на этот раз прося уже о спасении второй жены.

Но ни старания и усилия лекарей, ни заговоры от колдовства и порчи вещей старцев, ни молитвы священников об исцелении не помогали умиравшей женщине. Она ненадолго приходила в сознание, потом снова теряла его и в бреду все время что-то говорила и шептала на родном — кабардинском языке, особенно часто повторяя слово «нана». То в затуманенном, горячечном сознании Марии являлась ее мать, ее нана, с которой она рассталась

восемь лет назад и с которой ей уже никогда не было суждено встретиться. Царица медленно угасала.

В новогоднюю ночь 1 сентября 7078 года под утро она скончалась. В Москве и во всех городах России объявили траур, в церквах и соборах служили панихиды, раздавали милостыню многочисленным нищим. Иван Грозный вносил в монастыри вклады «на помин души» так рано умершей царицы. Тогда он и передал в Троице-Сергиевскую лавру золотое блюдо, подаренное им Марии в день их свадьбы. Поминали царицу и приближенные Ивана IV. Во вкладной книге московского Симонова монастыря сохранилась запись о том, что 11 октября 1569 года на помин «по душе царицы Марии Темрюковны бояре из опричнины князь Василий Иванович Темкин-Ростовский да Иван Яковлевич Чеботов прислали с Власом Реутовым ковш серебряной».

В полдень 1 сентября Михаил Темрюкович, Алексей и Федор Басмановы, Афанасий Вяземский, Борис Годунов, Глинский, Милославский и Бельский вынесли из царских покоев покрытый шелковыми материями — аксамитом и обьярью гроб с телом Марии и установили его на погребальный возок. Траурный кортеж двинулся в Москву.

3 сентября в пять часов пополудни, после отпевания умершей в Благовещенском соборе Кремля, состоялись ее похороны. Идя за гробом, царь не рыдал, как девять лет назад, когда скончалась его первая супруга. Он стал за это время другим... И только непомерная бледность окаменевшего, еще более угрюмого лица да мрачный тяжелый взгляд воспаленных от бессонницы глаз выдавали горе, давившее Ивана.

Марию Темрюковну погребли в Вознесенском девичьем монастыре, находившемся тогда у Фроловских (ныне Спасских) ворот Кремля. Его основала еще в 1387 году жена Дмитрия Донского Евдокия. И с тех пор в соборе этого монастыря хоронили великих княгинь московских, а потом и русских цариц, вплоть до перенесения столицы России в Петербург в начале XVIII века.

В 1928 году во время работ по расчистке и перепланировке территории Кремля монастырь снесли, а усыпальницы - каменные саркофаги княжеских и царских жен перенесли и захоронили в подвале палаты, пристроенной в 1801 году к

Архангельскому собору.

* * *

...Время необратимо. Никогда не вернуться люди, жившие до нас, не произойдут вновь события, участниками и свидетелями которых они были. Но все же история нам иногда дает возможность перебросить в прошлое мостки. И тогда, «пройдя по ним», мы можем силой нашего воображения встретить тех, кто давно ушел от нас, стал тенью и прахом.

Так думал я ясным июльским днем несколько лет тому назад, когда стоял перед массивной, обитой железом дверью палаты Архангельского собора. Научный работник кремлевских музеев В. Сизов снял тяжелый замок и распахнул ее, пропуская в прошлое меня и моего товарища - сотрудника Института русского языка АН СССР А. Орешникова.

Крутой каменной лестницей уходим вниз, в подземелье. Выложенные из кирпича стены, сводчатые потолки, неяркий свет лампочек и мертвая тишина, прерываемая лишь негромким рассказом Сизова, — все это настраивает на определенное состояние.

В подземной палате гробницы женщин, умерших много веков назад. Когда-то они жили, радовались и печалились, любили и ненавидели. У них были разные судьбы, они жили в разные эпохи, отдаленные друг от друга десятками и сотнями лет. Но все они потом оказались рядом...

Мы медленно вчитывались в витиеватую старославянскую вязь, выбитую на могильных плитах. В той не-

обычной обстановке мне пришли на память строки поэта Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письма.

Да, сквозь даль вековую в подземелье звучали имена, знакомые нам со школьных лет по учебникам истории. Здесь они воспринимались особенно — ведь те, кто их носил, лежали прямо перед нами под тяжелыми каменными надгробьями: прабабка Грозного - Мария Ярославна и бабка — византийская принцесса Софья Палеолог, мать Ивана IV - хитрая и властная Елена Глинская и первая его жена, так и не забытая им до конца дней, Анастасия Романовна.

А вот и то, к чему мы шли, - гробница Марии Темрюковны. На каменной плите сохранилась надпись, выбитая в сентябре 1569 года: «Лета 7078 сентября 1 дня в семы час ночи преставися благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси благоверная царица великая княгиня Марья». Исчисление времени суток велось тогда иначе, чем у нас. Часы дня считались от восхода солнца до его захода, а ночи — от захода до первых солнечных лучей. 1 сентября заход солнца приходится на начало восьмого, а это значит, что Мария умерла в третьем часу ночи.

Мы вышли из мрачного подземелья и с облегчением вздохнули, снова оказавшись в нашем двадцатом веке. По-прежнему ярко светило солнце и доносился шум Москвы, а мимо нас проходили толпы туристов, осматривавших памятники древнего Кремля. И, конечно, вряд ли кто из них знал подробности событий, происходивших здесь четыре века назад.

Потом мы зашли в Архангельский собор, где покоится прах Грозного и пяти его сыновей, одного из них — Ивана отец убил в припадке ярости, а последнего — девятилетнего Дмитрия зарезали враги в борьбе за престол.

С фресок Успенского собора на нас смотрели строгие лики русских князей и «святых угодников» — безмолвные свидетели венчания Ивана и Марии 21 августа 1561 года.

А в рядом стоящем Благовещенском соборе у икон кисти знаменитого русского художника Андрея Рублева кабардинке Кученей дали имя Мария.

В тот день побывал я и в Грановитой палате, где когда-то проходил свадебный пир. Казалось, что откуда-то из глубины стен глухим эхом все еще доносятся отзвуки торжества, некогда происходившего в этом зале, и звучат заздравные возгласы в честь молодых...

Так в один день в стенах Кремля оказалось возможным совершить путешествие в прошлое и «пройти» по важнейшим вехам жизненного пути Марии Темрюковны - от ее приезда в Москву до кончины.

* * *

Смерть Марии, как и первой жены, царь связал с отравлением. «Казалось, что Мария, — писал Карамзин, — завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах». Снова казни и ссылки обрушились на бояр, князей, дворян и их челядь.

Подозрение пало и на двоюродного брата царя — Владимира Старицкого. 9 сентября 1569 года, через пять дней после похорон Марии, царь заставил его, двух его малолетних детей, жену и старуху-мать, постриженную в монахини, выпить яд.

В октябре 1571 года Иван женился в третий раз. В Александрову слободу со всей Руси свезли более 1500 девушек для выбора невесты. Из них царь и взял себе в жены семнадцатилетнюю дочь новгородского купца красавицу Марфу Собакину. Еще до свадьбы она заболела и стала «сохнуть», а спустя полмесяца после бракосочетания умерла. Когда на следующий год Грозный вновь надумал жениться, он обратился к высшему духовенству, собравшемуся в Успенском соборе, за позволением: ведь по законам православной церкви вступать в брак разрешалось только три раза, и то в исключительных случаях. «Злые люди чародейством извели первую супругу мою Анастасию, - говорил Иван. - Вторая, княжна Черкасская, также была отравлена и в муках, в терзаниях отошла к господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак... но зависть, вражда погубили Марфу... еще

в невестах она лишилась здоровья и через две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить себя житию иноческому, но, видя опять жалкую младость сыновей* и государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак...»

Духовный собор, вняв просьбе царя, вынужден был отступить от всех законов и догм и дать ему, в виде исключения, разрешение на четвертый брак. Женившись в апреле 1572 года на дворянской дочери Анне Колтовской, он разошелся с ней через три года и отправил ее в монастырь. Месяца не прошло после этого, а у Ивана уже новая, пятая, супруга — Анна Васильчикова. Грозный, явно переступив через все понятия не только религиозной законности, но и человеческой морали, больше не испрашивал соизволения у церкви. И менее чем через год, пополнив Тихвинский монастырь еще одной монахиней, взял в Александрову слободу новую женщину, вдову — Василису Мелентьеву, которую летописцы не называли женой, а унижительно «женищем», так как с ней он даже не венчался. Шестой законной супругой царя с 1580 года станет Мария Нагая.

После смерти Марии Темрюковны враги Ивана IV распустили слухи, что царица отравлена им самим. Одна из хроник того времени «Пискаревский летописец», составленная в кругах, враждебных царю, описывая события конца шестидесятых годов, сообщает, что Иван «...тогда же опоил [отравил] царицу Марью Черкаскову».

* Ивану в это время было 18 лет, Федору — 15.

Это единственное свидетельство такого характера во всех русских источниках. Но даже летопись, обвинившая Грозного в смерти жены, буквально через несколько страниц говорит следующее: «Того же года преставися [умерла] царица Марья Черкаска».

Некоторые русские песни, вероятно, родившиеся в краях, где Иван IV и его опричники оставили после себя кровавый след, тоже говорят о нем, как об убийце своей жены:

Брал царь свою Марью Темрюковну
И вел ее в далече чисто поле,
Стрелял ей в ретиво сердце,
Тут ей и славу поют.

Но здесь, конечно же, дело в том, что люди, слагавшие такие песни уже после кончины Грозного, после всех тех драматических событий, думали, и, на их взгляд, с полным основанием, что человек, убивший своего сына, известный деспотизмом и жестокостью, мог погубить и Марию, тем более, что после нее у царя было еще несколько жен и множество наложниц.

Совсем уже невероятную трактовку событий, связанных с Марией Темрюковной, дает англичанин Джером Горсей, проживший в Москве целых восемнадцать лет (с 1572 года) и написавший свои «Записки о Московии» по возвращении на родину. Станным кажется, как мог этот человек, являвшийся доверенным лицом Ивана IV в его дипломатических сношениях с королевой Англии Елизаветой, прекрасно знавший жизнь двора, так исказить факты (намеренно или по забывчивости?): «...В это время [речь идет о 1571 годе и женитьбе царя на Марфе Собакиной] Иоанн развелся со своей женой черкешенкой, постриг ее в монахини, отправил в монастырь...» и «выбрал себе в жены из многих своих» подданных дочь купца из Новгорода.

* * *

О Михаиле Темрюковиче, человеке крайне интересной и трагической судьбы, сохранились самые противоречивые сведения. Он участник взятия Полоцка, битвы с польско-литовскими войсками на реке Улле, а в 1568 и

1570 годах во время походов на крымских татар «стоял уже первым» — был главным воеводой больших полков русской армии. В 1567 году Михаил получил от Грозного высокий боярский сан.

Михаил Темрюкович являлся членом опричной Боярской думы и постоянно участвовал в ее заседаниях. Но по своему положению князь ставился в ней выше других и при перечислении в думных списках того времени его имя называлось всегда впереди всех других бояр. Из дошедших до нас документов известен и такой факт, говорящий об участии сына Темрюка в важных государственных делах России. В 1570 году, когда в Москве решался вопрос о создании Полоцкого рубежа — кордона для защиты западных русских земель от польско-литовских набегов, Михаил принял в его осуществлении самое деятельное участие.

Влияние Михаила Темрюковича при дворе Грозного и в России было огромным. Недаром даже спустя многие годы после его смерти в народе говорили, что «князь Михайло Темрюкович Черкасский был человек великой и временной* и управы на него добиться немочно». Шуриц царя получил в свое владение громадные земельные угодья - вотчины вокруг города Гороховца по рекам Оке и Клязьме в нынешней Владимирской области.

Безусловно, что Михаил, поднявшись на одну из высших ступеней в Русском государстве, стал верным сторонником и активным проводником политики Ивана Грозного. Он, ближайший сподвижник и родственник царя, и не мог быть тогда иным. Безусловно и то, что Михаил ни в коей мере не являлся выразителем интересов своей родины - Кабарды и своего народа, стремившегося к сближению с Россией. Он оторвался от них, а в новом своем отечестве стал таким же, каким был Иван и окружавшие его люди - близкие друзья и сподвижники князя по опричнине. Михаил шел путем своих современников и соратников и нес на себе полностью груз того времени во всех его великих и трагических проявлениях. «Князь Михайло Темрюкович, суровый азиат, то знатнейший

* Временной — временщик; человек, по воле сильного покровителя оказавшийся на время у власти.

воевода, то гнуснейший палач, осыпaeмый милостями и ругательствами, многократно обогащенный и многократно лишаемый всего в забаву царю», — писал о нем знаток русской истории Н. М. Карамзин.

В книге «Сказание Альберта Шлихтинга», уроженца Померании, прослужившего с 1564 по 1571 год переводчиком у врача Ивана IV и поэтому, надо думать, хорошо знавшего обстановку и события того времени, рассказано об одной из казней, в которых по приказу Грозного принимал участие и Михаил.

Немец Шлихтинг и итальянец Гваньини, каждый порознь, рассказывали, что Иван IV оказывал своему шурину всяческое расположение. Он одаривал его дорогими подарками и деньгами, но бывало в порывах ярости, вызываемой порой любым пустячным проступком или неосторожным словом, подвергал Михаила довольно жестоким «шуткам», впрочем, вполне в духе времени. Ко всем входам в его дом привязывались дикие медведи, никому не позволявшие ни выходить из дома, ни входить в него по нескольку дней. Случалось, что, когда заканчивались припасы, люди Михаила и он сам голодали. Грозный, по свидетельству этих же иностранцев, даже несколько раз отбирал у брата своей жены все его богатства, в другой раз восполнял их в гораздо большем размере.

А однажды, писали Шлихтинг и Гваньини, один из людей Михаила повздорил с царским возницей и побил его. Когда дело об этой ссоре дошло до царя, он велел своим опричникам повесить на воротах двора князя трех человек из его свиты. И царский шурина, выходя из своего дома или входя в него, две недели видел их трупы и нагибался, чтобы пройти под ними.

Подобное отношение царя к Михаилу не считалось тогда из ряда вон выходящим явлением. Так относился Грозный ко всем своим сановникам, независимо от их рангов. Он был царем с властью, «данной ему от бога», а все остальные — его слугами, холопами, жизнь и судьба которых целиком зависела от воли монарха. По его образу и подобию вели себя и остальные феодалы, помыкавшие теми, кто зависел от них. Точно таким же образом строились отношения власть имущих и их подданных во всех странах Европы, Азии и Ближнего Востока.

После издевательства, не кончавшихся казнями, Иван Грозный щедро осыпал золотом своих вельмож, вскоре забывавших об унижениях, утратах и огорчениях. Их ждали новые царские пиры и охота, совместные с ним походы и кровавые опричные «забавы».

Один из иностранцев — Гофф, бывший в ту пору в Москве, оставил нам такой рассказ: «...Со своим шурином, князем Михаилом Темрюковичем Черкасским, на сестре которого сам был женат, царь поступил таким образом. Женив его на дочери богатого и всеми уважаемого Василия Михайловича, он, спустя известное время, приказал [убить] молодую шестнадцатилетнюю жену вместе с полугодовалым ребенком».

Поверить в подобное просто невозможно. При всем своем садизме, Грозный, думается, не мог поступить таким образом со столь близким ему человеком. Ведь случись подобное, Михаил, без всякого сомнения, не простил бы этого Ивану — он, конечно, не поднял бы на него руки, но мог просто уйти к его недругам за рубеж или вернуться на Кавказ.

Видимо, какая-то трагедия действительно и произошла с князем, так как в «Родословной кабардинских князей и мурз», составленной в Москве в первой половине XVII века, говорится: «...Князь Михайло на Москве умер бездетен». Его жену и ребенка скорее всего убили личные враги — тогда они имелись у каждого. А Гофф, пользуясь непроверенными слухами, мог вполне намеренно приписать это зверство Ивану Грозному, на совести которого и без того было много загубленных жизней. Иностранцу же это скорее всего понадобилось для того, чтобы более колоритно рассказать в своих записках, вышедших в Западной Европе, о диких нравах и варварстве «российских азиатов», «московских скифов», которые по образу и подобию должны быть такими же, как и их царь. Предвзятое и необъективное отношение к России проявлялось уже и в ту пору со стороны некоторых европейцев, закрывавших глаза на то, что в Западной Европе в то же самое время под мечами феодалов и топором палача, на виселицах и кострах инквизиции ежегодно гибли десятки тысяч людей.

Из источников известно, что во второй половине ше-

стидесятых годов у Михаила Темрюковича произошла крупная ссора с влиятельным приказным дьяком из опричнины Василием Щелкаловым. О причине их конфликта сказать сейчас ничего невозможно. Но отношения между ними стали настолько враждебными, что несколько раз дело доходило до открытых вооруженных столкновений, а верный человек князя Михаила подьячий Улан Айгустов «доводил лихие дела» на Щелкалова. Тот, в свою очередь, действуя совместно с братом Андреем, отвечал царскому шурина всевозможными интригами и нападениями.

Вполне возможно, что гибель жены и ребенка князя могла быть как-то связана с этой многолетней враждой между двумя опричниками - людьми, привыкшими не останавливаться ни перед чем. На такое предположение косвенно указывает и такой факт: во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись о том, что в 1568 году Василий и Андрей Щелкаловы «дали сельцо Настасьино с 12 деревнями в Переславском уезде». Для того времени это очень большой дар. А вот почему вдруг так расщедрились братья, в книге не сказано, хотя причина есть, как правило, всегда указывалась - «на помин души», «во здравие», «за избавление от опасности» и по другим поводам. Щелкаловы почему-то скрыли причину своего вклада в монастырь. А не было ли это вызвано стремлением братьев «замолить» свои грехи и в данном случае - убийство из мести близких князя Михаила Темрюковича?..

Весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей собрал громадные силы и двинулся к Москве. Грозный, узнав об этом 15 мая в Александровой слободе, срочным порядком направился к Серпухову, навстречу татарам. Но опричное войско, которое там собралось, оказалось столь малочисленным, что царь буквально бежал назад мимо Москвы в слободу, оттуда в Ярославль, а затем в Ростов Великий. В полдень 24 мая Девлет-Гирей подошел к Москве и поджег ее. К утру следующего дня только Кремль высился на холме, весь же город превратился в дымящееся пепелище. «И людей погорело многое множество, им же нет числа, — писал летописец. — И Москва-река мертвых не пронесла, а хоронить их некому». Сгорел

и опричный двор Ивана IV. Десятки тысяч москвичей погибли и попали в плен в тот день. Такого погрома Россия не знала уже давно — со времен Тохтамыша.

Когда крымцы оставили Москву и дошли уже до Серпухова, вслед им бросился с собранным полком главнокомандующий опричным войском Михаил Темрюкович. Но было уже поздно. Татары безнаказанными ушли в степи, увозя с собой тысячи плененных мужчин и женщин, которых ждали невольничьи рынки в Кафе и Константинополе. Гонцы Грозного вскоре передали князю Михаилу его приказ немедля возвращаться в Александрову слободу.

«Постигшее его великое несчастье поразило и ужаснуло Иоанна... Тотчас по уходе неприятеля царь, распустив войско, не сделавшее за него ни одного удара по неприятелю, пытал, терзал и мучил многих из воевод и главных военачальников; некоторых казнил, конфисковав их имущество и земли», — так сообщит о событиях, последовавших за набегом крымских татар, в своих «Записках о Московии» английский купец Джером Горсей.

А немец Генрих Штаден, хорошо знавший попавших в опалу опричных военачальников, так как сам служил под их командованием, называет имена многих из них: «Великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины. Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах, Алексей [Басманов] и его сын... были убиты... Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурина великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами, князь Василий Темкин был утоплен, Иван Зобатый был убит... Князь Андрей Овцын — повешен в опричнине на Арбатской улице... Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед. Григорий Грязнов был убит, а его сын Микита сожжен...»

Так в июне 1571 года после набега крымцев на Москву погиб Михаил Темрюкович. Царь по-своему любил бывшего шурина за ум, храбрость и преданность. Можно со всей уверенностью сказать, что Черкасский был одним из самых верных ему людей. Грозный это прекрасно знал, не раз в этом убеждался. И теперь сын Темрюка казнен.

Но вот что странно: уже вскоре царь станет отрицать, что расправа совершена по его приказу, а потом посмерт-

но вообще снимет с князя вину. Как же это объяснить? А что если причиной казни Михаила стал не только прорыв татар к Москве, а что-то и другое, на взгляд Грозного, еще более отягчающее вину близкого ему человека? А как же связать с этим последующую через некоторое время реабилитацию? Не значит ли это, что то главное, в чем князь обвинялся, не подтвердилось?

Вопросы... Вопросы... Но на них, мне кажется, даже спустя четыре века, можно дать ответ. Иван IV особенно жестоко расправлялся с теми, на кого падало подозрение в «изменных делах». Пощады таким людям не было, как не было никогда и прощения после смерти. Как это ни удивительно, но, судя по всему, именно обвинение в измене и предъявил Грозный Михаилу Темрюковичу в том июне 1571 года... Страшное обвинение, особенно когда оно несправедливо.

Царь, как теперь все это представляется, поддался провокации, ловко подстроенной врагами его самого и Михаила, так как со смертью Черкасского связывались далеко идущие коварные планы — разрыв союза России и Кабарды. Замешаны в этой драматической истории были, очевидно, крымцы, поляки, иностранцы, жившие в Москве, вероятно, в какой-то степени, правда из других соображений, и личные противники сына Темрюка брата Щелкаловы.

Провокация с целью бросить тень на Михаила и подвести его под топор палача готовилась тщательно и давно. Как можно судить по «Ливонской хронике», уже около 1568 года в Москве стало известно от лазутчиков*, пришедших из Польши, что некоторые родственники царя и его приближенные готовятся перейти на сторону Сигизмунда II. Одним из них назывался князь Михаил Темрюкович. Тогда многих из тех, на кого пало подозрение в измене, казнили или сослали на север. Но шурина царя это не коснулось: значит, в то время Иван сумел распознать замыслы недругов.

А потом пришел семьдесят первый год и с ним страшное, опустошительное разорение Москвы, смерть и плен

* Лазутчик — разведчик, который вел тайные наблюдения в тылу противника.

десятков тысяч людей. Вот тогда-то и стали распространяться в Москве и Александровой слободе упорные слухи, что вместе с крымскими татарами в набеge на Русь и ее столицу участвовал главный князь Кабарды Темрюк. Враг нашел самое подходящее время, чтобы нанести верный удар по царю и разжечь его болезненную мнительность: поражение произошло в результате измены — на стороне крымцев бывший тесть, а сын его сделал все, чтобы не была собрана армия, и противник прошел к Москве. Все укладывалось в эту схему просто и логично.

В русских источниках нет сведений об участии Темрюка в походе крымцев, но зато довольно много и подробно говорит об этом вестфалец Генрих Штаден в своем описании Московии и документе, предназначенном им специально для императора «Священной Римской империи» Рудольфа II*. Читаешь сочинения бывшего опричника и все больше приходишь к мысли, что этот авантюрист, жестокий по натуре и беспринципный человек, к тому же озлобленный на Ивана IV, и стал одним из активных участников разработки и проведения в жизнь провокации по обвинению Темрюка Идарова и его сына в измене: когда «подоспел великий голод и чума... - писал Штаден, - - крымский царь и пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли — свойственником великого князя...» И далее через несколько страниц: «...Из Черкасской земли великий князь взял себе в жены дочь князя Михаила Темрюковича. Этот также был с крымским царем, когда тот жег Москву».

Штаден, в 1576 году тайно уехав из России, вскоре составил для императора Рудольфа II план оккупации Московии и превращения ее в провинцию «Священной Римской империи»: «План, как предупредить желание крымского царя с помощью и поддержкой султана, ногаев и князя Михаила из Черкасской земли завоевать русскую землю, великого князя с двумя его сыновьями плен-

* «Священная Римская империя» — империя, существовавшая с 962 по 1806 год и включавшая в себя Германию, часть Италии, Чехию, Бургундию, Нидерланды и другие земли. Проводила агрессивную политику по отношению к славянам и соседним народам.

никами увести... и захватить великую казну». Из этого поразительного документа, составленного еще в 1579 году, за столетия до Наполеона и гитлеровских захватчиков, разработавших план «Барбаросса», видно, как давно вынашивались на Западе бредовые идеи покорения России и приобретения «жизненного пространства» на ее территории. Ясно и другое: автор его — ярый враг Руси и Ивана IV, человек коварный и хитрый, искусно маскировавшийся и проживший в Московии двенадцать лет, шесть из них состоя в опричнине. Он делал все, чтобы вбить клин в отношения между Грозным и родом Темрюковичей, чтобы предстать кабардинцев на стороне врагов Москвы. Это была тонкая и хитросплетенная игра, направлявшаяся кем-то сверху. А то, что Штаден то и дело путает, называя Темрюка Михаилом, дела не меняло. Главное в другом: оперируя их именами, хотя к тому времени ни того, ни другого уже давно не было в живых, он стремился создать мнение, что у Польши, Швеции и «Священной Римской империи» есть на Северном Кавказе верный союзник, хотя на деле все обстояло иначе.

«...[Крымский царь] имеет помощь еще свойственника великого князя из Черкасской земли, - говорилось в штаденском плане, — ибо великий князь бесчестно обошелся с его дочерью, а его сына князя Михаила убил... Когда крымский царь жег Москву и опустошал Рязанскую землю... тогда же был с крымским царем и свойственник великого князя князь Михаил из Черкасской земли со многими тысячами конных».

И еще раз фигурирует Михаил Темрюкович в этом документе (спустя восемь лет после своей смерти) как живой человек и реальный враг Русского государства: «Шведский король вместе с лифляндцами воюет с великим князем... и это на пользу крымскому царю. Но я это ни во что не ставлю. Причина: [и без этого] крымский царь имеет достаточную помощь от турецкого султана, ногайских татар, князя Михаила из Черкасской земли, казанских и астраханских татар и короля польского...»

Долгой оказалась жизнь этой провокации, начавшейся в драматические для Руси весенние дни 1571 года, когда по злым наветам к татарскому походу и грабежам крымцев приписали Темрюка, умершего за несколько месяцев до

этого, когда Грозный обвинил в измене и казнил одного из ближайших к себе людей — князя Михаила.

Только после московской трагедии, когда опричная армия, разложившаяся в грабежах и насилиях, не смогла сдержать и отбить татар, прорвавшихся к столице, царь понял - время опричнины миновало. За свое позорное поражение, за сожженную Москву он казнил почти всех ее руководителей вместе с командующим Михаилом Темрюковичем. «Выбыл боярин в 7080 году», - кратко сказано о его кончине в списке думных бояр.

В 1572 году опричнина была ликвидирована.

В конце своей жизни, будучи физически и нравственно разбитым, неизлечимо больным человеком, чувствуя приближение смерти и боясь расплаты за грехи на «том свете», Иван разослал по монастырям и церквам списки казненных по его указам людей. Они составлялись самим царем, вспомнившим теперь о поминовении погибших, что было необходимым ритуалом по тогдашним «христианским» понятиям. Вместе со списками рассылались деньги, иконы и вещи — меха, наряды, золотая и серебряная посуда, доспехи, скопившиеся в царской казне за годы репрессий.

В общем синодике* упоминается 3300 человек, около 2060 из них безымянные. Это простые русские люди — мужчины, женщины, дети, имен которых никто не знал и не пытался узнать: «Им же имена сам ты, господи, знаешь, подай им вечную память!» Составленный спустя многие годы после казней, список вобрал в себя лишь очень малое число погибших из многих десятков тысяч изрубленных саблями и мечами, утопленных и заживо сожженных. «Избиенные в опришнину, а поют по ним панихиду... Помяни, господи, души усопших рабов своих и рабынь, убиенных князей и княгинь и всех православных христиан мужского пола и женского, и коих имена и не написаны», — так начинался синодик опальных царя Ивана Грозного, в смерти которых он считал повинным лично себя.

* Синодик — список имен умерших для поминовения в церкви.

Печать Михаила Темрюковича Черкасского с его изображением

В числе более чем 1200 имен казенных бояр и воевод, дворян, детей боярских и приказных дьяков в нем назван и «Черкасский князь Михайло Темрюкович».

* * *

Среди оттисков старинных русских печатей, сохранившихся в Центральном государственном архиве древних актов, есть один, донесший до нас единственное подлинное изображение Михаила Темрюковича. Незадолго до своей смерти, в начале 1571 года, князь купил село Олферово. Под купчею, на документе, составленном на право владения этим поселением, он и поставил свою перстневую печать. Мы отчетливо видим на ней профиль бородатого мужчины в шапке, крупный с заметной горбинкой нос, упрямо выдвинутый вперед волевой подбородок. Облик явно нерусского типа. Да, конечно же, на печати именно он — князь Михаил Темрюкович, ближайший сподвижник и родственник царя Ивана Васильевича Грозного, человек, проживший бурную и так трагически окончившуюся жизнь.

МАМСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧ

У главного князя Кабарды Темрюка Идарова было семеро детей — четверо сыновей и трое дочерей. Домонуко приезжал в Москву в 1561 году, сопровождая свою сестру Кученей, невесту Ивана Грозного, Булгайрук побывал в русской столице в 1558 году, прося защиты от шамхала Тарковского.

Вместе с ним приехал тогда и младший брат Салтан, названный после крещения Михаилом и оставшийся в России.

Старшая дочь Темрюка Алтынчач — «Золотоволосая» была замужем за сторонником Москвы, астраханским царевичем Бекбулатом. Средняя Малхуруб стала женой Тинехмата, сына князя Большой Ногайской орды Измаила, находившегося в союзнических отношениях с Россией*. В древних русских архивах сохранились ее письма своей младшей сестре Марии Темрюковне, в которых ногайская княгиня называет ее «гошевной» — царицей, а царя Ивана IV своим зятем.

* Кочевья Большой Ногайской орды располагались на левом берегу Волги в среднем и нижнем ее течении вплоть до реки Яика (Урала).

Грозный со своей стороны поддерживал родственные отношения со свояченицей. Летопись сообщает, что 6 июня 1565 года он отправил послов к князю Тинехмату, стоявшему в то время уже во главе Большой Ногайской орды, и к его мурзам. В то же время специальный посланник -Василий Вышеславов был послан с письмом и дорогими подарками «к Тинехматовой княгине Черкасской к Малхуруб-княгине».

Видимо, такие близкие отношения и дали возможность Тинехмату пользоваться книгами из царской библиотеки. Об этом можно судить по одному из наказов послу Михаилу Сунгулову, ездившему в Ногаи после Вышеславова: «Если Тинехмат-князь спросит посла об обещанном царем знаменитом сочинении персидского ученого Казвини «Аджейбу-ль Махлукат» [«Чудеса природы»], ответить: «Государь наш ту книгу в казне своей искать велел и доискаться ее не могли».

Летописец отметил и другое, более важное событие, происшедшее летом 1565 года:

«...Того же месяца июня в 17 день приехал из Черкас к Москве Мамстрюк-князь Темрюкович. И царь и великий князь велел ему за собой ехать в Александрову слободу. И челом ударил царю и великому князю Мамстрюку... от отца своего от Темрюка-князя, что Темрюку-князю пришли многие притеснения от черкас и ему [они] непослушны во всем. И государь бы пожаловал, послал свою рать в Черкасы и от непослушных его велел оборонить».

Брат Марии Мамстрюк пробыл в России всего три месяца, но так случилось, что этот его приезд, первый и последний при жизни Ивана IV, оставил след в памяти русского народа и главным образом в целом ряде его песен и сказаний, героем которых является шурином царский «Мамстрюк-Кастрюк». В одних из них говорится, что Иван берет себе жену у брата ее «Мамстрюка», в других — что он входил в свадебный поезд и сопровождал Марию в Москву. Царь взял тогда «в провожатые за ней триста татарин, четыреста бухарин, пятьсот черкашенин и любимого шурина Мамстрюка Темрюковича».

Уже здесь Мамстрюк назван любимым шурином. Это подчеркивается почти во всех песнях и сказаниях. Как видно, по душе пришелся Ивану IV брат его жены Марии, поразивший царя своим ростом, силой и удалью:

Ой ты гой еси, черкасский князь,
Велик ростом уродился ты. Златом,
серебром украсился.

Так описывает его русская песня, переключаясь с документальным источником. «А Мамстрюк, - читаем мы в

«Родословной кабардинских князей и мурз», - добр был собою гораздо и дороден, и боялись его многие в Кабарде».

Вот и гости к царю съехались,
Все князья-бояре, люди ратные,
Да боярских детей до полутораста,
Да посадских людей четыреста,
Одного гостя нет как нет —
Удальца-бойца, славна витязя,
Самого князя Черкасского,
Мамстрюка ли Ермолаича.
Загремело на дворе государевом,
Как приехал давно жданный гость,
Князь Черкасский — Мамстрюк Ермолаич
С храброю своею, со дружиною,
Со своею молодою княгинею.

Здесь речь идет о приезде Мамстрюка вместе с Марией на свадьбу. В некоторых же других вариантах песни говорится о том, что шурином приехал в Москву не сразу, и указывается почти точная дата его приезда - через три года после женитьбы Ивана. И вот «гость милый, шурином родимый» Мамстрюк, приехав к своему зятю царю Ивану, попадает на праздник. В одном случае это свадьба, в другом пир, устроенный в его честь.

О знаменитых царских пирах, даваемых в Москве, знала вся Европа. Ни один из иноземных послов, побывавших в России, не уезжал отсюда, не познав русского хлебосольства. На удивление иностранцам, на таких обедах присутствовало полторы-две тысячи человек, а количество блюд, подаваемых на стол, превышало сотню. Чтобы только представить себе их разнообразие и обилие, до-

статочно привести лишь некоторые из кушаний, названия которых оставили в своих записках пораженные современники.

На длинных дубовых столах стояли жареные лебеди, цапли и журавли, рябчики со сливами, «куря бескосные», тетерева с шафраном, зайцы, зажаренные в лапше с гречем, петухи с имбирем, гуси, начиненные сарацинским пшеном*, индейки, жаренные на вертеле, лосиные ребра и мозги, баранье плечико, начиненное яйцами, буженина, лебяжья шейки с шафраном и даже... «караси с бараниной».

К мясным блюдам подавались и рыбные: икра черная и красная, белорыбица, чрево осетрины, лососья спинка, сельди, свежезапеченные в тесте, караси с пшеном, белужина «ветряная» в рассоле, щучина живоприсоленная, головы щучьи в шафране.

Не менее сотни разновидностей насчитывали сладости, подаваемые гостям на десерт.

Не было отказа и в хмельном «питии». Пили традиционные русские напитки — тминную, анисовую и кориичную водку, брагу, меды, пиво и заграничные виноградные вина — французские, испанские, немецкие — «романею», «мушкатель», «кинарею», «мальвазию». «А на иной день, когда бывают праздники, — читаем мы в источнике, — выпивают... вина с 400 и с 500 ведер, пива и меду тысячи по две и по три ведер и больше...»

И вот представим себе, что такой пир в разгаре. Присутствует на нем и Мамстрюк, и сидит он на почетном месте в красном углу. Все гости веселятся.

Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают, белу лебедь рушают,
Один гость не пьет, не ест, не кушает,
Белу лебедь не рушает.
Уж тот же гость Кастрюк-Мастрюк,
Кастрюк-Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
Он и просит у царя борцов,
Что борцов — удалых молодцов.

* Сарацинским пшеном в старину называли рис.

Борьба в то время являлась одним из любимейших народных развлечений. Кулачные бои, парные или групповые, проходившие на улицах и площадях городов и селений Руси, всегда привлекали к себе множество людей. В Кабарде с древнейших времен устраивалась борьба силачей, воспитывавшая в мужчинах силу и ловкость. Поэтому и не случайно, что заскучавший вдруг на пиру Мамстрюк решил поразмяться в молодецкой схватке и потешить царя и царицу борьбой: «Я уже семь городов прошел, по себе бойца не нашел». И тогда Грозный приказывает брату своей первой жены Никите Романовичу найти борцов, достойных гостя.

После долгих поисков их наконец находят в опричном городе — в Александровой слободе. Песни называют два имени русских борцов — Мишка Борисович и Потаня. Прежде всего они просят у царя разрешения на поединок с гостем — «ведь он шурина царский» и чтобы Иван их не винил в том, что они сойдутся в схватке с братом его жены. Грозный дает согласие на поединок..

Русский борец выходит на круг. Увидев его,

Скачет прямо Мастрюк
Из места большова, из угла переднева,
Через столы белодубовы, через яства сахарныя,
через питья медвяные,
Левой ногой задел за столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов Да прибил триста гостей:
Живы — да негодны, на карачках ползают
по палате белокаменной. То
похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу.

Мамстрюк вступает в схватку с бойцом, «борьба его» ученая, борьба черкасская». Удальцы борются «колесом» и «с носка». И хотя после долгого и трудного поединка шурина царя, как говорится в песнях, оказывается побежденным, все остаются довольны состязанием и тем, как «потешили» царя и гостей борцы, показавшие отменную ловкость, богатырскую силу и упорство.

Происходило ли все это так в действительности, ска-

зять сейчас невозможно, но так уж донесли рассказ о тех событиях старинные песни, сложенные еще во времена Ивана Грозного.

* * *

Осенним днем конца сентября 1565 года, простившись с царем и Марией, с которыми он уже больше никогда не встретится, торжественно провожаемый братом Михаилом и боярами, Мамстрюк Темрюкович покинул Москву. Вместе с ним, погрузившись на струги, отправились в дальний путь стрельцы и казаки дьяка Матвея Ржевского, посланные Иваном в помощь Темрюку. Двадцать пять дней понадобилось им, чтобы по беспокойным водам Москвы-реки, Оки и Волги доплыть до Казани. В начале ноября караван судов взял курс на Астрахань. Рано пришедшая в тот год зима принесла с собой большие снегопады и морозы. С каждым днем плыть по Волге становилось все труднее - шуга и льдины все крепче сжимали корабли и воздвигали на их пути снежно-ледовые заторы. По утрам, прежде чем сняться с якоря, людям приходилось баграми и топорами сбивать с бортов намерзший лед. К 20 ноября Мамстрюк и Ржевский добрались до Девичьих гор — возвышенности на правом берегу Волги у Жигулей, преодолев лишь треть пути. Дальше плыть было невозможно: река до Астрахани покрылась сплошным льдом. Оставалось одно - стать здесь на зимовку и дожидаться весны.

В то же время конный отряд воеводы Ивана Дашкова, направленный в Кабарду одновременно со стрельцами и казаками Ржевского, двигался до Астрахани сушей. Осенняя распутица и скованные первым предательским льдом реки, длинные морозные ночи у бивуачных костров, безлюдье заснеженных лесов и полей, нехватка продовольствия и корма для лошадей, огромные волчьи стаи, идущие по пятам людей, - все это пришлось вынести русским воинам на долгом и трудном пути к устью. Волги. Только в середине января вступили они в Астрахань и стояли там до конца марта, ожидая прибытия стругов, зимовавших у Девичьих гор.

В апреле отряды Ржевского и Дашкова уже были в Кабарде и помогали Темрюку усмирять восставших против него кабардинских князей во главе с союзником Крыма и Малой Ногайской орды Пшеапшоко Кайтуковым.

Поздней осенью «воинские люди» вернулись в Россию, но буквально вслед за ними, 22 декабря, в Москву вновь

приехал сын Темрюка, на этот раз Домонуко, с тревожным известием: в Кабарде опять беспокойно, крымцы с союзниками грабят ее землю, а их пособники местные князья сеют смуту. От имени отца он обратился к Ивану с просьбой построить на берегу Терека, у слияния его с рекой Сунжей, крепость для защиты кабардинцев от врагов.

Спустя полтора месяца, 2 февраля 1567 года, из Москвы двинулся сначала в Казань, а оттуда с весной по Волге на Северный Кавказ русский отряд «для городового дела» под командованием князя Андрея Семеновича Бабичева и Петра Протасьева, состоявший из полутора тысяч стрельцов и казаков, вооруженных пищальями и пушками. С ними возвращался на родину и Домонуко Темрюкович.

К осени на правом берегу Терека, недалеко от впадения в него реки Сунжи, там, где издавна проходила переправа на основном северокавказском пути, связывавшем побережья Каспийского и Черного морей, поднялась русская крепость. Ее гарнизон, вооруженный пищальями и пушками, надежно защищал теперь границы кабардинских земель с востока от набегов шамхальских отрядов из Дагестана и перекрывал дорогу, по которой турки и крымцы совершали свои переходы из Прикубанья в Закавказье.

Московская летопись не только рассказала об этом важном событии, но и проиллюстрировала сообщение двумя красочными миниатюрами. На первой из них группа всадников во главе с Домонуко направляется со стороны гор — из Кабарды в Москву. Вот он уже на приеме у Ивана IV излагает просьбу отца о постройке крепости. И здесь же художник дает ее набросок, желая, видимо, показать, как все это себе представляли Темрюк и его сыновья. На второй миниатюре продолжение рассказа о «городовом деле» на реке Сунже. В верхней ее части царь, сидящий на троне, дает наказ стоящим перед ним Бабичеву и Протасьеву перед их отправкой в дальний путь на Кавказ. Затем мы видим русских ратников с пушками на

кораблях, плывущих по бурным волжским волнам к Астрахани, а потом встречаем этих же служилых людей с топорами в руках, строящих на обрывистом берегу реки деревянный острог* с высокими стенами и башнями.

* Острог (от слова «строгать») — деревянное укрепление в Русском государстве XIV—XVIII вв.

Возведение крепости по просьбе Темрюка у впадения Сунжи в Терек говорит о том, что именно в этом районе находилась владения Темрюковичей и здесь проходила восточная граница Кабарды. В ином случае укрепление и его гарнизон никак не могли защитить от опасности ее народ. При тех возможностях передвижения московским войнам с их обозами и тяжелыми пушками потребовалось бы не менее трех дней, чтобы добраться от Сунжи до современной Малой Кабарды, лежащей в излучине правого берега реки Терек. Будь это так и тогда, сооружение крепости, находившейся так далеко от земель Темрюка, теряло бы всякий смысл как для него, так и для русского правительства. То, что в средние века кабардинцы жили в районе Сунжи, подтверждают и довольно многочисленные курганные могильники их предков — «захоронения кабардинского типа», найденные археологами в этих местах. Кабардинские поселения у слияния Терека и Сунжи существовали вплоть до XVIII века.

В Турции и Крыму некоторое время еще не знали о постройке острога. Султан Селим II, самонадеянно считавший народы Северного Кавказа, в их числе кабардинцев и черкесов, своими данниками, шлет в Крым к Девлет-Гирею очередное послание с требованием доставить ему в Константинополь «черкасских ребят и девок чистых 300 человек». И только в конце сентября в Бахчисарае забили тревогу. Три крымских царевича повели на Кабарду войско, а в Москву направились послы разгневанного хана и повезли грамоту с требованием снести Терскую крепость. В октябре с подобным посланием, угрожая новыми нашествиями, обратился к Ивану IV и наследник престола Магомет-Гирей, который так зарвался, что категорически потребовал от него отказать от Казани и Астрахани в пользу Крыма. Нападение крымских татар на Кабарду было отбито. А Грозный, отвергая притязания Турции! и Крыма на Поволжье, в то же время дипломатически «отписал» в Бахчисарай, что город на Тереке он поставил исключительно по просьбе Темрюка, на дочери которого женился и которому дал обещание оберегать его от всех врагов и враждебных ему местных князей.

И вот тогда в Константинополе созрел план похода на Россию, чтобы силой оружия вернуть под свое влияние Казань и Астрахань, а вместе с тем захватить и Кабарду.

В мае 1569 года восьмидесятитысячное турецко-крымское войско, сосредоточенное на берегу Азовского

моря, двинулось на север сушей и по реке на 150 галахах. От крепости Азов оно поднялось по Дону к его излучине — «переволоке», близко подходившей к Волге. Здесь турецкий паша Касим и хан Девлет-Гирей попытались прорыть канал, чтобы соединить две реки и провести через него корабли с тяжелой артиллерией, вооружением и припасами. Эта попытка не привела к желаемым результатам — при тех возможностях потребовались бы долгие годы для осуществления подобного замысла. И тогда, взяв с собой лишь 12 легких пушек, враг вышел к Волге и на судах, предоставленных ногайцами, направился к Астрахани. Но поход окончился неудачей и полным крахом неприятельского войска. Осенью Касим-паша и Девлет-Гирей начали отступление от Астрахани «с великою печалью и срамотью своею». Уходили они безводными, полупустынными бурунными степями севернее Терека. Дорогу бегства устлала тела их воинов, умерших от жажды, голода и болезней. Поверженный враг спешил на запад, направляясь к Азову, откуда начал свой так бесславно окончившийся поход. И на всем пути отступления днем и ночью их преследовали кабардинцы и черкесы. Они подстерегали турок и татар в засадах, налетали на них подобно урагану, обрушивая на их головы удары сабель и тучи стрел.

* * *

В один из июльских дней следующего, 1570 года в Москву пришло сообщение из Крыма, встревожившее Ивана Грозного и его шурина Михаила Темрюковича.

Русский посол в Бахчисарае Афанасий Нагой писал, что крымский царевич Адил-Гирей ходил весной в набег на земли черкесов, лежавшие вблизи Кабарды. На помощь своим собратьям пришел тогда с отрядом воинов князь Темрюк. Во время жестокого сражения с татарами он был тяжело ранен и вынесен с поля боя верными узденями. А сыновья его Мамстрюк и Булгайрук в той неудачной битве взяты Адил-Гиреем в плен и увезены в Крым.

«Доблестный князь Темрюк готов разить общего врага, — говорится в кабардинском предании. — Возгорелась сеча жестокая и стрелы крымские летят в Темрюка, подобно зимнему инею, убеляющему поля и деревья. Но одна роковая стрела отыскала путь для пронзения храброго князя, и так глубока была рана, что трудно было стрелу вынуть.

Пришел к нам из далекой страны, из-за моря через перешеек, воитель грозный с несметными силами и взял

крепость нашу.

Пытались крепко крымцы перейти Ахупс и совершенно сбить наших: плохо без Темрюка храброго, но наши отстояли... И герой из героев Темрюк только вздохнул от жестокой раны...»

Через несколько месяцев он сумел вновь подняться на ноги, но ненадолго. Вскоре его свалила болезнь — следствие многих старых и новых ран, полученных им в битвах с врагами своего народа. Силы Темрюка подорвало и пленение крымцами его сыновей.

В начале 1571 года он скончался. Смерть его оплакивал весь кабардинский народ. Тело Темрюка по старому обычаю уложили в колоду, выдолбленную из ствола дуба, а рядом с ним положили его боевую саблю, лук со стрелами и кресало с кремнем. Боевые доспехи князя — кольчуга, шлем и щит перешли по наследству к Домонуко Темрюковичу. Из четырех сыновей только он один присутствовал на похоронах отца: двое находились в крымской неволе, а третий нес службу в далекой Москве.

Где-то там, на левом берегу Сунжи или в районе Малгобека, может быть, еще и теперь стоит курган, под которым покоится прах славного сына Кабарды Темрюка Идарова.

...А Москва продолжала вести напряженные дипломатические переговоры с Турцией по поводу Терской крепости. Селим II требовал снести ее и открыть дорогу через Северный Кавказ, заявляя, что «...князья... кабардинской земли искони, вечно наши бывали, а ныне в кабардинской земле город поставлен». В ответ русское правительство приводило прежнюю мотивировку постройки Терского городка: поставлен он по «челобитью» тестя Ивана Грозного князя Темрюка, чтобы ему «от своих недругов жити бесстрашно». «А та земля, — дипломатично разъяснял в Константинополе русский посол Иван Новосильцев, доказывая необоснованность турецких притязаний на земли Северного Кавказа, — истари была от Кабарды от Темрюкова юрта*, по Терке по реке и до моря его, Темрюкова, и [здесь он] зверя бил и рыбу ловил».

Отношения с Турцией и Крымом все более обострялись. Но, несмотря на это, Иван IV, тревожась за судьбу сыновей Темрюка, братьев его к тому времени уже покойной жены, отправляет в Крым посольство со специальным посланием хану Девлет-Гирею, написанным по нормам и правилам дипломатической переписки того времени:

«Божией милостью великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Великой Орды великому царю, брату моему Девлет-Гирею царю.

Слух до нас дошел, [что] слуги нашего, кабардинского князя Темрюка, попали сыну твоему царевичу Адил-Гирею в руки Темрюковы князья два сына Мамстрюк да Беберюк [Булгайрук]. И ты б для любви Темрюковых князьих детей Мамстрюка да Беберюка к нам отпустил с моим послом с Афанасием Нагим... а у нас чего попросишь, и мы тебе не откажем...»

Послав грамоту с дарами хану, как это было тогда принято, царь отправил послание с подарками и его главной жене — кабардинке «большой царице Аишеатме Салтане» (по некоторым сведениям родственнице Темрюковичей). «А мы, помня свою царицу и великую княгиню Марию, — писал он ей, — и после ее смерти родных ее беречь и жаловать и впредь готовы».

Через двадцать дней, в начале января 1571-го, дьяки Посольского приказа снарядили в Бахчисарай нового гонца — Богдана Шапкина. Ему наказывалось передать пленным сыновьям Темрюка «поклон» от Ивана IV, справиться от его имени об их здоровье, вручить им царскую грамоту с подарками и выяснить возможность их выкупа.

А отношения России с Константинополем и Бахчисараем с каждым месяцем становились все напряженнее. Угроза войны с Турцией, которую пришлось бы вести одновременно со столь затянувшейся Ливонской войной, все же заставила русское правительство в конце марта отдать распоряжение о сносе Терской крепости и открытии «османовской» дороги через Северный Кавказ. Пока это известие шло с послами до Турции и Крыма, к Москве в апреле ринулись татарские полчища...

В крымской столице Бахчисарае даже в эту трудную для Руси пору продолжались переговоры о братьях Марии. 10 апреля посол Афанасий Нагой и гонец из Москвы Богдан Шапкин отправили в крымский город Мангуп, где находился в плену Булгайрук, своих людей с подарками для него от царя и «поклоном государевым». В тот же день они встретились в Бахчисарае с Мамстрюком.

* Юрт — феодальное владение.

Татары привели его к русским дипломатам под стражей, закованного в цепи. В изорванной одежде, сильно похудевший, с осунувшимся и обросшим черно-седой бордой лицом, предстал он перед москвичами. Не таким помнили его посланники Ивана IV, встречавшиеся с ним шесть лет назад в Александровой слободе на царском пиру. Год мучительного и унижительного крымского плена наложил на князя тяжелый отпечаток - враги держали его в подземной темнице, боясь, что он совершит побег. Ведь по духу своему он оставался тем же удалым и бесстрашным человеком. Долгие месяцы пребывания в мрачных, глубоких и постоянно сырых казематах ханской цитадели Чуфут-Кале, находившейся на каменистом плато вблизи Бахчисарая, не сломили сына Темрюка. Можно только представить себе радость его при встрече с людьми, прибывшими от Грозного. Это значило, что в Москве помнят о нем и день освобождения наступит.

Шапкин передал Мамстрюку грамоту и подарки - шубу беличью, соболью шапку, атласный кафтан, сапоги и сообщил, что государь ведет с Девлет-Гиреем переговоры о выкупе братьев.

Мамстрюк рассказал ему, что крымский хан требовал у своего сына его выдачи, чтобы убить, но царевич Адил-Гирей не отдал, а подарил казанскому мурзе Ахмамет-Улану. Нагой и Шапкин узнали, что к пленному князю приезжал из Кабарды от его отца и матери доверенный человек, сообщивший, что они готовы отправить в Крым любой выкуп за своих сыновей. Мамстрюк и передал с ним на родину известие, что казанец Ахмамет-Улан требует за его

свободу «сорок человек ясыря* черкасского, ребят и девок чистых», коня-аргамака в полном снаряжении, доспехи и богатую одежду, оцененные в 5000 золотых. С этим выкупом и ждал он из Кабарды свою мать с братом Домонуко. Но в связи с набегом крымцев на Русь и последовавшей перед этим смертью Темрюка, о которой его сын еще не знал, приехать в Бахчисарай они не смогли.

Люди же Ахмамет-Улана, сопровождавшие пленного, заявили послам, что Мамстрюка они могли бы обменять на двух сыновей их господина, находившихся в русском плену. Когда же Нагой и Шапкин ответили, что вести переговоры о том не уполномочены, татары запросили за сына Темрюка 8000 золотых и снова увели его в казематы Чуфут-Кале.

На следующий день в резиденцию москвичей приехал гонец царевича Адил-Гирея, пленившего братьев, и сообщил, что цена выкупа за одного Мамстрюка отныне будет 10 000 золотых, но если за него дадут семь тысяч и деньги вручат здесь же, в Крыму, князя отпустят.

Послы предложили царевичу, как им было приказано Иваном IV, за каждого из братьев «в первом слове» по 500 рублей, в «другом» — по 1000 и окончательно — по 1500. По тому времени это очень большая сумма: лучший изумруд или яхонт стоили шестьдесят рублей, двадцать рублей платили за чистокровного восточного скакуна и за самую лучшую соболью или горностаевую шубу, три рубля—за бочонок пороха, за бочку апельсинов, два— за бочку английской сельди, рубль — за аршин** заграничного бархата и атласа, за пятнадцать пудов ржи и за быка. От пятидесяти до четырехсот рублей стоило село с несколькими деревнями.

От Адил-Гирея сразу же последовал ответ, что менее чем за семь тысяч Мамстрюка не отдадут и деньги должны быть отданы за него на месте, в Крыму. Так высоко оценили татары стоимость выкупа за Мамстрюка Темрюковича. И это, конечно, не случайно: они очень хорошо знали, каков этот человек. За брата его они просили го-

* Ясырь — пленник, невольник.

** Русская мера длины, равная 0,71 метра.

раздо меньше. Послы отправили гонца в Москву, извещая Ивана о цене свободы сыновей Темрюка.

Прошло два месяца с того памятного мая 1571 года, когда крымцы сожгли русскую столицу. В пепелище стояла Москва, тысячи ее погибших жителей уже покоились в братских могилах. Вволю пограбивши, татары вернулись в Крым, казнен уже был со своими соратниками по опричнине Михаил Темрюкович. В Бахчисарай отправился новый русский гонец Севрюк Клавшов. В Посольском приказе ему было велено выяснить, где в настоящее время находятся Мамстрюк с Булгайруком, и узнать у самого хана Девлет-Гирея, каким же будет окончательный выкуп за них.

Иван Грозный, ценя установившиеся дружеские отношения с Кабардой и родом Темрюковичей и стремясь выкупить из плена сыновей Темрюка, старался скрыть, что их брат Михаил казнен по его приказу. К этому времени царь уже располагал верными сведениями о том, что главного князя Кабарды нет в живых, слухи о его участии в походе крымцев на Москву ложные и Михаил Темрюкович напрасно обвинен, им в «великих изменных делах». Поэтому в наказе Клавшову говорилось, что если кто-то в Крыму спросит его «про князя Михаила Черкасского, где ныне князь Михайло», то всем давать такой ответ: «...Князь Михайло Черкасский был в полку с царевыми и великого князя воеводами и в царев приход ехал из полка в полк и погиб безвестно, и ныне неизвестно про него, где погиб. А кто молвит, что его царь и великий князь велел убить, то Севрюку говорить — то говорят ложно, не ведая, а государь его убивать не велел. За что государю его убивать? Государь и братьев его, не желая в плену и нужде [оставлять], велел за них выкуп великий послу своему дать. И не жалуя Темрюка-князя и детей его, за что было государю их выкупать?».

На этом сведения о переговорах русского правительства с татарами о выкупе сыновей Темрюка в документах обрываются. Известий об этом в источниках нет, как нет и о связях России с Кабардой в период между летом 1571 и апрелем 1578 года. В то время, после смерти Темрюка, Кабарда временно попадает в зависимость от Турции и Крыма.

* * *

В России обстановка вновь осложнилась. Земля ее была разорена опричниками, войной с Польшей и Ливонией, набегами Крыма. И опять для борьбы со своими противниками Грозный прибег к репрессиям. Осенью 1575 года в стране снова, на этот раз менее чем на год, частично была восстановлена опричнина.

Царь «отказался» от престола, взял себе опричный «государев удел» и стал именоваться «Иваном Московским». Титул же «великого князя всея Руси» он передал касимовскому хану — сыну астраханского царевича Бекбулата и дочери Темрюка Алтынчач («Золотоволосой») — Саин-Булату, именно по этому случаю крещенному и названному Симеоном. Он жил в России с сентября 1561 года, куда приехал вместе с отцом, сопровождая свою тетку Кученей - Марию, ставшую царской женой. Отец его, Бекбулат, через некоторое время был поставлен Иваном IV во главе Касимовского ханства, находившегося по берегам Оки южнее Муром. Это удельное владение татарских ханов, вассалов Руси, существовало с середины XV века до 1681 года. После смерти Бекбулата ему наследовал его сын Саин-Булат, ставший с осени 1575-го формально великим князем всея Руси.

Иван Грозный уже много лет хорошо знал этого человека, встречаясь с ним во время поездок в Касимов и при своих дворах в Москве и Александровой слободе, где молодой хан довольно часто бывал и жил по нескольку месяцев. Вместе с царем Саин-Булат охотился в муромских и подмосковных лесах, отличаясь удалью и метким глазом, что особенно нравилось в нем Ивану. По сведениям некоторых современников, он считался любимцем царя. И поэтому, видимо, не случайно выбор его пал в тот год именно на Саин-Булата. «А бояр он [царь Иван] взял немногих, все остальные были у Симеона. А как приезжал к великому князю Симеоноу, то садился далеко от него, как и бояре, тогда как князь великий Симеон садился на царское место», — пишет летописец.

Внук Темрюка, Симеон Бекбулатович, волей Ивана IV оказался на русском престоле. Но он был лишь подставным лицом, «калифом на час», в большой политической игре: через него и от его имени Грозный правил страной

и проводил в жизнь свою политику борьбы с недовольством в кругах боярства, дворянства и духовенства, вызванным его жестокостью, безграничной самодержавной властью и неудачами во внешней и внутренней политике.

С лета следующего года Иван вновь уже именовал себя «царем всея Руси», а низложенного Симеона, по свидетельству современников, человека безобидного и бесхитростного, отправил на княжение в Тверь. С пышным титулом «великого князя» он жил там до 1596 года, когда был ослеплен по приказу Бориса Годунова, готовившего себе почву для восхождения на российский престол. Бывший опричник боялся, что его противники могут сделать ставку на Симеона — племянника второй жены Грозного.

...Семь долгих лет не встречала Москва на своих улицах кабардинских посланцев. И все это время в Кабарде хозяйничали и грабили ее народ турки и крымцы. В наступившем 1578 году, когда вновь возобновилась война между Турцией и Персией, ведущаяся из-за Закавказья, новый султан Османской империи Мурад III бросил большую часть своих войск, оккупировавших Северный Кавказ, против персов. Тогда, собравшись с силами, кабардинцы сумели изгнать со своей земли оставшихся там захватчиков и до подхода новых карательных отрядов врага спешно снарядили в столицу Руси послов за помощью. Сами выдержать новый натиск турок и крымцев они бы не смогли. За немедленное возобновление связей с Москвой выступили Темрюковичи и среди них князь Мамстрюк.

Он вырвался из татарского плена. Как это произошло и когда, сказать трудно, но, видимо, все же после долгих и настойчивых стараний посланцам Ивана Грозного удалось его выкупить. И потом до конца своей жизни Мамстрюк Темрюкович останется верным союзником и другом русских людей. А брат его Булгайрук, скорее всего, на родину не вернулся: он умер или погиб в плену, так как в документах и летописях имени его больше не встречается.

Послы прибыли в Москву в апреле. На этот раз их возглавлял новый главный князь Кабарды, родной брат Темрюка - Камбулат. Он и поведал на приеме у Грозного о больших бедах и страданиях, что пришлось пере-

жить кабардинцам за эти трудные семь лет. Подтвердив верность союзу с Русским государством, Идарович просил защитить его народ от врагов, восстановить крепость на Тереке и прислать туда «воеводу своего и людей с огненным боем».

В конце апреля на Северный Кавказ отправился отряд стрельцов и «плотников для городового дела» под командованием воеводы Луки Новосильцева. С русскими ратными людьми возвращался в Кабарду и князь Камбулат, которому в Москве вручили жалованную грамоту с золотой печатью, подтверждавшую его главенство среди других кабардинских князей. Он вез с собой и царское послание своему племяннику Мамстрюку.

...Россия все еще вела тяжелую Ливонскую войну. Каждый поход, оканчивавшийся удачей или поражением, приносил с собой потери воинов, а это требовало все новых пополнений для армии. И в ответ на отправку стрельцов на берега Терека царь предлагал Мамстрюку прийти к нему на службу с тремя сотнями всадников - до наступления заморозков он должен добраться из Астрахани в город Темников, находившийся близ Рязани.

Отношения Грозного с сыном Темрюка и в дальнейшем оставались очень хорошими, а это, конечно же, говорит о том, что Мамстрюк выполнил тогда поручение царя. Князь собрал людей и двинулся с ними к Астрахани, но пришел туда почти без лошадей, павших в дороге от эпидемии сапа. Следовать к Темникову, до которого было почти полторы тысячи верст, отряд не мог, и астраханский воевода отправил его обратно в Кабарду.

Пока Мамстрюк добирался до устья Волги и возвращался на родину, на Сунже заново отстраивалась Терская крепость. К началу зимы она была готова, но простояла только два года. Под нажимом Турции укрепление вновь пришлось снести, а гарнизон вывести в Астрахань. Но на берегах буйного Терека, по Сунженскому хребту, уже стояли станицы терских казаков, вольных русских людей, бежавших в дальние края от произвола помещиков и царских властей. Как и их соседи - кабардинцы, они теперь постоянно нападали на крымцев и турок, проходивших через Сунженский «перевоз» на Восточный Кавказ или возвращавшихся оттуда в низовья Кубани...

* * *

В марте 1584-го, пятидесяти трех лет от роду, Иван Грозный умер. Престол занял его сын Федор...

4 января 1588 года (двадцать три года спустя после своего первого визита), в Москву приехал Мамстрюк. Много изменилось здесь с тех пор, почти не осталось людей, которых он знал, — одни из них сложили свои головы на плахе или умерли в ссылках, другие погибли в боях, скончались от старости.

Через полмесяца Мамстрюк и его двоюродный брат Куденет Камбулатович были приняты в Золотой Грановитой палате Федором Ивановичем - его Темрюкович помнил еще восьмилетним ребенком: «...И Мамстрюк-князь да Куденет-мурза государю били челом, чтобы их пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их... в обороне от недругов... И велел бы государь для их обороны от турецкого султана и от крымского царя на Тереке город поставить. А они государю будут служить всякие его государевы службы. А к другому государю к крымскому, и к турецкому, и к шамхальскому, и к другим не пристанут, а будут жить в государевом Терском городе переменясь...»

Правительство Федора, вскоре записавшее в официальный титул страны на правах вошедших в Русское многонациональное государство «Кабардинскую землю, черкасских и горских князей», обещало помогать кабардинцам в их борьбе с врагами, как это делалось и при Иване IV. В начале того же года воеводам во главе с Андреем Хворостининым было дано указание возвести на берегах Терека два укрепления.

После царского приема послы и их уздени, по давней установившейся традиции, жаловались подарками. В источниках Посольского приказа сказано, что князь Мамстрюк получил пятьдесят рублей деньгами и шубу соболю, его брат Куденет тридцать рублей с шубой, а остальные тридцать пять человек их свиты по три-четыре рубля и по «сукну доброму» на кафтаны.

25 июля, за несколько дней до отъезда, Мамстрюк, Куденет и все сопровождавшие их уздени от имени главного князя Кабарды - Камбулата дали шертную запись — клятву «по своей вере по мусульманскому закону» служить верой и правдой России и сражаться против

Герб Кабардинской земли

ее врагов. В этом документе от имени участников посольства говорилось, что князя Камбулат, Мамстрюк, Домону-ко, все их братья, племянники и дети отныне, сменяя друг друга, будут жить в новой Терской крепости и участвовать с ее воеводами в походах на «недруга на всякого заодно».

Через несколько месяцев близ устья Терека стрельцы и служилые люди построили для защиты Кабарды с востока крепость Терки, просуществовавшую в том районе до 20-х годов XVIII века. Центром укрепления стал деревянный кремль, сооруженный из громадных сосновых бревен, с восемью башнями по углам и четырьмя над воротами. Внутри его находились воеводский двор, приказная изба, дома служилых гарнизонных людей, две церкви и пороховой погреб с несколькими сотнями ядер. Крепость надежно охраняли пушки, установленные на стенах и башнях кремля.

Вскоре было восстановлено укрепление и на берегу Сунжи у ее впадения в Терек, называвшееся отныне Сунженским острогом.

* * *

Весна 1589 года принесла с собой смерть Камбулата Идарова и последовавшие вслед за этим новые распри князей и набеги шамхала. И опять, как это было уже не раз в грозные для родины времена, Темрюковичи ищут поддержки у России. Мамстрюк и Домонуко, их двоюродные братья, дети Камбулата — Очекан, Куденет и Хакяго отправили в Москву за подмогой трех узденей. А в октябре из Терского города в помощь им были посланы 750 воинов «огневова боя» с казачьим головой

Александром Полтевым. Вместе с «черкасской ратью» они разгромили тогда сторонника Крыма и зятя шахмала — князя Шолоха Тапсарукова. Его владения находились на правом берегу Терека, близ осетинских земель, и перекрывали путь, издревле ведущий с Северного Кавказа через Дарьяльское ущелье в Грузию.

По окончании похода казачий голова Полтев писал в грамоте кахетинскому царю Александру, присягнувшему за два года до этого на верность России: «...И я пришел с государевыми людьми с огненным боем, а со мною черкасская рать... и дорогу к тебе очистил и твоих послов из Кабарды к тебе отпустил. И в той войне я обмер лошадьми, и тебе бы государю пожаловать меня, прислать [лошадей], на чем было бы против ваших недругов сидеть; да пожаловать бы тебе меня саблею. А то дело, а моя служба общая с вашей...»

...В Терском городе вместе с русскими ратными людьми жили теперь, сменяя друг друга, и кабардинские князья с узденями, подчеркивая своим пребыванием здесь верность России. Первыми, с лета 1589 года, в крепости находились племянник Темрюка Хакяго Камбулатович, уздень Мамстрюка — его аталык* Елтюк и сын «почтенного человека» Анзорова — Адарук. В октябре в Терском городе проживал и сам Мамстрюк Темрюкович. Когда же через месяц в крепость приехал сын нового главного князя Кабарды Янсоха Кайтукина, он возвратился в свои владения.

И снова Мамстрюк собирает кабардинцев для военного похода. В грамоте, полученной им из Москвы, говорилось, что для участия в войне со Швецией он должен прислать в Шацкий городок пятьдесят лучших своих воинов, каждого с двумя лошадьми и в полном военном снаряжении.

Послание это было отправлено летом, а осенью астраханский воевода получил новое указание. В нем говорилось, что поход на шведов не состоится, так как король

*** Кабардинские князья отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи — низшие по своему положению. Воспитатели-аталыки становились очень близкими людьми к княжеским семьям.**

их во всем «исправился». Вот почему кабардинский отряд, к этому времени уже находившийся в Астрахани, возвратился на родину.

Вскоре с Мамстрюком произошел случай, характеризующий его как типичного горца, честного и невероломного человека, свято соблюдавшего закон гостеприимства. Терские казаки сообщили в Сунженский острог, что князь принимал у себя в поселении проезжавшего мимо турецкого гонца с его свитой. Узнав об этом, встревоженный глава гарнизона спешно отправил к Темрюковичу нарочного за объяснением всего происшедшего. Мамстрюк сам приехал в острог, чтобы рассеять сомнения и опасения воеводы. Он объяснил, что турок, которых сопровождали уздени его недруга — князя Шолоха, никто в гости не приглашал. Застигнутые в пути морозной метельной ночью, они приехали в его селение и попросили крова. А так как по древнему кабардинскому обычаю никто, под угрозой позора и проклятия, не имел права отказать в этом даже врагу своему, гонец и его люди остались ночевать у Мамстрюка, пользуясь всеми правами гостей и находясь под защитой хозяина. Но, как только утром они выехали в поле, сын Темрюка снарядил за ними погоню. В происшедшем столкновении его люди отбили у турок десять коней, но потеряли при этом убитым одного узденя.

Тогда же Мамстрюк Темрюкович, подчеркивая свою верность союзу с Россией, заявил находившимся здесь московским послам: «Не ем и не пью, а все промышляю государевым делом и день и ночь, чтоб всех горских князей привести под его... руку», что означало «привести» их к дружбе с Москвой.

Лучшим доказательством Верности этого человека своему союзническому долгу стала вся его жизнь. И сыновей своих он воспитает в таком же духе — ставить превыше всего дружбу с Россией. Как свидетельствуют «Родословные кабардинских князей и мурз XVII века» и «Российская родословная книга» за 1855 год, у Мамстрюка было шестеро сыновей и дочь. О старших — Актулуме и Шаралпе сведений в источниках нет, средних сыновей Каншова и Гужа отец пошлет на службу в Москву, где они и останутся. Пятый — Аликай участвовал в битвах с врагами Кабарды и погиб в 1622 году в бою с крымским

сторонником князем Шолохом, сражаясь в одном строю с русскими стрельцами воеводы Вельяминова. Младший - Кайтука тоже слыл храбрым воином. Во время одной из стычек с татарами, вырываясь из окружения, он утонул в Кубани. Ни один из сыновей Мамстрюка потомства после себя не оставил, «все бездетны» — сказано в родословных. В то жестокое, наполненное междоусобной борьбой и убийствами время это могло говорить только об одном — большинство из них, в том числе и старшие Акулум и Шаралп, погибли, не успев обзавестись семьями.

Дочь Мамстрюка Каншовха стала женой мурзы Инармаса из кабардинского рода Кайтуковых — Казыевых, с которым у Темрюковичей всегда были очень сложные взаимоотношения, часто переходившие в открытую вражду. Мужа ее убьют в 1615 году ногайцы во время набега на казыевские владения. Оставшись одна, Каншовха Мамстрюковна уехала к своим дальним родственникам в Черкесию. «А ныне она в Черкасах в Кеморгах*», — говорится в родословной, составленной в начале 40-х годов XVII столетия.

В марте 1590 года Мамстрюк Темрюкович снова в походе: вместе с московскими ратниками идет на шамхала Тарковского. А вскоре воинское счастье опять изменило ему — во время ответного набега неприятельских отрядов на Кабарду князь попал в плен и его увезли в Дагестан. Несмотря на все старания шамхала заставить Мамстрюка перейти к нему, он и на этот раз остался верен своим убеждениям и клятве, данной в Москве. Через несколько месяцев ему удалось бежать, а оказавшись на родине, Темрюкович сразу же направил в Россию с известием об этом двух узденей, отплывших по Волге из Астрахани под надежной охраной, данной местным воеводой. В июле они вернулись обратно, привезя Мамстрюку грамоту от русского правительства и тридцать шесть кольчуг, полученных в дар и частично закупленных в Разрядном приказе.

Обращаясь к «Мамстрюку княж Темрюкову сыну ка-

* Кемиргой — западнодыгейское племя и занимаемая им территория.

бардинскому» от имени царя, согласно тогдашним дипломатическим нормам, дьяки Посольского приказа писали, что в Москве известно о его пленении шамхалом, о том, как в неволе, терпя «всякую нужду», он не изменил Руси и верен ей, «помня отца своего Темрюка-князя». Далее в грамоте говорилось о том, что из Терской крепости вскоре выступят на шамхала воеводы «и ты бы Мамстрюк-князь, ныне нам совершенную службу показал, с братьями своими и с племянниками шли на шемхальского с нашими терскими воеводами... и ему свою недружбу отомстили...» и чтобы тот «был вперед... с вами, черкасскими князьями, вместе».

Поход состоялся в августе. В нем приняли участие и кабардинцы, возглавляемые Мамстрюком. Результатом совместной военной экспедиции стало занятие устья реки Сулак (Койсу), впадающей в Каспийское море южнее Терека. Два года спустя русские служилые люди поставили здесь на земле шамхала Койсинский острог, ставший на Северном Кавказе еще одним форпостом в борьбе против Турции, Крыма и их союзников.

В начале девяностых годов Мамстрюку Темрюковичу было около шестидесяти лет, но он по-прежнему оставался физически крепким и выносливым, участвовал во многих боях и так же умело владел саблей и луком. К слову его прислушивались в Кабарде, где он, вот уже несколько десятилетий, пользовался громадным авторитетом и влиянием у своих друзей и союзников, а многочисленные враги опасались его.

...Уходил в прошлое бурный и кровавый XVI век. Протурецки настроенные кабардинские князья вновь подняли мятеж и свергли главного князя Кабарды, московского союзника Янсоха Кайтукина. Несколько лет продолжалась ожесточенная междоусобная борьба между феодалами за главенство. Все это и привело в конце концов к разделению кабардинской земли на Большую Кабарду, лежащую западнее Терека, и Малую, расположенную восточнее его. В наши дни это чисто условное деление, происшедшее в смутные времена средневековья, воспринимается нами лишь как географическое название территории современной Кабарды.

Самое активное участие в той борьбе принял и Мамстрюк, которого его сторонники выдвигали на главное княжение. Сына Темрюка поддерживало и русское правительство, прислав ему жалованную грамоту с золотой печатью с подтверждением его старшинства. «Княжеством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княжества ему не дано было», — свидетельствует документ. Это значит, что главным князем утвердился Мамстрюку не

удалось.

Около 1600 года Мамстрюк и его брат Домонуко были предательски убиты давним врагом рода Темрюковичей князем Казыем — сыном Пшеапшока Кайтукова, пригласившим их для переговоров в свои владения в Большой Кабарде. «А Домануку да Мамстрюку убили Казы-мурза с братией, зазвав к себе меда пити и продержав их у себя два дня скованными, и на третий день убили... А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись его многие в Кабарде, от зависти его и убили», - так донесла до нас это последнее печальное известие о судьбе братьев Михаила и Марии «Родословная кабардинских князей и мурз».

Потомства по линии Домонуко, как и Мамстрюка, не осталось: из четырех его сыновей двое погибли; пали в схватке с враждебными князьями и два его внука.

После вероломного убийства сыновей Темрюка Казый ограбил их земли в Малой Кабарде, а часть населения вместе со своими подданными увел за Кубань к крымцам. Через несколько лет он вернется в Кабарду и даже вынужден будет принять русское подданство, дав клятву на верность, что не помешает его родственникам вскоре же нарушить ее. Казый Пшеапшонов, постоянно сеявший смуты и раздоры, запятнавший себя кровью Мамстрюка и Домонуко, погиб в 1615 году в результате междоусобной борьбы с Хорошаем Шолоховым, призвавшим себе на помощь ногайцев и заманившим своего противника в ловушку, подобно тому, как это сделал когда-то он сам с Темрюковичами. Тогда же был убит и зять Мамстрюка! Инармас*.

* * *

Мы видели Мамстрюка Темрюковича в разные периоды его жизни и в различных ситуациях. Он герой русских сказаний, удалой боец, живой, горячий кавказец и закаленный в битвах военачальник, политик и дипломат. И, наконец, это сильный, волевой человек, не сломленный ни пленениями, ни невзгодами, которых встречалось немало на его тернистом жизненном пути. Таким был сын князя Темрюка Мамстрюк, сделавший много доброго для своей родины — Кабарды и для ее народа в то далекое трудное время.

* Инармас приходился Казыю двоюродным братом. К убийству своего тестя он отношения не имел.

ТЕМРЮКОВИЧИ

Со смертью Мамстрюка, Домонуко и их дяди Камбулата связи между Русью и Кабардой, ставшие уже прочными, не прекратились. В Москву по-прежнему выезжали на службу кабардинцы родственники Темрюка Идарова со своими воинами. Многие из них нашли там вторую родину и, связав с ней всю жизнь, остались навсегда. По стопам своих отцов, дедов ж прадедов шли и их потомки, передавая из поколения в поколение завет верности новому отечеству.

В истории России известны три родственные между собой ветви князей Черкасских, ведущие свое происхождение от Темрюка и его родных братьев Камбулата и Желегота. «...Черкасские, уроженцы сурового Кавказа, - говорится в «Российском родословном сборнике», - выезжали в Россию в разные времена, вступали в брак с дочерьми русских князей и бояр... и в знатнейших чинах ознаменовали себя доблестями и заслугами, стяжали имени своему блистательное место в русских летописях».

С конца XVII века родство между потомками Черкасских было утрачено. Составитель «Российского родословного сборника» Петр Долгорукий еще в 1841 году писал об отсутствии «всяких положительных и достоверных доказательств о взаимном родстве этих различных линий». В результате и станут возможными браки между дальними родственниками этой фамилии.

И только в 1855 году, выпустив в свет новую четырехтомную «Российскую родословную книгу», Долгорукий, разыскав в архивах старинные генеалогии, стал вести поколенную роспись всех трех ветвей Черкасских от князя Идара и его сыновей — Темрюка, Камбулата, Желегота.

Из этого кабардинского рода вышел целый ряд военачальников и государственных деятелей, оставивших заметный след в истории России на протяжении с XVI по XIX век. У многих из них интересные судьбы, богатая событиями жизнь, нередко со взлетами и падениями. И, вспоминая теперь об этих людях, мы отдаем прежде всего должное их заслугам на поле боя за свободу и независимость России и Кабарды, их деятельности на государственном поприще для блага страны, ибо «гордиться славой своих предков не только можно, но и должно», как сказал Александр Сергеевич Пушкин.

Я далек от мысли, чтобы идеализировать Черкасских: у них были недостатки и ошибки, поступки, достойные порицания, а порой осуждения. Ведь все эти люди являлись выразителями интересов и идей своего класса - «власть имущих» и своей эпохи, их судьбы и жизни пронизаны ее силовыми линиями, психологией и воззрением. Все это необходимо иметь в виду, чтобы понять и объяснить многие поступки и побудительные мотивы действий Темрюковичей.

Но, учитывая сказанное, мы увидим, что в жизни и характерах большинства из них есть то, что всегда близко и дорого нам, - любовь к родине и готовность защищать ее от врагов.

И далее в книге я хочу коснуться судеб некоторых женщин из рода Черкасских. Одни из них просто любопытны как дополнительные штрихи к описываемым событиям и эпохе, к характеристикам людей, другие же - действительно интересны.

* * *

Основателем первой ветви Черкасских стал Темрюк, судьба детей которого нам уже хорошо известна. Достойное место рядом со своим дедом занимает его внук, сын Мамстрюка, - Каншов, выехавший в Москву на службу в девяностых годах XVI века и названный там после крещения Дмитрием.

Впервые имя его встречается в русских документах при Борисе Годунове — Дмитрий носит звание стольника, что в служебной иерархии того времени связано с обслуживанием царя и его гостей во время торжественных трапез. Людей этой категории, назначаемых обычно из родовитых семей, ставили воеводами, посылали с посольствами в другие страны.

В трудное время начала семнадцатого столетия - «смуты и московского разорения», когда Русскому государству пришлось пережить нашествие двух Лжедмитриев и польских захватчиков, Дмитрий Мамстрюкович, недовольный, как и многие тогда, боярским царем Василием Шуйским, «отъехал» в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II. Однако после смерти самозванца, зарезанного в декабре 1610 года касимовским татаринцом, он порвал с его окружением и ушел из Калуги, тогдашнего местопребывания лжецаревича.

Что и как привело Черкасского в лагерь врагов Руси, почему он оказался, хотя и временно, в стане ее неприятелей?.. Прежде всего это можно связать с его неприязнью к Шуйскому - интригану и лицемеру. Но вполне

вероятно и то, что князь мог верить в Лжедмитрия, как в действительного сына Грозного. В таком случае и симпатии Дмитрия оказались на стороне этого человека: ведь дед его Темрюк и отец Мамстрюк верно служили Ивану IV. Следуя этой семейной традиции, их отпрыск становится воеводой «царевича Дмитрия Ивановича», каковым он казался первое время не только ему. Разобраться в обстановке того смутного времени сложно было даже русским боярам и дворянам, а кабардинцу Дмитрию Мамстрюковичу и тем более: к тому времени он еще не успел полностью вращаться в их среде и не всегда мог правильно оценить ситуацию и сориентироваться в ней. Во всяком случае, одно можно с уверенностью сказать, что не корыстные соображения привели внука Темрюка к авантюристу Лжедмитрию II, а только заблуждение, которое он вскоре искупит на поле боя с оружием в руках.

Храбрый и способный воевода Дмитрий Черкасский уже в 1612 году становится одним из ближайших сподвижников князя Дмитрия Михайловича Пожарского, возглавлявшего второе русское ополчение, собранное для борьбы с польскими интервентами и лжедмитриевицами. В августе он участвовал в боях за освобождение Москвы от врага и показал себя умелым военачальником.

Командуя затем полком, Мамстрюкович отбивает у казаков-лжедмитриевцев город Углич и один из их форпостов — Антониевский монастырь.

При новом царе Михаиле Романове, как свидетельствует «Русский биографический словарь» за 1905 год (многотомное издание, осуществленное в дореволюционное время), «Дмитрий Мамстрюкович был одним из виднейших боевых воевод во время продолжительной и ожесточенной борьбы Москвы с Польшей и Литвой». Вся его жизнь - это непрерывная воинская служба и государственная деятельность.

...Москве и Руси все еще угрожали поляки, банды и шайки всевозможных авантюристов, оставшихся от сторонников Лжедмитрия и удерживавших в своих руках многие города и села, разоренные и опустошенные ими. Народ стонал от затянувшейся смуты, от набегов захватчиков и грабителей.

В 1613 году стольники воеводы Дмитрий Черкасский и Михаил Бутурлин во главе крупного отряда ратных людей освободили от польско-литовских войск Вязьму и Дорогобуж. При взятии Калуги внуку Темрюка удалось пленить там «царицу» Марину Мнишек с трехлетним сыном - «ворёнком Ивашкой». Эта польская авантюристка стала женой Лжедмитрия I, затем Лжедмитрия II, а после его смерти — казачьего атамана Ивана Заруцкого, сделав на

него последнюю ставку в своих далеко идущих планах. Единственной целью ее жизни являлся русский престол, в борьбе за который она не брезговала никакими средствами. Но, несмотря на все старания этой тщеславной и властолюбивой женщины, втянувшейся в опасную политическую игру с восемнадцати лет, в 1603 году, когда ее впервые увидел и полюбил Лжедмитрий I, мечтам ее не суждено было осуществиться.

Захваченная в Калуге Дмитрием Мамстрюковичем, Марина Мнишек, знавшая его еще как воеводу своего второго мужа, пыталась даже теперь разными посулами склонить князя на свою сторону, но напрасно. Под усиленным конвоем, в специальном закрытом возке, «царицу» с сыном повезли в Москву. Однако в пути их отбили у охраны сторонники Марины. Соединившись с отрядом атамана Заруцкого, Мнишек ушла вместе с ним и несколькими тысячами казаков на юг, к Астрахани, надеясь получить там поддержку персидского шаха.

...Значительным успехом русских войск стало взятие крепости Белой, севернее Смоленска, где несколько месяцев сопротивлялся крупный польско-литовский гарнизон. В тех боях «товарищ» Дмитрия воевода Бутурлин был тяжело ранен, и князь сам руководил осадой и успешным штурмом города. В августе крепость Белая пала. За свою «Бельскую службу» Черкасский удостоивается «золотого» — получает в награду особый знак.

Уже в то время на Руси существовал обычай награждать отличившихся в боях воевод, наряду с кубками, оружием, шубами, кафтанами и поместьями, также жалованными «золотыми», предвосхитившими введенные Петром I ордена и медали. Специальные знаки устанавливались и для воинов. Английский посол при дворе Федора Ивановича Флетчер писал в книге «О государстве русском», изданной в Лондоне в 1591 году: «Тому, кто отличится храбростью пред другими... царь посылает золотой с изображением святого Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самою большою почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу».

Для начальствующего состава выдавались награды достоинством от 10 до одной четверти «золотых», между которыми лежала дистанция в четырнадцать степеней. Основная масса ратников - стрельцы, казаки, пушкари,

засечная (пограничная стража) — получала за боевые отличия золоченые «денги», в то время как дворяне, дети боярские, казаки атаманы, есаулы награждались золотыми «денгами», называемыми по месту чеканки «московками» или «новгородками».

Награждение военачальников - воевод производилось перечеканенными золотыми монетами - «португалами», «корабельниками», «угорскими», ввозимыми из-за границы. В денежное обращение они не поступали. Самой высокой и редкой наградой считался «португал» — в 10 «золотых»; его мог получить только великий князь и за исключительные заслуги воевода. На втором месте стоял знак в 6 «золотых» - «корабельник»; награждение им считалось очень большой честью. За ним следовало еще двенадцать категорий знаков, называемых в зависимости от содержания в них золота.

Дмитрий Мамстрюкович за «Бельскую службу» был награжден знаком в 6 «золотых», как записано об этом в Раздаточной книге Разрядного приказа, ведавшего военными делами России.

После взятия Белой Черкасский с новым «товарищем» воеводой Троекуровым получил приказ идти к Смоленску. В том же августе 1613-го они приступили к осаде города, продолжавшейся более года. Но ввиду недостатка сил отбить его у войск Сигизмунда III не смогли.

Осенью 1618 года, когда польский королевич Владислав, претендовавший на российский престол, двинулся с армией к Москве, Дмитрий, возглавляя один из полков, сражался против него в Можайске. Пользуясь численным превосходством, враги окружили русских. Положение складывалось очень тяжелое, московская рать несла большие потери, а Мамстрюкович был ранен. Только прибывший на помощь отряд разорвал кольцо окружения. Поредевшие полки отошли к Москве и, соединившись с другими силами, отбили приступ Владислава на столицу. Потеряв множество убитыми, королевич отступил к Смоленску.

Рана князя оказалась тяжелой. Некоторое время в боях он не участвовал, а потом, в декабре, и вообще наступило «замирение» - Русь и Речь Посполита* заклю-

* Речь Посполита — старинное название Польши.

чили перемирие сроком на четырнадцать с половиной лет.

6 января 1619 года Дмитрий Мамстрюкович за свои воинские заслуги получил звание боярина и вскоре стал главой приказа Казанского дворца, учреждения, ведавшего всеми восточными областями Русского государства, что, по нашим понятиям, равнозначно званию министра. Более десяти лет находился он на этом важном посту.

Когда же военные действия с Польшей начались вновь, правительство осенью 1633 года поставило его главным воеводой войска, предназначенного идти к Смоленску на выручку окруженной под городом рати Шеина. С десяти тысячным полком Дмитрий вышел из Можайска на запад. Уже в пути он узнал, что начались мирные переговоры с королем Владиславом, и Шеин смог отойти с немногочисленными остатками армии к Дорогобужу.

Позже Черкасский был послан первым воеводой на Украину — для охраны русских границ от крымцев. Выполнял он и дипломатические поручения. Так, в начале 1630 года ему поручают «быть в ответе» с послами Швеции.

Известно, что князь был женат на Елене Зюзиной; брак их оказался бездетным. Умер Дмитрий Мамстрюкович в глубокой старости в 1651 году, «оставив по себе память, — по свидетельству «Российского родословного сборника», — полководца искусного и отважного».

В одно время с ним в России находился и его младший брат Гуж-мурза, получивший в Москве имя Владимира. О нем известно только то, что он служил воеводой. Потомства после него тоже не осталось.

Со смертью Дмитрия и Владимира линия прямых потомков Темрюка Идарова прервалась.

* * *

Еще в 1578 году главный князь Кабарды Камбулат, родной брат Темрюка, приезжавший в Москву с посольством, просил Ивана IV оставить на «государевой службе» прибывшего вместе с ним сына Хорошая. С тех пор, названный после обряда крещения Борисом, он и жил в России. От Бориса Камбулатовича, двоюродного брата

Марии Темрюковны, пошла на Руси вторая ветвь генеалогического древа рода Черкасских.

Сын Камбулата сразу же занял видное место при дворе Ивана Грозного. Это был уже опытный воин, участник боев и походов. Через четыре года после своего приезда в Москву князь был направлен на запад Руси — в Новгород воеводой большого полка, собранного для защиты от шведов.

Он нес «береговую» службу и на южных рубежах Русского государства - на засечной черте в Серпухове, оберегая ее от набегов татар. Весной 1591 года Борис Черкасский был послан в Тулу первым воеводой большого полка. Тогда, в июне, он проявил организаторские способности и показал личную храбрость при отражении нового похода крымцев на Москву. 150000 татар и их союзников прорвались через пограничные заслоны и вышли на подступы к столице. Казалось, трагедия, случившаяся двадцать лет назад, снова повторится. Хану Казы-Гирею уже виделся захваченный и гибнущий в огне пожаров город, возы награбленного добра и тысячи русских, уводимых им в полон и рабство. Но на этот раз планы захватчиков не сбылись — к Москве спешно подходили русские полки.

Борис Камбулатович был первым воеводой сторожевого полка в войске князя Федора Мстиславского, занявшего в те дни оборону южнее Москвы у Данилова монастыря. 5 июня ратники внезапно обрушились на подошедших татар, смяли их и заставили отступить. Казы-Гирей понял, что надо уходить, пока по нему не ударили основные Силы московской армии.

Крымцы стали откатываться назад — на юг, преследуемые полками воеводы Мстиславского. Со своими воинами устремился вперед и Черкасский, дошедший тогда до Серпухова, где и остался на пограничной линии до осени. Вместе с другими отличившимися в боях воеводами он получил награду - «золотой корабельник», который вручил ему приехавший из Москвы стольник Иван Юрьев.

Не раз еще в дальнейшем придется Борису Камбулатовичу сталкиваться в кровавых схватках с крымцами и шведами, и всегда он выходил победителем, проявляя

отменную храбрость и искусство в управлении полками. За ним прочно утвердилась репутация опытного военачальника, одного из самых авторитетных и известных в стране. Англичанин Флетчер в книге «О государстве русском», рассказывая подробно о жизни, быте, нравах и вооруженных силах Руси, указывал: «Большим воеводой или генералом бывает теперь, обыкновенно, в случае войны, один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, Черкасский [Борис Камбулатович] и Трубецкой. Все они знатны родом».

Занимая высокое положение, Черкасский участвовал в заседаниях Боярской думы, присутствовал на посольских приемах в Грановитой палате Кремля. Так, известно, что 22 мая 1597 года Борис Камбулатович «сидел среди бояр» на «большой лавке» во время встречи цесарского посланника бургграфа Авраама Донавского.

Он был женат на Марфе Романовой — племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре влиятельнейшего боярина Федора Никитича, впоследствии патриарха Филарета.

Когда в 1598 году царем стал Борис Годунов, отношения между ним и князем Черкасским поначалу складывались хорошо, среди знатнейших бояр того времени Борис Камбулатович значился в числе первых. Но вскоре на братьев Романовых обрушился гнев нового государя: он знал, что их род претендует на престол и считает его недостойным носить шапку Мономаха — древний символ власти великих русских князей. Их обвинят «в злоумышлении на жизнь царя», заключат в темницу, подвергнут пыткам и отправят в ссылку в отдаленные места, а самого опасного из них — Федора постригут в монахи под именем Филарета.

Вместе с Романовыми в опале оказался их родственник и сторонник Борис Черкасский. Несмотря на преклонный возраст, заслуги в ратных делах и боярский сан, князя держали «на цепи и в железгах», жестоко пытали на дыбе*, а через несколько месяцев вместе с женой Марфой

* Дыба — в старину орудие пытки, на котором растягивали тело наказуемого.

Никитичной, дочерьми Ириной и Ксенией сослали в северный край на Белоозеро. Силы его окончательно были подорваны. Старый, сломленный пытками и невзгодами, «терпя тесноту и нужду», он скончался в апреле 1601 года.

Сын Бориса Черкасского — стольник Иван, как и отец, подвергся преследованиям в связи с делом Романовых. И это несмотря на то, что при избрании Годунова на царство он поставил свою подпись за него в соборном определении. Ему тоже пришлось побывать в ссылке на севере. По приговору, вынесенному в июне 1601 года, он, как и его дядя Иван и Василий Никитичи Романовы, лишился всех своих поместий и высылался «в Сибирь на житие». Однако уже на пути в Сибирь нарочный от Годунова вручил приставу, сопровождавшему Ивана, указ остановиться с ним на Вятке в Малмыже и там ждать дальнейших распоряжений.

Через год царь разрешил Черкасскому вернуться в Москву. Но служить своему недругу, повинному не только в случившемся с ним, но и в смерти отца, Иван Борисович не стал. Он тихо и уединенно жил в своем подмосковном имении Останкине.

...В октябре 1604 года на западных границах Русского государства появился ставленник польской шляхты Лжедмитрий I, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, погибшего за тринадцать лет до этого при очень загадочных обстоятельствах. Большинство современников связали его смерть с Борисом Годуновым, прокладывая ему себе дорогу к престолу. Самозванец, с помощью которого польские и литовские магнаты надеялись присоединить к себе часть русских земель и подчинить Россию своему влиянию, все ближе подходил к Москве, и царские воеводы один за другим переходили на его сторону. Летом 1605 года, после внезапной и тяжелой кончины Годунова, Лжедмитрий вступил в русскую столицу.

Иван Борисович был в ту пору одним из тех, кто знал подлинное лицо авантюриста. Им являлся сын боярский, бывший монах Григорий Отрепьев, ранее служивший у его отца и поэтому часто бывавший и в доме сына. «И от сына его князя Ивана Борисовича честь приобретал и тоя ради вины на него царь Борис негодовал», — говорит

граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и о похождении его».

Вскоре после ареста и ссылки своих покровителей Черкасских, не имевших никакого отношения к тому, кем станет Отрепьев, Григорий убежал в Польшу и там выдал себя за сына Ивана IV. В официальной правительственной версии самозванец именовался «Гришкой, сыном Отрепьевым», который «был в холопах у бояр у Никитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкасского и, заворовався, постригся в чернецы».

Лжедмитрий, уже идя с польским войском к Москве, послал тайных гонцов к Ивану Борисовичу для установления с ним связи, призывая его на свою сторону. Ненавидя Годунова, сводя с ним счеты за смерть отца, унижение и муки, причиненные как ему, так и всем его родным, Черкасский дал согласие поддержать лжецаревича, хотя прекрасно знал, с кем имеет дело.

В благодарность за это Лжедмитрий, заняв Москву, сразу же приказал перенести прах его отца Бориса Камбулатовича из Белоозера в столицу. Останки племянника Темрюка торжественно погребли в Новоспасском монастыре, ставшем с того времени местом родового захоронения князей Черкасских.

Но уже вскоре Иван понял, как ошибся, подавшись чувству мести Годунову и поставив личные обиды выше интересов родины. Он отходит от авантюриста и снова удаляется в свое имение. Лжедмитрий сразу же скомпрометировал себя в глазах русских людей, и разделять ответственность, за все его «деяния» князь не желал. Этот ставленник Речи Посполитой наводнил Москву поляками и иностранными наемниками, грабившими местных жителей, оскорблявшими их жен и дочерей. Он смотрел на Россию как на свою вотчину и щедро раздавал шляхте* земли и золото из оскудевшей казны. И, конечно, Иван Борисович понимал, что ему с лжецаревичем не по пути. Слишком разными были два этих человека, и совершенно по-разному смотрели они на Россию и на свое участие в ее судьбах. Лжедмитрию все было безразлично, и он

* Шляхта — польское дворянство.

хотел лишь одного — править в ней и жить в свое удовольствие. А Черкасский мыслил иначе: он не мог оставаться равнодушным к тому, как иноземцы цинично попирали все самое святое и прежде всего честь Руси, в которой он обрел родину.

Участь самозванца была предрешена. На рассвете 17 мая 1606 года, когда в Москве уже бушевало пламя народного восстания, двести бояр и дворян ворвались в Кремль, изрубили саблями охрану «царя» и убили его самого. История донесла до нас лишь несколько имен из этих двухсот человек, но, возможно, в их рядах находился в тот день и Иван Борисович, который вскоре вступит в борьбу с Лжедмитрием II.

Через год, летом 1607 года, на политическую арену из Речи Посполитой вышел новый самозванец — якобы спасшийся «царевич Дмитрий». На этот раз Черкасский отважно сражался с отрядами Лжедмитрия II, командуя одним из трех полков, собранных по приказу царя Шуйского и спешно направленных навстречу противнику.

Несколько позже, в бою у Владимира, находясь в войске воеводы Ивана Куракина, он попадет в плен к полякам и их сторонникам, но совершит побег и снова будет бороться с ними. Вместе со своим троюродным братом Дмитрием Мамстрюковичем Иван станет участником освобождения Москвы от интервентов в августе 1612 года.

Осенью 1618-го, когда Москве угрожал корольевич Владислав, князь сражался на ее подступах и своими действиями против вражеских отрядов способствовал провалу планов польской шляхты. Потом, командуя полком, воевода громил неприятеля в северных областях страны.

В документах Разрядного приказа до нас дошли записи о награждениях в первые годы правления Михаила Федоровича. В них содержатся сведения и об Иване Борисовиче. В ноябре 1618 года полк под его командованием разгромил крупный отряд поляков у села Ильинского, а в декабре царь приказал отправить «ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому с товарищи, и к стольникам, и к головам, и к дворянам, и к детям боярским, и ко всяким служилым ратным людям» награды. Среди них одна была в шесть «золотых» (по значимости стояла на втором месте), две - в два «золотых» (на восьмом), пятнадцать - в «ползолотых» (на двенадцатом) и 2000 золотых «московок». Высший из присланных наградных знаков получил тогда Черкасский. Вторично он удостоился такой же награды в марте 1619-го за преследование и уничтожение вражеских войск в Белозерском уезде и близ Устюжны.

Интересно отметить, что в период с июня 1613 по март

1619 года из 620 награжденных воевод и других военачальников только боярин Василий Морозов «за осадное сидение» в Пскове получил высшую степень отличия - в 10 «золотых» и за это же время лишь один человек - Черкасский - был награжден двумя знаками в 6 «золотых», что, конечно, говорит о его больших ратных заслугах.

После всех тех военных событий боярин Иван Борисович, как это видно из документов — актов и дворцовых разрядов, полностью посвятил себя государственной службе, возглавляя важнейшие приказы — Стрелецкий и Иноземный, Казенного Двора и Большой Казны. С 1633 года после смерти отца царя Михаила Романова и своего дяди - всесильного и властного патриарха Филарета, фактически управлявшего государством, он становится главой русского правительства и остается у власти вплоть до своей смерти.

А когда весной 1638 года в Москве получили известие о том, что в скором времени следует ожидать набега крымцев на столицу, царь 1 апреля дал наказ князю Ивану «быть на своей береговой службе в Туле для прихода крымских и ногайских людей». Тогда он был назначен самым главным воеводой главнокомандующим всей московской рати. Войско простояло на Оке до осени, но противник, предупрежденный об ожидавших его крупных русских силах, выступить в поход не решился. 17 сентября «князь Иван Борисович с товарищи» вернулся

в Москву.

Как глава Иноземного приказа он многократно вел переговоры с представителями других стран, отдавая все же какое-то предпочтение, видимо, восточным, связанным в той или иной мере с его родиной - Кавказом. В мае 1625 года Черкасский принимал персидского посла - это первое упоминание в источниках о его дипломатических

Герб рода Черкасских и горских князей

встречах. Последнее - относится к февралю 1634-го, когда боярин Иван Борисович был «в ответе» с послом Турции.

Секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, побывавший в Москве в 30-х годах XVII столетия, встречавшийся с Черкасским и написавший по возвращении в Германию книгу «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», представляет его в своем сочинении умным и образованным для своего времени человеком - «знатнейшим государственным советником» и «великим вельможей при великокняжеском дворе». Довольно ярко характеризует этого человека такой факт, рассказанный Олеарием. Однажды к князю Ивану обратился за помощью голландский врач Квирина, служивший при царском дворе. У него хранился в комнате скелет, необходимый для медицинских целей. Как-то, когда врач играл на лютне, к нему в окно заглянули несколько любопытных зевак. И им вдруг показалось, что скелет танцует под ее мелодию. Собравшаяся вскоре толпа обвинила Квирина в колдовстве и грозила сжечь его. Испуганный голландец срочно направил своего друга к Ивану Борисовичу с просьбой о защите, который объяснил высокопоставленному боярину, что скелет нужен врачу как анатомическое пособие и это принято в Европе, а что касается танца, то кости могли просто качнуться от залетевших в комнату порывов ветра, и никакой магии здесь нет. И к чести Черкасского надо сказать, что он быстро разобрался во всем и отвел обвинение в колдовстве — «после этого приговор был отменен».

Но вместе с тем этот человек являлся и крупным феодалом, владельцем двадцати тысяч десятин земельных угодий и более пятнадцати тысяч зависимых от него крестьян. Как говорится во втором томе «Истории СССР» (двенадцатитомное издание), в 1636—1637 годах только четыре боярина и среди них Иван Борисович Черкасский и Дмитрий Михайлович Пожарский (освободитель Москвы от поляков) владели от одной до трех тысяч крестьянских дворов, пожалованных им царем - «хозяином земли русской». «На Москве князь [Черкасский] был самым богатым человеком, - читаем мы в «Русском биографическом словаре», - обыкновенно он выставлял для торжественных встреч послов 50 «даточных людей» в цветных кафтанах; очень немногие могли выставить столько же, а между тем были случаи, когда он выставлял и 100 человек...» Да, он был очень богат, но богатства эти наживались не только дарами из царской казны, но и тяжким трудом и потом зависимых от него людей.

Иван Черкасский приходился двоюродным братом царю Михаилу и, как указывают источники, принимал самое активное участие в выборе для него невест - первой Марии Долгорукой, умершей в 1625 году, и второй - Евдокии Стрешневой. А во время больших праздников ему неоднократно поручалось возлагать на голоду своего родственника знаменитую шапку Мономаха. Но все это только любопытные детали, и, конечно, не за родство с монархом и близость к нему, а за его ратную и Государственную службу вспоминаем мы об этом человеке, всматриваемся в его жизнь, размышляем о судьбе.

Иван Борисович был женат на кабардинке, имени ее не сохранилось. Невесту привезли ему родственники из Кабарды. Видевший жену князя в Москве в 1636 году Адам Олеарий с восторгом отзывался о ней: его «супруга очень красивая лицом» и «от природы прекрасная женщина».

Умер Черкасский весной 1642 года, наследников у него не осталось. Все богатства, многочисленные имения с землями и крестьянами перешли к детям его сестры Ирины*, бывшей замужем за боярином Федором Шереметевым, к троюродному брату Дмитрию Мамстрюковичу и значительной частью к двоюродному — Якову Куденетовичу.

* * *

Уже взрослым человеком в возрасте не менее двадцати лет приехал в Москву «служить государеву службу» Урусхан-мурза — сын главного князя Кабарды Куденета Камбулатовича, скончавшегося около 1621 года. По генеалогическому древу Черкасских молодой князь, являлся внучатым племянником Темрюка.

После смерти отца, скорее всего по его завещанию, и поехал на Русь Урусхан, где уже издавна жили его родст-

* Ирина Борисовна умерла в 1616 г.

венники — один из них двоюродный брат Иван Борисович.

В марте 1624 года молодого человека крестили и называли Яковом в честь того, что обряд крещения совершал игумен монастыря, носящего имя Якова Богоявленского. Крестным отцом его стал боярин Иван Никитич Романов, родной дядя Ивана Борисовича Черкасского.

Тогда же Яков Куденетович получил чин стольника. И началась его придворная служба, как и у равных ему по чину, «а всего стольников в ту пору было до пятисот». Но то, что он приходился родственником высокопоставленных лиц, сразу же выделило его из числа других. Через год после принятия крещения и получения стольничьего чина, мы видим уже Якова на дипломатических приемах: 17 мая 1625-го «при отпуске персидского посольства князь Яков Куденетович Черкасский сидел в меньшей Золотой палате среди стольников на первом месте». И дальше в источниках сохранились сведения о том, какого рода службу доводилось ему нести на протяжении еще многих лет:

«...5 февраля 1626 года князь Яков Черкасский сидел на жениховом месте во время бракосочетания царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой до прихода его самого; в феврале и 17 мая 1631 года сидел первым стольником в меньшей Золотой палате, когда государь принимал шведского посла Антона Монира; 21 марта 1635 года первым «перед государем пить носил» во время торжественного обеда в честь отъезжавших литовских послов Песочинского и Сапеги; 19 мая того же года - на таком же обеде в честь персидского посла «пить носил»; 28 января 1643 и 28 января 1644 годов «вина наряжал» на обедах в честь датского королевича Вальдемара...»

Так шли годы, и ни разу за все это время Яков Куденетович не был в действующей армии. Казалось, что так и придется ему всю жизнь провести при дворе по гражданской части, и прежде всего по дипломатической, в результате чего Черкасский мог дослужиться до руководителя Иноземного приказа. Правда, дважды — в сорок первом и сорок пятом годах царь посылал его «на береговую службу» в Тулу воеводой, но все это продолжалось в общей сложности несколько месяцев. И никто не предполагал, да и сам Яков, конечно, не думал, что предназначение его совершенно в ином, что наступит время, и в нем откроются способности военачальника и полководца — именно то, чем и оставит он о себе память в истории.

При новом царе Алексее Михайловиче в его жизни и

судьбе наступили большие изменения. 15 сентября 1645 года Черкасского срочно отозвали из Тулы в Москву, 28-го он присутствовал на торжествах коронации и как стольник «вино наряжал на государевом столе», а 29-го уже получил боярское звание.

Человек незаурядного ума, имевший солидный опыт в государственных делах, хорошо разбиравшийся во внутренней и внешней обстановке, Яков Куденетович вошел в самое ближайшее окружение Алексея. И почти сразу же стал противником его воспитателя — «дядьки» боярина Бориса Морозова, беспринципного, алчного, жестокого и властолюбивого человека, пользовавшегося неограниченным влиянием на молодого царя. Произвол, вымогательство и продажность процветали в дворцовой среде, а народ облагался все новыми непосильными налогами. «Морозовщина» наносила большой вред России, так как царский воспитатель зачастую брал на себя право решать важнейшие государственные и военные дела, не разбираясь в них. Все это приводило к ослаблению страны. Одним из тех, кто придерживался передовых по тому времени взглядов и открыто выступал против Морозова, был Яков Черкасский, которого современники называли честным и неподкупным человеком. Он пользовался авторитетом и у простых людей. В результате противоборства он оказался отправленным из Москвы на воеводство в один из северных городков. И только после восстания в начале июня 1648 года, когда возмущенные произволом и лихоимством москвичи казнили наиболее ненавистных бояр, а сам Морозов едва спасся от смерти, бежав в дальний монастырь, Яков Куденетович смог вернуться в Москву.

12 июня он уже стал во главе правительства. Но продержаться у кормила власти ему довелось всего четыре месяца: в октябре царь возвратил Морозова в столицу. По его настоянию, Яков был отстранен от всякой службы.

Подписи Черкасского не было даже под Соборным Уложением - новым сводом российских законов, принятым Земским собором в январе 1649 года, а это могло значить только одно — князя устранили от участия в нем.

И только через несколько месяцев он снова оказался призванным ко двору. «Тишайший» царь Алексей, на деле жестокий и деспотичный человек, который всегда восторгался личностью Ивана Грозного, являвшегося для него образцом правителя, все же понимал, что без способных людей ему не обойтись. Вскоре Якова Куденетовича назначили главой Стрелецкого приказа, несколько позже - Иноземного.

В феврале 1650-го из-за нехватки хлеба и невиданно высоких цен на него у купцов восстал Псков. Попытка усмирить город силой окончилась безуспешно. Летом в Москве решался сложный вопрос: как быть, послать туда карательную армию или же вступить в переговоры с мятежным городом. И здесь опять столкнулись Морозов и Черкасский. Царский фаворит настаивал на самых решительных мерах для подавления псковитян, а князь Яков, умный политик и дальновидный человек, выступая вместе с боярином Никитой Романовым, предлагал вступить с ними в переговоры, чтобы избежать лишней крови. Их поддержал тогда и патриарх Никон, готовивший почву для своих реформ. В Псков снарядили послов.

1 октября 1653 года Земский собор, собравшийся в Москве, в ответ на обращение гетмана Богдана Хмельницкого вынес решение принять Украину в состав Российского государства и начать войну с Польшей за украинские и русские земли. «Польская война, начавшаяся в 1654 году,— говорится в «Русском биографическом словаре»,— дала возможность князю Якову Куденетовичу выказать такое искусство в ратном деле, что его причисляют к самым выдающимся полководцам царствования Алексея Михайловича».

В середине мая 100-тысячное русское войско выступило из районов Великих Лук, Брянска и Вязьмы к границам Речи Посполитой. Яков Куденетович состоял первым воеводой большого полка в группировке, двигавшейся со стороны Москвы в направлении Смоленска. Этот древний русский город находился в руках поляков еще со «смутного времени».

Дорогобужский гарнизон сдался почти без боя, и уже в конце июня полки подошли к Смоленску. Но штурмовать его воеводы не решились - со стороны Орши им угрожал гетман Великого княжества Литовского Януш Радзивилл с пятнадцатитысячным отборным войском. По сведениям лазутчиков, он уже готовился выступить на помощь смоленскому гарнизону.

По приказу царя и главнокомандующего боярина Василия Шереметева под Оршу спешно направляются большой и сторожевой полки во главе с князем Яковом. В «товарищи» ему дали воевод Темкина-Ростовского, Стрешнева, Хворостинина и князя Никиту Одоевского. В его подчинение вошла и тысяча запорожских казаков, присланных атаманом Иваном Золотаренко.

Радзивилл, предупрежденный о движении московской рати, попытался задержать ее и 2 августа внезапным ночным нападением нанес значительный урон русским. Но это не спасло его: умело отбив атаку польской конницы, Черкасский, преследуя врага, буквально на его плечах вышел через день к Орше и взял город.

Литовский гетман откатывался к югу — ему было уже не до оказания помощи Смоленску. Полки Якова Куденетовича захватили город Копысь, а 7 августа столкнулись с армией Радзивилла под Шкловом и нанесли ей сокрушительный удар. Польско-литовское войско в этом сражении потерпело полное поражение, а его остатки бежали на запад.

Победа, одержанная воинами Черкасского под Шкловом, стоила очень многого. Через две недели после этого пал Смоленск. А воевода получил новый приказ: «промышлять над Шкловом, Быховом и другими литовскими городами», еще удерживаемыми противником, а затем двинуться на Дубровну.

12 октября, после почти двухмесячной трудной осады, рать князя Якова вступила в Дубровнинскую крепость, захватив важный опорный пункт врага.

Осенью в боевых действиях наступило некоторое затишье. Армия пополнялась людьми, оружием и боеприпасами. Но в ее тылу наносил стране урон другой, еще более страшный враг, чем тот, с которым она сражалась: на Россию обрушилась эпидемия чумы, «моровое поветрие», уносившее десятки тысяч жителей городов и сел. Черкасский в то осеннее затишье даже не смог поехать к себе домой: он знал, что его московский двор опустошен. Из 533 служивших ему людей чума унесла 423. Жена же его Евдокия Семеновна, урожденная княжна Прозоровская, сыновья Михаил, Иван и дочь Евдокия выехали из столицы в одно из поместий.

Яков Куденетович оставался в Смоленске, зная из писем царя, что весной начнется новое наступление на Речь Посполиту, и готовил к нему свой большой полк, по-прежнему являясь в нем первым воеводой.

В кампании пятьдесят пятого года главный удар наносился на столицу княжества Литовского — Вильно. Наступление велось в нескольких направлениях. На главном с большим полком и приданными ему силами, в которых находилось несколько тысяч запорожцев атамана Ивана Золотаренко, продвигался Черкасский. Фактически он и командовал армией в этот период, хотя формально главой ее значился царь Алексей. Возглавляемые князем войска 29 июля разбили близ Вильно крупные силы противника под командованием гетмана Радзивилла и Гансевского и в тот же день взяли столицу Литвы, а в августе — города Ковно и Гродно.

Слава искусного военачальника уже прочно утвердилась за Яковом Куденетовичем, и тем же летом царь дает ему приказ готовиться к походу на Варшаву, намеченному на следующий год.

Но планы военных действий пришлось тогда пересмотреть, и уже весной 1656-го армия начала боевые действия против шведов. Король Швеции Карл X стал захватывать польские земли и территории, отвоеванные русскими у Речи Посполитой, в то же время пытаясь посеять раскол на Украине и привлечь ее на свою сторону. От имени рос-

сийского правительства Черкасский заявил протест шведскому генералу Делагарди, но миром дело не кончилось. И в начале лета Яков Куденетович повел главные силы армии из Смоленска на Динабург и Ригу, захваченные ранее шведами.

В июле и августе рать под его началом овладела с боями крепостями Динабург и Кукенойс и приступила к осаде Риги. Около двух месяцев велись за нее безуспешные бои, так как многочисленный гарнизон постоянно получал помощь с моря. Противник, скрытно собравшись с силами, нанес удар по русскому войску. В результате больших потерь, растянутости коммуникаций, затруднявшей подвоз боеприпасов для осадной артиллерии, начавшихся болезней и осенних холодов Якову Куденетовичу пришлось отступить из-под Риги.

Через семь лет, когда после перемирия возобновятся боевые действия с Речью Посполитой, отважному воеводе вновь доведется повести войско в бой. Летом 1663 года в сражениях под Мглином и Кричевом он нанесет громадный урон польскому войску, возглавляемому королем Яном Казимиром, но упустит тогда возможность полностью окружить и пленить ослабленную вражескую армию, успевшую уйти от полного поражения. Здесь, конечно, сказался просчет военачальника, задержавшегося с полками у Смоленска и особенно у Болхова. За «Болховскую стойку» царь «сделает выговор Якову». А князь Юрий Долгорукий, уже давно завидовавший военным успехам и славе Черкасского, мечтавший занять место первого воеводы, даже попытался тогда обвинить его в измене. Однако в Москве никто не поверил его заявлениям, понимая, что подобное совершенно невысказано.

А через несколько месяцев полководца постигла неудача, хотя ничто не предвещало ее. В январе шестьдесят четвертого года Черкасский и воевода Прозоровский стояли на Днепре, сдерживая польско-литовское войско под Смоленском. Туда в это время приехало русское посольство во главе с известным дипломатом Ординым-Нащокиным для переговоров о мире с Речью Посполитой. В те дни князю Якову привезли послание от царя Алексея, выражавшего недовольство его действиями в прошлом году и ставившего перед ним новую задачу: «...Можно бы-

ло бы ему, за божию помощью, с польским королем мир учинить, если бы он на королевских людей наступал всеми людьми и обозом, и над всеми промышлял: всегда за таким промыслом конец войне бывает...»

В то же время царь тайно сообщал Юрию Долгорукому, недругу Якова Куденетовича, метившему на его место: «Князю Якову Черкасскому послано выговорить за прежнее его стояние без промысла, если он впредь будет делать так же, то великий государь изволит [ему] идти в Вязьму, а на место князя Черкасского воеводою быть укажет ему, князю Юрию Алексеевичу...»

Переговоры, в которых участвовал и князь Яков, велись очень вяло. Поляки всячески их тормозили, выдвигая неприемлемые для русской стороны условия. И тогда, исполняя приказ царя, чтобы сделать шляхту более сговорчивой, он перешел с тридцатитысячным войском в наступление. Внезапности удара не получилось, так как враг был готов к нему. Русская армия понесла большие потери и отступила. Черкасского срочно отозвали в Москву для объяснений и якобы для назначения на новую должность. В армию он больше не вернулся.

Его место - воеводы большого полка и фактически главнокомандующего занял Долгорукий, ставший всего через несколько лет главным душителем восстания Степана Разина. А получив новое назначение, он сразу же попытался показать царю свое «полководческое мастерство», бросив рать на поляков. Но наступление провалилось.

Стремясь укрепить свой пошатнувшийся у двора авторитет, Юрий Долгорукий решил еще раз обвинить Якова Куденетовича в том, что он «изменивши делами» «сгубил царское войско». Но для этого нужны были факты, и воевода посылает своего верного человека к одному из членов московского посольства подьячему Григорию Котошихину с предложением, чтобы тот за солидное вознаграждение сфабриковал подложное, «наветное», письмо на Черкасского. Дипломат отказался, но не из благородных побуждений. Он не мог дать вовлечь себя в интриги, ибо вел в то время другую, тайную игру...

Это он, Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, давний агент Речи Посполитой и Швеции, вы-

дал полякам планы русских воевод, это он на протяжении уже нескольких лет снабжал врагов России секретной информацией. «Мой тайный корреспондент, от которого я всегда получаю ценные сведения, - писал шведский резидент в Москве Эберс своему королю 26 января 1664 года, — послан отсюда к князю Якову Куденетовичу Черкасскому и, вероятно, будет некоторое время отсутствовать... Это было бы для меня очень прискорбно, потому что найти в скором времени равноценное лицо мне будет очень трудно».

А в одной из посольских книг того времени есть такая, об очень многом говорящая запись: «...В прошлом во 172 [1664] Гришка [Котошихин] своровал, изменил, отъехал в Польшу. А был он в полках бояр и воевод князя Якова Куденетовича Черкасского с товарищи».

Последние годы жизни князь Яков, этот один из самых богатых в России людей, крупный магнат - владелец многих вотчин, десятков тысяч десятин земли и до пятидесяти тысяч зависимых крестьян, прожил, окруженный почетом, в тишине и покое, изредка появляясь при дворе. Сказывался уже и возраст. Он умер от сердечного приступа в разгар московского лета — 8 июля 1666 года. Черкасского похоронили в Новоспаском монастыре рядом с его родственниками Борисом Камбулатовичем, Дмитрием Мамстрюковичем и Иваном Борисовичем.

* * *

В 1661—1662 годах в Москве находилось посольство императора «Священной Римской империи» Леопольда, прибывшее для переговоров с царем Алексеем Михайловичем. В его состав входил и член императорского совета барон Август Мейерберг, издавший на родине книгу о путешествии в Москву с большим количеством интереснейших иллюстраций. На двух из них есть изображение Якова Куденетовича. На одном рисунке мы видим его на первой аудиенции, данной царем в Грановитой палате посольству императора Леопольда. Князь стоит с обнаженной головой у тронного места. На нем длинный кафтан со стоячим воротником, в правой руке высокая боярская шапка. Над ним цифра «2», а в примечании под

этим номером значится: «Боярин Яков Куденетович Черкасский». Здесь же изображены и другие высокопоставленные сановники двора, обозначенные соответственно другими, менее значимыми номерами.

На другой иллюстрации - «Торжественный выезд великого князя в день его тезоименитства * в церковь св. Алексея» на запятках царских саней стоят два самых влиятельных человека тех лет - бояре Яков Черкасский и Илья Милославский, тесть Алексея Михайловича.

Наибольший интерес, конечно, представляет второй рисунок. Здесь Мейерберг, безусловно, наиболее точно передал облик Якова Куденетовича. И об этом, прежде всего, говорит то, что мы видим перед собой уже пожилого человека с усами, небольшой бородкой и совершенно лысой головой. На его лице сразу же бросается в глаза очень высокий и круто уходящий вверх лоб — свидетельство незаурядного ума этого человека.

В 1821 году Платон Бекетов издал в Москве книгу «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету...» И вот здесь наряду со многими другими изображениями «россиян знаменитых» есть и портрет, под которым стоит подпись «Князь Яков Куденетович Черкасский, боярин и большого полку воевода». На нас смотрит большелобый, смуглый мужчина с бородкой и усами. Черные глаза его широко раскрыты, лицо мужественное, волевое. Одет он в дорожную, судя по украшениям, кольчугу с особой металлической пластиной, на которой выбит российский герб.

Портрет этот написан не при жизни Черкасского, а позже — в XVIII веке. Но, видимо, художник пользовался какими-то неизвестными нам рисунками, более ранними, чем у Мейерберга, и здесь перед нами Яков Куденетович предстает в более молодом возрасте.

Сыну Якова Куденетовича - Михаилу и его внукам, так же как и некоторым другим представителям рода Черкасских, довелось быть причастными к эпохе и преобра-

* Именины высокопоставленного лица.

зованиям Петра I — этого «действительно великого человека», по выражению Фридриха Энгельса.

Михаил Яковлевич в 1680 году был назначен стольником к восьмилетнему Петру. Он не только служил царевичу при дворцовых трапезах, но и часто сопровождал его

время поездок в подмосковные села и усадьбы. Это общение с мальчиком, а потом и юношей, которому предстояло в недалеком будущем стать преобразователем страны, сыграло главную роль во всей дальнейшей жизни и судьбе сына Якова Куденетовича.

Несколько лет он пробудет на воеводстве в Новгороде, бывшем тогда пограничным со Швецией городом,— «для обороны Свейского рубежа». Петр I, уважавший этого верного, исполнительного человека, даст ему звание боярина, а в начале марта 1697 года перед своим отъездом с «великим посольством» за границу сообщит Михаилу Яковлевичу о том, что назначает его воеводой в Тобольск. Должность эта была очень трудная: предстояло управлять громадным краем, раскинувшимся на тысячи и тысячи километров, куда порой еще и не ступала нога человека. Необозримые просторы земли сибирской еще только предстояло осваивать россиянам.

Воевода Черкасский, в «товарищи» которому дали его старшего сына Петра, со всей энергией и рвением принялся за порученное дело. В Сибири при нем начались изыскания руд, строительство железоплавильных и оружейных заводов. Русская армия, заново создаваемая Петром I после поражения от шведов под Нарвой, стала получать отсюда - с «Каменных железных заводов на Верхотурьи», как и с олонецких, тульских, уральских, новые орудия, отливавшиеся уже строго по «чертежам» и установленным калибрам. Начальник Приказа артиллерии Андрей Виниус в 1702 году писал царю: «С Москвы я в путь сей дался июля 28 и, проехав через казанские пределы зело дальними и трудными местами, достиг в Сибирь на железные заводы, что построил князь Михаило Яковлевич на реке

Таким увидел Якова Куденетовича в день приема послов барон Мейерберг

Каменке...» В этом же письме он с похвалой отзывался о Черкасском и его деятельности.

Сын Михаила Яковлевича Петр стал верным помощником отца. Но прожил он в Сибири всего четыре года и умер совсем молодым, навсегда оставшись в тобольской земле.

В сентябре 1702-го в «товарищи» Михаилу Яковлевичу был прислан его младший сын двадцатидвухлетний стольник Алексей, находившийся до этого на дворцовой службе. Дела Черкасских в Сибири шли довольно успешно: армия регулярно получала отсюда в большом количестве вооружение и боеприпасы, в казну поступали золото с присков и дорогие меха - война со шведами требовала оружия и денег. Алексей под руководством отца проявил себя сразу же умелым организатором и учредил в Тобольске Бронную слободу для мастерового люда, работавшего на военные нужды. В Сибири строились кирпичные заводы, в городах началось возведение «каменных» зданий.

Высокую похвалу деятельности воеводы тобольского и его помощников дал в своем послании в 1703 году Петр I - «...за прилежное и неусыпное исполнение государственных дел, приумножение денежных доходов и хлебных запасов, улучшение состояния сибирских жителей, беспристрастное и бескорыстное управление, учреждение железных заводов для отливки пушек, мортир, гаубиц и бомб, за делание в Тобольске фузей*, тесаков и других орудий, необходимых к обороне не только Сибирского, но и Московского и прочих государств, подвластных великому государю, также за отыскание в Сибири селитры...»

Как известно, Петр прекрасно разбирался в людях и похвалой ради красного словца и «высокого рода» своих воевод и чиновников не разбрасывался. Так что оценка, данная им службе Михаила Яковлевича, ведь это к нему прежде всего относилось послание, и его сыновей - «товарищей», значила тогда очень многое.

* Фузья — новое ружье со штыком и ударно-кремневым замком.

* * *

О том, как Петр I награждал за заслуги и наказывал виновных за невыполнение его приказов, несмотря на их высокие чины, звания и происхождение, примеров в истории много. Здесь кстати вспомнить один такой случай.

У дочери тобольского воеводы Михаила Черкасского Прасковьи и ее мужа Василия Петровича Шереметева был сын (родной племянник генерал-фельдмаршала Бориса Шереметева).

Царь в марте 1709 года «указал» отправить группу молодых людей, в том числе и двадцатилетнего Шереметева, в Англию «изучать науки». Но родители решили срочно его женить, чтобы освободить от поездки - посылали только холостых. Прослышав об этом, Петр запретил устраивать свадьбу, но супруги Шереметевы и князь Федор Ромодановский (отец невесты) поступили по своему.

Василий младший женился на Ирине Ромодановской. Разгневанный за неисполнение его приказа, царь предписал адмиралу Апраксину: «...Того ради сына его тотчас отправить в надлежащий путь и более недели не давай сроку, а его, Василия [отца] за ту вину, отняв чин, пошли на работу городовую; а жену его — в прядильный дом, а дворы московские и загородные вели запечатать. И чтоб прямо работали так, как и простые...»

Сына срочно отправили в Англию, оставив в слезах молодую жену, а родителей - на работы. Три месяца отец рыл землю и забивал сваи на строительстве укреплений под Москвой - ожидали нападения шведов, а мать — Прасковья Михайловна, урожденная княжна Черкасская, дочь тобольского воеводы, трудилась в каменных условиях от зари и до зари в обществе арестантов в «прядильном доме».

Потом, посчитав, что вину свою они искупили, Петр простил их.

* * *

Черкасские пробудут на воеводстве в Тобольске до 1710 года. Вскоре после возвращения Михаил Яковлевич умрет, а сын его — Алексей продолжит службу под началом Петра I, и на всю жизнь сохранит самые светлые чувства и воспоминания о нем, гордясь близостью к такой личности.

Алексей Михайлович благодаря знатности своего рода даже породнился с царем, женившись в семьсот пятом году на его двоюродной сестре Агриппине Львовне Нарышкиной, болезненной и очень впечатлительной девушке.

Он мечтал, чтобы сын его носил такое же имя, как и

высокий покровитель. Петром Алексей назовет своего первенца, вскоре умершего. Всего несколько месяцев прожил и младший Петр Алексеевич. «Умерла в младенчестве» дочь Екатерина. В 1709-м скончалась и жена Черкасского.

На следующий год тридцатилетний Алексей Михайлович сочетался браком с пятнадцатилетней княжной Марией Трубецкой, внучкой кабардинца Григория Сунчалеевича, из того же рода Темрюковичей, что и сам жених. По сути дела он приходился пятиюродным дядей своей жене, но об этом родстве в то время уже никто не помнил. Как отмечали современники, Мария Юрьевна Черкасская «блистала своей красотой», на знаменитых ассамблеях — балах, «даваемых при дворе Петра Великого».

А служба князя Алексея меж тем продолжалась. 24 января 1714 года вышел царский указ о назначении его начальником городской канцелярии новой столицы России - Санкт-Петербурга, куда всего несколько месяцев назад переехали из Москвы двор, правительствующий Сенат, дипломатический корпус. На берегах Невы предстояло создать один из красивейших городов Европы - «русскую северную Пальмиру». Черкасский, ставший со следующего года и оберкомиссаром Петербурга, получив от Петра подробнейшие инструкции - «пункты о постройке строений», многое сделал для организации строительства в столице. Как видно из «Русского биографического словаря», он руководил осушением болот и возведением Петропавловской крепости, госпиталя и школы для гардемарин - морских курсантов, строительством кирпичных заводов и знаменитых дворцов - шедевров отечественной архитектуры Петергофского, Екатерининского, Монплезира.

Известно, что Петр I, хорошо относившийся к Алексею и ценивший его, «иногда запросто заезжал к нему обедать». А весной 1719-го он издал новый указ о назначении Черкасского сибирским губернатором. В это время всю страну уже разделили на восемь губерний, одной из них, самой обширной по территории, являлась та, в которой и предстояло около пяти лет губернаторствовать внуку Якова Куденетовича.

Обеспокоенный ответственностью, возлагаемой на него, тем более, что перед этим в столицу из Сибири доставили под стражей бывшего губернатора Гагарина, снятого и арестованного за вопиющее казнокрадство и полное запущение дел, он попытался отказаться от этого поста. В письме к Петру князь писал, что «за велику напасть приемлет отлучение» от него. В ответ царь заявил: «надлежит Вам без оскорбления сие учинить». И далее объяснял: он посылает Черкасского в Сибирь «для двух причин: первое,

что Вы там были и знаете, другое, что вскоре сыскать другого надежного в такую отдаленную сторону не мог...»

Вернулся он из Сибири в Москву в ноябре 1724 года и тяжело заболел. В Петербург попал только в конце января, получив потрясшую его весть, - Петр I умер.

Екатерина I произвела его в тайные советники* и назначила сенатором, одновременно поручив вместе с Остерманом ведать «комиссией о коммерции».

Алексей Михайлович, очень осторожный и осмотрительный человек, старавшийся всю свою жизнь ни с кем не обострять отношений и умевший в то сложное время переворотов, интриг и смены правителей ладить со всеми дворцовыми партиями, оставался на высоких постах при Петре II, Анне Иоанновне, младенце Иване VI и его матери-регентше Анне Леопольдовне.

В правление императрицы Анны Иоанновны Черкасский, действительный тайный советник, кавалер высших российских орденов — Андрея Первозванного и Александра Невского, становится одним из трех членов правительственного кабинета и играет заметную роль в выработке внешней политики государства. В это время и позже он подписал договор «о взаимной дружбе и торговле» с Англией, торговую конвенцию с Данией, соглашение с Пруссией. При нем в сентябре 1739 года был заключен договор с Молдавией о принятии ее в состав России, оживилась торговля с Бухарой и Хивой, велась русско-турецкая война, одной из основных причин которой стала Кабарда - к захвату ее земель по-прежнему стремилась Османская империя.

Вскоре Алексей Михайлович получил звание великого канцлера. Дочь Петра I Елизавета, пришедшая к власти в результате нового дворцового переворота в ночь на 25 ноября 1741 года, очень благосклонно отнеслась к Черкасскому, зная о его службе при ее отце. Она простила его за сотрудничество с фаворитом Анны Иоанновны Бироном (вины его в «деле Бирона» «генеральный суд» не нашел) и поручила ведение всех иностранных дел России.

* По «Табеля о рангах», введенной Петром I в 1722 г., все офицерские и гражданские чины составляли служебную лестницу из 14 классов. Чин тайного советника относился к III классу и приравнивался к генерал-лейтенанту (генерал-поручику), а чин действительного тайного советника (II класс) — к званию полного генерала.

Ему было шестьдесят два года, когда 4 ноября 1742-го он умер от апоплексического удара - третьего на протяжении последних лет жизни.

О внешнем облике этого человека мы можем судить по картине известного художника XVIII века Ивана Аргунова*, являвшегося крепостным Черкасского.

* * *

Великому канцлеру принадлежали семьдесят тысяч крестьян, огромные площади земли, десятки сел и деревень. Он обладал к тому же «массой золота и бриллиантов». Громадное состояние перешло к Черкасскому по наследству от деда Якова Куденетовича, многое прибавил к нему он сам, получая от правителей «за службу» земли с крестьянами. После смерти Алексея Михайловича единственной его наследницей осталась дочь Варвара, родившаяся 11 сентября 1711 года от второй жены - Марии Трубецкой.

Правнучка Якова Куденетовича, самая богатая невеста России, «отличалась красотой, любезностью и ловкостью в обращении». Множество женихов пытались обратить на себя ее внимание — «искали руки княжны, как Ясон** золотой овцы, ради богатой шкуры». Но ее отец и мать отвергли всех, считая их неравными для дочери. Императрица Анна Иоанновна еще в 1731 году, когда Варваре было двадцать, сватала ее за своего обер-гофмейстера придворного красавца графа Левенвольде. Но Алексей Михайлович, вынужденный согласиться на помолвку, все обставил так, что через два месяца жених отказался от дальнейших притязаний стать его зятем.

Пытался обратить внимание княжны на себя и сын молдавского господаря, писатель и дипломат Антиох Кантемир, живший с детства в России, а затем находившийся до конца жизни на дипломатической службе в Лондоне и Париже. Но Черкасская, «гордая своей красотой», отвергла его, как и многих других.

* Портрет А. М. Черкасского работы И. П. Аргунова находится в подмосковном музее-усадьбе Кусково.

** Ясон — мифический герой, возглавивший поход аргонавтов за золотым руном.

Вспыливший Кантемир написал о ней колкие стихи. В ответ на это его сестра Мария, дружившая с Варварой и назвавшая ее «тигрицей» за недоступность, в апреле 1733-го писала брату: «...Не обижайте тигрицы своими стихотворениями; она милая особа, которую я люблю; тигрица умная, достойная девушка; зная, что вы любите ее, я сама предана ей и молю бога, чтобы она, теперешняя моя приятельница, сделалась в будущем моей невесткой...»

И только в январе 1743 года тридцатидвухлетняя Варвара Алексеевна, камер-фрейлина елизаветинского двора, выйдет замуж за сына петровского фельдмаршала, молодого генерала графа Петра Борисовича Шереметева. В качестве своего приданого она принесет ему все богатства, земли и тысячи крепостных, среди которых находилась и семья талантливых русских художников и зодчих Аргуновых.

К Шереметеву перешли и двадцать четыре вотчины из владений Алексея Михайловича. В числе их подмосковная усадьба Останкино, которой издавна владели Черкасские и где не раз гостили Петр I и его дочь Елизавета. В Государственном Русском музее Ленинграда хранится портрет Варвары Алексеевны Шереметевой, урожденной Черкасской, написанный в 1763 году знаменитым живописцем Алексеем Антроповым. Это парадный портрет. Мы видим красивую, уже немолодую женщину. На голове модный тогда гладкий белый парик. Спокойное лицо с румянцем на щеках и удивительно черные выразительные глаза - глаза ее кабардинских предков - под полукружиями высоко поднятых темных бровей. На Варваре темно-зеленое с золотой отделкой платье, на котором пламенеет красная орденская лента и переливается алмазами звезда ордена св. Екатерины*. Вот так и выглядела в жизни эта «кавалерственная дама», правнучка Якова Куденетовича, скончавшаяся осенью 1767 года. Сын ее - Николай Шереметев, либеральничавший дворцовый вельможа с университетским образованием, большой любитель музыки, построил в Останкине дворец со знаменитым на всю Россию оперным театром с труппой из крепостных актеров. Останкинский дворец сохранился и по наши дни. Это теперь музей, прекрасный памятник архитектуры и образец великолепного творения талантливых русских художников и архитекторов, вышедших из крепостных крестьян.

* Орден св. Екатерины, или «Освобождения», учрежден Петром I в память успешного возвращения русской армии из Прутского похода в 1711 г. Орденом награждались «особы женского пола».

ИЗ РОДА ЧЕРКАССКИХ

После гибели Мамстрюка и Домонуко Темрюковичей (около 1600 года) их двоюродный брат Куденет Камбулатович* и племянник Сунчалей нашли от врагов спасение в русском гарнизоне Терской крепости.

С того времени Сунчалей Канклычевич, внук родного брата Темрюка—Желегота, и остался там, обосновавшись со своими людьми в «черкасской» слободе, выросшей рядом с Терками. Уже тогда, около четырех веков назад, стали селиться и жить рядом русские и кабардинцы, установив между собой добрососедские отношения и обороняясь от общих врагов. Кабардинская слобода у Терского города разрасталась за счет прибывавших из Кабарды людей. Рядом с ней в то же время возникло и поселение ингушей — «окочан».

Вместе с терскими воеводами Сунчалей принимал участие в борьбе против сторонника Лжедмитрия II, казачьего атамана Заруцкого, объединившегося с Мариной Мнишек, которая бежала из-под стражи после ее пленения Дмитрием Мамстрюковичем. Попав в Астрахань, они безуспешно пытались связаться со служилыми людьми Терской крепости и кабардинцами, чтобы привлечь их на свою сторону. Под ударами стрелецкого отряда и конников Сунчалей Заруцкий с Мнишек оказались на Яике, где их вскоре захватили посланные в погоню из Астрахани ратники.

Пленников привезли в Москву. Ивана Заруцкого казнили, посадив на кол, малолетнего сына Марины Мнишек повесили, а сама она, заключенная в крепостную башню, вскоре умерла при загадочных обстоятельствах.

С 1615 года Сунчалей Канклычевич стал носить титул «князь над окочаны и над черкасы» — их отныне считали служилыми людьми Терской крепости. В дальнейшем ему наследовали два сына и внук.

* Куденет Камбулатович с 1616 по 1621 год был главным князем Кабарды.

В 1636-м Адам Олеарий в составе голштинского посольства плыл на корабле из Москвы в Каспийское море, держа путь в Персию. В Казани немцы встретили персидские и кабардинские караваны судов, направлявшиеся из столицы к Астрахани. С ними следовал и князь Муцал - сын Сунчалая. Как раз в то лето, после смерти брата Шолоха, упавшего с необъезженной лошади и разбившегося, он получил в Москве наследственный титул и возвращался в город Терки.

Спустя полтора месяца, уже будучи в Астрахани, голштинские послы принимали Муцала на своем корабле. «... Князь прибыл в сопровождении 40 лиц, - читаем мы в книге Олеария «Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно», - при нем был другой мурза и великокняжеский посланник Алексей Савинович*. Сам он [Муцал] был в дорогом русском платье, вышитом золотом и жемчугом. Это был высокий ростом, крепкий, видный господин, с лицом белым и приятным и с длинными, черными как смоль волосами; ему было лет 28, он был весел и красноречив. Когда он вступил на корабль, сначала протрубили трубачи, потом выстрелили из трех пушек, а во время угощения в каюте послов играла музыка. Драбанты, лакеи и солдаты стояли в порядке и с оружием... При отъезде его опять дан был салют из пушек и мушкетов».

Во время этой встречи иностранцы узнали, что Муцал является племянником влиятельного при русском дворе князя Ивана Борисовича Черкасского, и вот теперь, побывав в Москве, он стал наследником «ленного владения»** и пожалован там драгоценными подарками и богатыми одеждами. Один из братьев Муцала уже нес службу при московском дворе, а сестра его — Увжугта была просватана за персидского шаха, и доверенные люди последнего, прибывшие в Терский город, где жило семейство Сунчалеевичей, готовили ее к отъезду в Персию.

* А. С. Романчуков — русский посол в Персии.

** Земельное владение, предоставленное царем феодалу на определенных условиях.

Потом, прибыв в Терки, голштинцы вновь встретились с Муцалом Сунчалеевичем, пригласившим их к себе в гости. «Князь Муцал, — рассказывает Олеарий, — принял нас любезно, перед своим дворцом, и провел нас к матери своей в большой, выстроенный из глины зал, четыре стены которого были полны сводчатых ниш, где частью стояли красиво убранные и уложенные шелковыми одеялами кровати, частью же лежали разные вытканые и шитые пестрыми шелками и золотом платки... Колонны внутри дома были обвешаны многими красивыми саблями, луками и стрелами.

Старая княгиня, высокая осанистая матрона лет 45—50 по имени Бикэ [русские документы называют ее Желегоша], сидела на стуле в длинном, черном, подбитом соболями кафтане... По правую сторону ее помещались три ее сына, из них два были в простых крестьянских одеждах и накинутых войлочных плащах...

Тем временем... открылась дверь в комнату, в которой можно было видеть много женщин. Впереди всех стояла ее дочь, выдававшаяся замуж за шаха персидского, барышня лет 16-ти, прекрасной белизны и чистоты лица, с черными как смоль волосами, свисавшими сзади кручеными локонами...»

Во внешнем облике мужчин-кабардинцев Олеарий отметил, что они «большой частью крепкого сложения... у них длинные, черные... волосы, от лба через темя вплоть до затылка они дают себе выбривать полоску шириной с дюйм*, помимо того, они у себя вверху, на макушке (как мы видели у Муцала), дают свисать вниз небольшой, изящно сплетенной косе... Язык их общий с другими татарами, и почти все умеют говорить по-русски».

Голштинiec оставил нам и описание крепости Терки. В длину она имела около 620 метров, в ширину — до 250. Ее окружали деревянные стены с башнями, на которых были установлены пушки, как известно, до сорока. Гарнизон крепости состоял из 2000 человек под командованием воеводы и полковника. В Терском городе находились три канцелярии, каждой из них подчинялись по пятисот стрельцов. Полтысячи человек имел под своим началом князь Муцал, его люди в случае необходимости должны были действовать вместе с русскими ратниками.

...Десять лет спустя, в начале 1646 года, для похода на

* Дюйм равен 2,54 сантиметра.

крымцев и ногайцев, все еще совершавших постоянные набеги на Кабарду и южные земли Руси, был сформирован полк под командованием воеводы Семена Пожарского, князя Муцала Черкасского и московского дворянина Ждана Кондырева. В отряд Муцала Сунчалеевича входили ратные люди из Терской крепости, жившие здесь кабардинцы и окочане, конные стрельцы из Астрахани и терские казаки.

В июне донские казаки и воины Муцала попытались штурмом взять крепость Азов. Под губительным огнем турецких пушек, засыпаемые стрелами и пулями из пищалей, они несколько раз бросались на приступ крепостных стен, но вынуждены были снова и снова отступить.

Не взяв Азова, полк отошел на юг и стал громить ногайские и крымские улусы*. На рассвете 6 июля подойдя к реке Ее, отряд Муцала, следовавший первым, столкнулся с десяти тысячным вражеским войском крымского царевича Ниэт-Гирея и вступил с ним в неравный бой — «и учинил он, князь Муцал, с ними бой».

Услышав шум жестокой битвы, на помощь к нему бросились донские казаки атамана Осипа Петрова. Вскоре в сражение вступили и главные русские силы, возглавляемые Пожарским и Кондыревым. «И бились, государь, мы с ними с утра и до вечера, - писал в донесении в Посольский приказ атаман Петров, - и кровопролитие, государь, у нас с ними было великое... С кошу* их мы сбили и многих людей побили и языков у них побрали... И на том, государь, бою князя Семена Романовича Пожарского ранили из лука, да письменного голову Якова Хрущова ранили, да и наших, государь, казаков и князь Муцаловых узденей и терских казаков многих переранили, и коней у нас наповал многих же побили».

* Улус — феодальное владение кочевых тюркских народов.

* Кош — кочевой стан.

Крымский царевич потерпел поражение и бежал с остатками войск. В руки победителей попала богатая добыча: вражеские обозы, несколько тысяч коров и овец. Трофеи, по обычаю, распределили среди всех воинов. В плен было захвачено около семи тысяч крымцев и ногайцев. Завершив с победой поход, отряд Муцала возвратился в родные места на Терек.

* * *

Известным военачальником стал сын Муцала — Каспулат, оставивший заметный след в событиях 60-х - начала 80-х годов XVII столетия, происходивших на Северном Кавказе, в Крыму и на Украине.

В Москву впервые он приехал в 1648 году вместе с отцом, который хотел заранее представить его двору как своего будущего наследника. В Посольских книгах сохранилась запись их приема Алексеем Михайловичем. Утром 22 апреля к дому, где остановились Муцал и его сын, специально для них были поданы из царской конюшни оседланные кони с чепраками из кизилбашских (персидских) ковров.

В сопровождении трех подъячих и узденей они въехали через Фроловские (Спасские) ворота в Кремль и спешили к Посольским палатам. «А как Муцал Черкасский вошел в палату, и дьяки его приветствовали. И спросил их думный дьяк Назарий Чистой о здоровье и велел им сесть... А как государь велел князю Муцалу и сыну его идти к себе, и с ними пристав шел из Посольской палаты мимо [собора] Архангела площадью, да вверх среднюю лестницей. А лошади, которые он привел к государю, вели перед ним к крыльцу и поставили их у мостков.

А государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси в то время сидел в Золотой палате... А как князь Муцал и сын его Каспулат-мурза вошли к государю в палаты, и явил их государю думный дьяк Назарий».

«И били ему челом» отец с сыном со своими подарками — четырьмя жеребцами-аргамаками, тремя иноходцами, двумя кобылами с жеребятами, двумя турецкими пищалами и двумя луками. Так того требовал дипломатический этикет. А в ответ от имени царя дьяк Назарий

Чистой сказал, что за верную службу они оба жалуются двумя серебряными позолоченными кубками, атласными, расшитыми золотом шубами на соболях, лисьими шапками, восьмьюдесятью соболями и восьмьюдесятью рублями денег. «Жалованье» от казны выдали и всем прибывшим с ними в Москву уздеям. А в заключение церемонии, по установившейся традиции, отцу и сыну преподнесли от Алексея Михайловича по два ковша, доверху наполненных «красными и белыми хмельными медами...»

Еще в 1590 году по просьбе Мамстрюка Темрюковича русские служилые люди поставили у впадения Сунжи в Терек крепость. Она простояла шестнадцать лет, а потом была оставлена гарнизоном, переведенным в Терки. В середине XVII века, в связи с попытками персидского шаха усилить свое влияние на Северном Кавказе и распространить его от Дагестана на другие народы этого края, снова встал вопрос о строительстве острога на том же самом месте, очень выгодном по своему стратегическому положению. И в начале 1651-го из Терской крепости были отправлены на старое городище двести стрельцов, возглавляемых стрелецким головой Сергеем Протопоповым. К лету на крутом терском берегу вновь поднялся острог.

А уже в октябре персидские отряды, объединившись с союзными им кумыкскими мурзами во главе с шамхалом Тарковским, двинулись по направлению к новому укреплению, чтобы взять его и уничтожить. Первоначально они прошли по владениям князя Муцала Сунчалеевича на Тереке, «и многих людей побили, и узденей многих переранили, и конские и животинные всякие стада и верблюдов взяли, и в полон улусных людей, жен и детей поймали».

Муцал, с сыновьями Каспулатом и Кантемиром, во главе кабардинского отряда в 500 человек, зависимых от него татар и присоединившихся нескольких сот терских казаков укрепленным лагерем стал у стен острога, чтобы дать бой неприятелю и не пропустить его дальше по «османовской» дороге в Кабарду.

25 октября персидско-шамхальское войско, перешедшее в трех местах на западный берег реки Сунжи, пошло

приступом на острог, откуда открыли огонь из пушек и пищалей. С гиком и дикими криками, сопровождаемыми для устрашения грохотом барабанов, звуками дудок и рогов, вражеская пехота и конница бросились к валам и деревянным стенам лагеря, где стояли в обороне воины Муцала Сунчалеевича. Целую неделю вместе с небольшим русским гарнизоном они мужественно отбивали многочисленные атаки персов и шамхальцев, многие из которых остались лежать на берегах Терека и Сунжи. Среди убитых оказался и родной брат шамхала Амархат-мурза.

И только 1 ноября, когда из Терской крепости пришел на помощь крупный отряд стрельцов, персидско-шамхальское войско стало в беспорядке отходить. С трудом, потеряв очень многих утонувшими, оно переправилось на правый берег Сунжи и потянулось назад на восток, преследуемое конными кабардинцами, казаками и стрельцами.

Вот тогда при обороне Сунженского острога и получил свое первое боевое крещение Каспулат Муцалович, сражаясь в одном ряду с русскими ратниками против общих недругов. Через десять лет после тех событий, в 1661 году, когда умер отец, он стал князем всех проживавших в районе Терской крепости кабардинцев и окочан. «Самого главного теперешнего князя, резиденция которого в городе Терки, зовут Казбулат Мусалиевич, - напишет позже в книге «Шесть путешествий в Турцию, Персию, Индию в течение сорока лет...» француз Тавернье. А ведь он никогда не был на Кавказе и сообщал сведения о кабардинцах и черкесах по рассказам, собранным в странах Ближнего Востока. Значит, там знали об отважном Каспулате. «В мое время находившийся в городе принц, князь Булат, был в союзе с царским величеством», - укажет голландец Стрейс, встречавшийся с ним в 1668 году в Терках. Упомянул о нем в своей книге, вышедшей в 1692 году в Нидерландах, Витсен: «...Булат, князь у черкесов, живущих недалеко от Каспийского моря».

Каспулат прожил жизнь, наполненную походами и сражениями. Он много раз ходил вместе с союзными Москве калмыцкими тайшами* на крымцев и не раз — на

* Тайша — калмыцкий феодал.

ногайцев, беспокоивших своими набегами его земли на берегах Терека. Не все попадало в документы, и многие факты его жизни и боевой службы до нас не дошли.

Осенью 1673 года отряд узденей Каспулата Муцаловича, по его приказу, «промышлял» совместно с калмыками под Азовом, где «многих крымских людей побили и в полон поймали... и отпущено отбитого русского полона мужского и женского пола 50 человек». А в это время сам князь с тайшой Аюкой находился в походе на ногайского мурзу Каракася. Они нанесли ему значительный урон, надолго отбив охоту нападать на терские земли,

В июне 1674-го астраханский воевода прислал в Терки к Каспулату Черкасскому гонца со спешным известием, что его вызывает в Москву царь Алексей. Полмесяца спустя во главе отряда из ста пятидесяти человек он отбыл из Астрахани к русской столице. А через несколько дней на подходе к Царицынской крепости, стоявшей на берегу Волги, его встретили посланцы из Москвы с государевой грамотой. Толмач Алексей Герасимов перевел послание и объявил, что царь велел ему идти со своими людьми и с калмыками на крымские улусы и на крепость Азов.

Не мешкая, князь отправился к калмыкам, кочевавшим на восточном берегу Волги, и встретился там со своим давним испытанным товарищем по сражениям. Аюкой, сообщив ему о предстоящем совместном походе. 7000 своих воинов дал тогда кабардинскому воеводе тайша, снабдив каждого из них двумя-тремя конями.

Под Царицыном в течение десяти дней полк переправился на западный берег Волги и отсюда двинулся двумя отрядами к Крыму. Один из них в составе двух тысяч калмыков Каспулат направил прямо к Перекопу. Основную же часть полка он повел степями к Дону, выслав нарочных к донским казакам с известием, что по приказу из Москвы идет «для промысла на Азов» и вскоре прибудет к ним.

Атаман Корнило Яковлев выслал навстречу Каспулату конную сотню, которая встретила его на берегу Маныча и сопровождала в дальнейшем пути.

28 августа полк подошел к Черкасскому казачьему городку и остановился на левом берегу Дона. А через не-

сколько часов атаман Яковлев уже радушно принимал князя в своем курене*. Тогда они и обговорили план совместного похода на Азов, для участия в котором было выделено 3000 казаков и стрельцов под командованием стрелецкого полковника Григория Косагова.

Казаки и стрельцы отправились вниз по Дону на судах, а Каспулат Черкасский пошел с кабардинцами и калмыками к Азову берегом реки. На Семенов день, 1 сентября, в двадцати верстах от Азовской крепости рать встретила с турецко-крымскими отрядами и ударила по ним. Бой продолжался целый день. Одним из героев его был Каспулат Муцалович. «И на том бою азовских жителей и новоприбывших крымских людей побили многих и стада конские и скотские отогнали, - сообщалось об этом походе в Посольский приказ. - И черкасской породы полоняников 6 человек отбили, да взяли в полон... неприятельских людей многих».

Весной 1675 года, примирив в своих владениях некоторых узденей, пытавшихся перейти на сторону крымского хана, князь вновь выехал по вызову в Москву. Подьячий Посольского приказа Лев Паюсов, сопровождавший его от Казани, писал по начальству о том, что 30 мая в шестом часу дня он отбыл из Владимира и идет «с поспешанием» к Москве.

Будучи во Владимире, Черкасский обратился к подьячему с необычной, поразившей того просьбой. Еще от своего отца Муцала он слышал, что в этом городе хранится «железный самострельный лук» со стрелами, принадлежавший когда-то русским великим князьям. И вот теперь, находясь здесь, он очень бы хотел увидеть это оружие. Паюсов отправился к местному воеводе, сообщив ему о желании кабардинского князя, а тот направил подьячего во Владимирский собор, где находились те священные реликвии. Но оказалось, что лук незадолго до этого отравили по распоряжению царя в Москву, а на месте остались лишь стрелы. Их, как заявил соборный протопоп, Каспулат может посмотреть и даже несколько взять себе. «И он, князь Каспулат, те стрелы смотря и удивляясь,

* Курень — название жилища у казаков.

взял себе гнездо» (то есть 10 штук), - писал об этом в Посольский приказ подьячий.

6 июня Каспулат прибыл в Москву. Князя приняли боярин и наместник серпуховский Артамон Сергеевич Матвеев и думный дьяк Григорий Богданов. От них Каспулат и узнал, что в Москву его вызвали для организации нового похода на крымские улусы, намечаемого на сентябрь. Как опытный военачальник, прекрасно знавший условия, в которых ему предстояло вести боевые действия, и хорошо знакомый с тактикой и возможностями татар, он тогда предложил свои сроки похода: «два времени: 1-е весной, когда вода вскроется, а трава еще не вырастет, и в то время в Крыму великая во всем нужда и над ними [татарами] промысел чинить удобно; 2-е время зимой в декабре, перед рождеством, когда бывают морозы великие и топкие места, где переходить в тепло нельзя, замерзнут, а в Крыму тогда бывает великая нужда, кони их от стужи очень худы и сопротивляться им будет не на чем».

Боярин Матвеев внимательно выслушал Каспулата Муцаловича и сказал, что доложит царю о его соображениях на этот счет, чтобы в будущем «промысел» планировать именно в один из указанных им сроков. Сейчас же ему необходимо срочно готовиться к уже намеченному походу на Крым, сформировав полк из русских служилых людей, кабардинцев и калмыков. На вопрос Каспулата, куда ему идти на этот раз - под Азов или же на крымские земли, Матвеев ответил: «...ему князю Каспулату идти войной на крымские юрты». Тогда же он узнал, что основные силы татар во главе с ханом Мурат-Гиреем находятся на Правобережной Украине и воюют в Подолии с поляками. А это значило, что для похода на Крым сейчас самое удобное время. Князь должен был собраться со своими людьми в Царицыне и оттуда выступить в путь. «А с Царицына до Азова, - говорил Черкасский воеводе Матвееву, - поспеть можно за 11 дней, а в Крым, не занимая азовских мест, за 25 дней».

23 августа полк Каспулата двинулся по направлению к Крымскому полуострову. В его составе насчитывалось 750 человек: девяносто шесть кабардинцев, астраханские стрельцы с тремя полковыми пушками, к каждой из которых ядер и пороха на сто выстрелов, терские казаки,

астраханские татары и окочане из Терской слободы. Людей на месте сбора оказалось гораздо больше, но Черкасский отобрал в поход только самых здоровых, да и то лишь тех, у кого имелось в строю два-три коня, чтобы как можно быстрее продвигаться вперед.

Вскоре к нему присоединились нагнавшие его сто калмыков во главе с Мазан-батыром. На этот раз тайша Аюка, занятый вспыхнувшей междоусобной борьбой, не выделил обещанных нескольких тысяч всадников.

12 сентября, уже будучи на украинских землях, полк остановился на ночевку в урочище Молочные Воды. Крымские улусы лежали совсем рядом, и Каспулат, чтобы не обнаружить себя раньше времени и напасть на них внезапно, вел людей с большими предосторожностями. Но утром стало известно, что ночью из лагеря сбежал к татарам, уведя с собой трех коней, толмач-кумычанин Курманко.

Опасаясь теперь за успех похода и судьбу своего малочисленного воинства, воевода спешно отправился в Запорожскую Сечь, находившуюся недалеко от места расположения полка. Каспулата Муцаловича принял легендарный атаман Иван Серко, наводивший со своими молодцами страх на Крым и доходивший с ними на быстрых казачьих лодках — «чайках» до самого Константинополя. Подпись этого человека стояла под знаменитым посланием запорожских казаков турецкому султану Магомету IV, потребовавшему, чтобы Сечь сдалась ему. Запорожцы ответили «брату солнца и луны, внуку и наместнику божьему» хлестким письмом, высмеяв и безжалостно изругав самоуверенного султана: «Ти, султан, шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера* секретарь. Який же ти в черта лицарь, коли не можешь ...на ежа сесть. Не будешь ти, сукину сину, синов христианских под собой мати; твоего вийска ми не боимся, землю и водою будем битися с тобою...» Дальше все шло в таком же духе, с еще более крепкими выражениями.

* Люцифер - в христианской мифологии сатана, повелитель ада.

Каспулат обратился к Серко с призывом поддержать его в походе на Крым. Атаман ответил князю, что с великой радостью выделит ему в помощь десять казачьих сотен. Он не мог отказать себе в удовольствии дать своим молодцам возможность «промышлять» в Крыму и снова, уже в который раз, погромить своих давних и извечных врагов - крымцев, союзников «шайтана турецкого» Магомета IV.

В ночь на 23 сентября полк Черкасского с тысячью запорожцев начал переход через гнилое Сивашское море, и на рассвете они вступили на крымскую землю. Донесение Каспулата Муцаловича в Посольский приказ раскрывает теперь перед нами события тех дней:

«...И крымские люди, проведав про наш... приход, поставили в Крыму на двух заставах ратных людей... Мы, слуги твои, с ратными [нашими] людьми те две заставы сбили, и татар побили, и бунчук и шатры взяли. И крымские улусы воевали, жгли и секли и в полон брали. И повоював в крымских улусах, пошли назад со всеми твоими, великого государя, ратными людьми.

И как пришли к Перекопу... 3 султана крымских с крымскими ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и побили. Да на том же бою взяли Батыр-мурзу да татарина раненого, и татарин от ран на дороге умер. Да на том же бою мой, Каспулатов, уздень Сетей убит...»

27 сентября люди Муцаловича и казаки вернулись в Запорожскую Сечь, где победителям, возвратившимся после лихого набега с богатой добычей, была устроена радостная встреча, сопровождавшаяся стрельбой из пушек и грохотом литавр. А князя Черкасского приветствовал и пригласил к себе в курень сам кошевой атаман Иван Серко: приглянулся ему храбрый и удалой кабардинский воевода.

Через два дня Каспулат ушел с полком по направлению к Царицыну, уводя татарского феодала Батыр-мурзу с другими крымскими пленниками, с тем чтобы потом получить за них выкуп или обменять на томившихся в Крыму соотечественников.

С известием об успешном завершении похода и с дорогими трофеями в Москву отбыли отправленные князем гонцы — его аталык Сибок Эльмурзин, стрелецкий сотник Григорий Званьский и атаман терских казаков Федор Кириллов. Вернувшись потом в Терки, они привезли Каспулату Муцаловичу из столицы за доблесть «в крымской службе» шапку бархатную с золоченым верхом, кафтан бархатный па соболях с золотыми, униженными жемчугом нашивками.

Летом 1676 года нашествием турецко-крымских войск на Левобережную Украину началась война между Россией и Турцией, самая первая в истории этих стран. В это время Черкасский и получил новый приказ: выступить с заново собранным отрядом к Киеву для обороны города и оказания помощи Запорожскому Войску. Возглавляемый им и воеводой Кузьмой Козловым четырехтысячный полк, сформированный из русских стрельцов, кабардинцев, калмыков, ногайцев, астраханских и терских татар, сражался с турецкими янычарами и крымской конницей под Киевом, у Запорожья, Чигирина и Чугуева.

В то время Каспулат выступил и как дипломат. Осенью 1678 года, после неудач под Чигирином, безуспешных попыток привлечь к войне с Турцией Австрию и Польшу, оставшись в одиночестве, русское правительство стало изыскивать пути для начала мирных переговоров с султаном через Крым. Учитывая известность и авторитет Каспулата Муцаловича на Северном Кавказе и, судя по всему, его личное знакомство с крымским ханом, в Москве решают действовать через него. В конце ноября в Терки приехал подьячий Разрядного приказа Михаил Томилов, который передал Черкасскому от начальника Разрядного приказа боярина Михаила Долгорукого «указ», чтобы он выделил «для государева дела» трех верных узденей и направил в Бахчисарай со своим «челобитьем» к хану «для промышления о мире». Но все должно выглядеть пока неофициально, так, будто это исходит от него самого и является его личной инициативой - выступить посредником между Москвой, с одной стороны, Крымом и Константинополем — с другой. От того, какой окажется реакция на «предложение» князя, зависели дальнейшие пути к мирным переговорам.

Дело это было весьма сложным и ответственным. Каспулат отобрал из своего окружения трех человек во главе с Илимом, дав им необходимые наставления — ведь они ехали во враждебный Крым с важной дипломатической миссией. В послании, переданном с ними хану Мурат-Гирею, Каспулат писал о необходимости «смириться» и жить «в дружбе и братстве».

Вскоре, когда Черкасский находился в окрестностях Терской крепости, на него было совершено покушение. Злоумышленника, ранившего его кинжалом, тут же схватили. Им оказался «горский Мурзабек Куденетов», действовавший по наущению Хота-мурзы Тлеспердеева, активного участника похода на Крым в составе полка Муцаловича в семьдесят пятом году. Что же послужило причиной — личная ссора или же действия по заданию врагов, замышлявших убийство князя, — пытались выяснить в Терской приказной избе, где велось следствие по этому делу. Худшие предположения тогда не подтвердились — умысла недругов не нашли. Произошла обычная ссора. Видимо, в чем-то чувствовал свою вину и Каспулат, так как, когда Хота-мурза запросил «мировую», он согласился помириться с ним, тем более, что им не раз приходилось вместе ходить на крымцев и прикрывать друг друга в боях. На следующий год Тлеспердеев вошел с двадцатью своими узденями в состав нового полка Черкасского. Но кто знает, не вспыхнула ли в будущем ссора снова и так ли уж был искренен Хота-мурза, когда в Терской приказной избе «бил челом» князю о примирении?

...А война на Украине продолжалась. Русская армия вместе с украинскими отрядами и Войском Запорожским вела тяжелую и упорную борьбу с турками и крымцами. В марте 1679 года гетман Украины Иван Самойлович

посылает в Москву войскового старшину Ивана Мазепу, чтобы договориться о новых боевых действиях.

Мазепа, хорошо знавший Каспулата по совместному участию в боях, высоко ценивший его храбрость и способности военачальника, просит вновь направить полк Черкасского для защиты украинских земель. Так выясняется еще один любопытный штрих из биографии Каспулата Муцаловича: оказывается, он был близко знаком с тем самым печально знаменитым своим предательством Мазепой. Менее чем через десять лет тот станет гетманом Украины, а в 1708-м, во время нашествия шведов на Россию, перейдет на их сторону. После разгрома вражеского войска под Полтавой он сумеет уйти вместе с королем Карлом XII и горсткой своих людей в Турцию, где вскоре умрет.

Летом того же 1679 года князь - уже на украинских землях в районе Харькова, где под его командование поступили стрелецкий генерал Григорий Косагов, князь Яков Барятинский и харьковский полковник. А 5 августа в степях за Чугуевом, на берегах реки Береклейки объединенная рать, возглавляемая Каспулатом Муцаловичем, разбила многотысячный отряд крымских татар и многих из них захватила в плен.

Месяц спустя, с приостановлением боевых действий, последовал указ о роспуске его войска и возвращении на родину в Терский город. Уходили в родные места и калмыцкие союзники.

В Терках Черкасский получил ответное послание крымского хана - «от царя, ханова величества Мурат-Гирея почтенному князю Каспулату благополучное позд-

равление». Мурат-Гирей, которому война обошлась во много тысяч жизней его подданных, что ослабило Крымское ханство, соглашался на переговоры, но с условием, продиктованным ему султаном Турции, чтобы «московский король от казаков и от Киева руку отнял и нам... султанову величеству, отдал».

Ярый враг Каспулата - крымский хан, которому он на протяжении многих лет доставил массу неприятностей и нанес большой урон, считается с умом и большим авторитетом этого человека, воина, а теперь и дипломата, взявшего на себя трудную роль посредника между воюющими странами. Подтверждением этого служат слова из послания Мурат-Гирея: «...Ты ж, князь Каспулат, знай: если меж двух государств какой-то человек хочет говорить и помирить их и такое дело на себя взять, то не малый человек, а в том деле великий человек... И ты за то, что того государства великий человек эти речи наши на себя взял и если меж обоими государствами мир учинится, и то от тебя познается».

В ноябре гетман Самойлович вновь обратился через своих посланников к русскому правительству с просьбой послать на Украину отряд Каспулата для охраны важных переправ через Днепр у Киева и Переяславля. Так высоко оценивали украинцы помощь, оказываемую им в борьбе за свободу полком под командованием Каспулата Муцаловича. И уже в марте 1680 года из Москвы в Терки вновь везут грамоту с приказом собрать людей и выступить с ними на берега Днепра.

Но поход князя в тот год не состоялся. В апреле пришла новая грамота из Посольского приказа с указанием оставаться ему в Терском городе для его обороны, на случай прихода «неприятельских людей», потому что в то время почти весь гарнизон крепости отправили на войну.

Неся службу на Тереке, вдали от боевых действий, проводившихся на Украине, Черкасский снова выступил в роли дипломата. 25 августа он встретился в урочище Саскул, недалеко от Терской крепости, с крымским посланником Батырша-мурзой, направленным к нему ханом Мурат-Гиреем. Как сообщал он вскоре в Посольский приказ, татарин сказал ему на переговорах: турецкий султан писал хану в Бахчисарай, чтобы он послал его из

Крыма в Терки для переговоров с доверенным лицом русского правительства Каспулатом и через него бы передал в Москву, «чтобы великий государь изволил с турецким султаном и с крымским ханом быть в мире и дружбе».

В мае 1681 года русское посольство в Бахчисарае после трудных переговоров подписало утвержденный султаном мирный договор с Крымом на двадцать лет. Левобережную Украину и Киев, за которые и велась эта пятилетняя война, Турция признавала перешедшими к Русскому государству. И в том, что переговоры состоялись и таким образом завершились, немалая заслуга принадлежала Каспулату Муцаловичу.

Последнее упоминание об этом человеке в русских источниках встречается в грамоте царя Федора, посланной Каспулату в январе 1681 года, в то время, когда еще шла война. Ему вновь предписывалось отправиться по весне с полком из кабардинских и калмыцких всадников, терских и астраханских ратных людей к Царицыну, где его уже ждал с войском воевода Лука Пушин. Той весной князь в последний раз пришел на Волгу и в последний раз встречался со своим старым другом калмыцким тайшой Аюкой. Но полкам выступить не пришлось - в Бахчисарае было заключено перемирие.

Летом Каспулат Муцалович вернулся в Терский город, и здесь, всего через несколько месяцев, глубокой осенью того же года жизнь его оборвалась. Как это случилось - умер ли он своей смертью или был убит врагами, - неизвестно. В документах сведений об этом нет.

Историк В. А. Потто в своей книге «Два века терского казачества», вышедшей в 1912 году, писал, что и сын Каспулата Адиль-Гирей проявил себя храбрым воином. Он не раз совместно с русскими стрельцами и казаками участвовал в боевых действиях. Так было и в 1701 году, когда на гребенскую станицу Щедринскую напал кумыкский князь Муртазали с «разбойной шайкой раскольников и изменников Костьки Иванова». В те дни Адиль-Гирей Каспулатович находился вместе с казаками. Он организовал оборону и, зная о нападении заранее,

послал за подмогой. Подоспевшие на помощь казаки не дали врагу захватить «Щедринский городок».

Адиль-Гирей в ту пору стал активным сторонником Петра I на Тереке.

* * *

Два младших брата Муцала — родные дяди Каспулата Желегот и Сунчалей в разное время выехали из Терской крепости в Россию, оставшись там жить.

Желегот — Федор имел звание стольника. Умер он в 1631 году «молод, бездетен», как значится в «Родословной».

Довольно интересной оказалась жизнь Сунчалей. По крещении, принятом в 1642-м, названный Григорием, он получил чин стольника и несколько лет служил при дворе.

Через три года Григорий Сунчалеевич женился на княжне Прасковье Одоевской. Идея сватовства исходила от ее деда боярина Федора Ивановича Шереметева, мужа к тому времени давно уже покойной Ирины Борисовны Черкасской, родной сестры известного князя Ивана. Таким образом, вновь соприкоснулись в браке две ветви Темрюковичей, идущие от Камбулата и Желегота. Не знал и не ведал Григорий, что доводится четвероюродным дядей своей юной жены.

В «Дворцовых разрядах» есть сведения о его участии в походах царя против поляков и шведов. Год он пробыл в Астрахани «воеводой у горских черкас и астраханских татар».

В начале 1657-го князь Черкасский был произведен в бояре и вскоре направлен в Астрахань первым воеводой. На этом посту Григорий Сунчалеевич показал себя энергичным, умелым человеком, защищая здесь интересы России, служа посредником правительства в связях с кабардинцами, калмыками и другими народами, обитавшими на Северном Кавказе и в Поволжье. Благодаря его стараниям дали «шертную запись» - клятву на верность союзу с Москвой калмыцкие тайши и среди них уже хорошо нам известный Аюка - друг Каспулата. За эту деятельность воевода был награжден «золотым», знак отличия привез ему от имени царя князь Хованский.

При Григории Сунчалеевиче из Москвы в Астрахань присылали на обучение к кабардинским оружейникам, слава о которых была широко известна, «служилых литовских ребят»: «для учения дела булатных и сабельных полос и для учения панцырному делу». А в столицу по запросу Оружейной палаты была отправлена группа «черкас панцырного дела самых добрых мастеров, да булатного дела сварщиков». Войны с Польшей, Швецией, Крымом требовали много оружия и доспехов.

Несколько лет Черкасский находился на воеводстве в Царицыне, посылая отсюда ратников с их горскими и калмыцкими союзниками в крымские земли. В конце шестидесятих годов он вернулся в Москву, но сведений о его дальнейшей службе не имеется. До нас дошло интересное свидетельство о нем, данное его современником: «Князь Григорий Сунчалеевич был истый горец, искавший случая показать телесную силу, лихой наездник, умевший укрощать самых диких коней, страстный любитель лошадей, которыми были наполнены его конюшни, более сострадательный к животным, чем к людям». Что ж, этот человек был вполне в духе своего времени: суровый феодал, но, когда надо, и благожелательный, о чем еще будет сказано, любитель рискованных забав и развлечений, а вместе со всем этим умный и деятельный воевода.

Удивительно складываются человеческие судьбы: некоторым родичам Григория довелось служить при Петре I, он же увидел его еще в люльке, только что появившимся на свет. 22 января 1671 года Черкасский присутствовал на свадьбе - царь Алексей женился вторым браком на Наталье Нарышкиной. На торжестве князь исполнял одну из почетных ролей. 30 мая следующего года Наталья Кирилловна родила сына, в честь которого до самой ночи разносился радостный звон всех московских колоколов. Через четыре дня состоялись крестины, младенца назвали Петром - Петром I. На это знаменательное торжество был приглашен и Григорий Сунчалеевич. «Был за столом У государя по случаю крещения царевича Петра Алексеевича», — говорит источник.

Прошло всего четыре месяца, и 14 октября Черкасский был убит у себя в имении по одной версии своим же узденем, по другой — «неизвестно кем». Никаких подробностей об обстоятельствах его гибели в документах нет.

У Григория Сунчалеевича осталось двое детей - сын Данил и дочь Елена, родившаяся незадолго до его смерти.

* * *

Елена выйдет замуж, проживет много лет, родит шестерых детей. Но главное не в этом — праправнучатая племянница Темрюка станет у начала рода, из которого через столетие выйдет человек, занявший достойное место в истории нашей страны. И снова, уже в который раз, удивляешься тому, как переплетаются судьбы человеческие и жизни, как увлекательно узнавать об этом, идя по тропам истории.

Елена Григорьевна Черкасская стала женой князя Юрия Юрьевича Трубецкого, известного своими заслугами при Петре I. Их дочь Мария выйдет замуж за Алексея Михайловича Черкасского, вторая, Прасковья, — за Петра Семеновича Салтыкова, прославившего себя на полях сражений, ставшего генерал-фельдмаршалом*, выдающимся русским полководцем.

И вот что интересно, оказывается, княжна Прасковья Трубецкая-Салтыкова писала стихи. В русском литературоведении первой четверти XVIII века говорится о ней, как об авторе «нескольких лучших любовных песен того времени». Ее стихи «Ох, свет мой горький» и «Како не лишатся веселия мне ныне» стали очень популярными песнями, их пели в течение всего восемнадцатого столетия. Прасковья Трубецкая хорошо знала писателя Антиоха Кантемира, близко стояла к этой семье, так как ее двоюродная сестра была замужем за его отцом.

Один из четверых сыновей Елены Григорьевны — Никита, друг Антиоха Кантемира и не менее известного писателя Михаила Хераскова, при Елизавете Петровне получил звание генерал-фельдмаршала.

Внук Черкасской — Сергей Никитич, участник многих войн, дослужился до генерал-поручика, а сын его Петр,

* Звание генерал-фельдмаршала введено в 1699 г. Петром I. Всего в России было 64 генерал-фельдмаршала.

имел чин действительного тайного советника, служил на высоких государственных постах.

29 августа 1790 года у Дарьи Александровны и Петра Сергеевича Трубецких родился сын Сергей — праправнук Елены Григорьевны Черкасской.

Князь Сергей Трубецкой, герой войны 1812 года, участник заграничного похода, награжденный за доблесть многими орденами, полковник лейб-гвардии Преображенского полка стал одним из создателей и руководителей тайных обществ, из которых вышли декабристы.

После подавления восстания 14 декабря 1825 года, следствия и суда, направляемого Николаем I, «заговорщиков» разделили на 11 разрядов в зависимости от степени их вины. Сергей Петрович проходил по первому - в числе 31 человека он был приговорен к смертной казни «через отсечение головы». Утверждая приговор, «смилоствившийся» царь пятерым декабристам, поставленным «вне разрядов», четвертование заменил повешением, а осужденных на обезглавливание «указал» сослать на вечную каторгу в Сибирь. В день произнесения приговора Трубецкого вместе с товарищами вывели на эшафот. Сорвав с него мундир с наградами и бросив тут же в костер, над его головой переломили шпагу. Символическая казнь свершилась.

«Государственного преступника» - «каторжного князя» в числе первых в конце июля 1826 года отправили закованного в кандалы на сибирские рудники. Он пробыл в Сибири тридцать лет, вначале на каторге, потом на поселении. «...Я убежден, что если бы я не испытал жестокой превратности судьбы и шел бы без препятствий блестящим путем, мне предстоявшим, - писал Трубецкой в «Записках», написанных после возвращения из ссылки и изданных после его смерти, — то со временем... утратил бы истинное свое достоинство человека. Ныне же я благословляю десницу... проведшую меня по терновому пути... и показавшую мне, в чем заключается истинное достоинство человека и цель человеческой жизни...»

Сразу же после отправки декабристов на каторгу жена Сергея Петровича Екатерина Ивановна, урожденная графиня Лаваль, отказавшись от всего, самой первой из женщин устремилась к мужу, считая, что ее место рядом с ним. Это о ней так взволнованно и проникновенно рассказал в поэме «Русские женщины» Некрасов.

В Сибири у Трубецких родилось четверо детей - сын, умерший в детском возрасте, и трое дочерей.

Осенью 1857 года Сергей Трубецкой вернулся из Сибири, поселился в Киеве. Три года спустя он скончался в Москве.

* * *

В 1670—1671 годах Поволжье охватило народное восстание под предводительством донского казака Степана Разина. И интересно, что с этими событиями оказались связанными некоторые из Черкасских. Они не были, конечно, на стороне восставших, потому что являлись представителями другого мира, против которого и выступали разинцы, но тем не менее в документах, отражающих это большое в истории России событие, фигурируют их имена.

Один из них, юный Андрей Черкасский, оказался захваченным Разиным в Астрахани и выдавался им за «царевича Алексея», умершего в январе 1670 года. Восставшие тогда еще верили в «доброе царя», обманываемого «плохими - худыми изменниками» боярами. Вот почему в волжской флотилии разинцев на одном из стругов, обитом красным бархатом, и содержался человек, выдаваемый за спасенного от «изменников бояр» царевича. В то же время на другом, черном, судне якобы находился к этому времени уже опальный патриарх Никон— «батюшка», содержащийся в те годы в одном из дальних северных монастырей.

Неизвестно, сколь долго пришлось молодому кабардинцу играть роль «царевича», но то, что он делал это насильно, спасло потом ему жизнь, когда жесточайшим образом казнили все, кто оказался причастным к восстанию. Андрей тоже находился под следствием, но после «распросных речей» его освободили.

Кто же был этот Черкасский? Судя по «Российской родословной книге», в то время существовало два Андрея, по возрасту подходивших к выдаваемому за «царевича Алексея». Один из них—сын видного воеводы Михаила Алегуковича, племянника Григория Сунчалеевича. О нем известно, что с 1676 года он «ходил» в стольниках Петра I и умер в 1701-м.

Второй «претендент» на место «царевича» - князь Андрей Камбулатович Черкасский, который тогда тоже имел стольничий чин, но служил у царя Ивана Алексеевича, родного брата Петра (совместно они правили до 1696 года). К сожалению, родство его проследить не удалось.

Кто же из двух названных Андреев находился у восставших за «царевича», установить сейчас, видимо, невозможно.

В правление Алексея Михайловича в России был создан Приказ тайных дел, ведавший раскрытием преступлений против «государева имени, крамолы и изменных дел». Это зловещее учреждение - тайная царская полиция - стало местом пыток и казней всех, кого подозревали даже в

малейшем неуважении к монаршей особе и к его имени. В тайном приказе допрашивали, истязали и Степана Разина. Сам царь составил в те дни для своих дьяков список вопросов, на которые крестьянский вождь должен был ответить. Их десять, но два из них касались уже знакомых нам лиц - Григория Сунчалеевича и его племянника Каспулата Муцаловича.

Четвертым в списке стоял такой вопрос: «Для чего Черкасского вичил? По какой от него к себе милости?» Царь знал, что, выступая перед казачьим кругом, Разин, называя всех бояр, воевод и дьяков изменниками и злодеями, лишь о двух из них — князьях Григории Сунчалеевиче и Иване Воротынском - говорил с уважением и называл их «с вичем», по имени-отчеству, «как-де они [донские казаки] бывают в Москве в станицах, и их-де они кормят и поят».

Григорий, выросший по соседству с терскими казаками, а потом и будучи воеводой в Астрахани и Царицыне, куда часто приезжали молодцы с Терека и Дона, всегда поддерживал с ними хорошие отношения, находил общий язык, продавал им оружие и даже принимал их в своем доме в Москве. Но то, что Разин вспоминал о нем одобрительно именно в дни восстания, насторожило царя, заподозрившего Черкасского в том, что он мог помогать «законоотступникам — воровским людям».

Бывшим астраханским воеводой заинтересовались в Тайном приказе, и все это могло для него плохо кончиться. Несколько раз вызывал его «для распросу» сам начальник дьяк Дементий Башмаков, пользовавшийся неограниченными правами. Григорий Сунчалеевич тогда оправдался, да и Разин ничего компрометирующего о нем на допросах не сказал.

Девятый вопрос царя звучал так: «О Каспулате, где он?» Оказывается, Степан Тимофеевич Разин и Каспулат Муцалович довольно хорошо знали друг друга. Еще в 1661 году они вместе ездили к калмыкам и договаривались с их тайшами о походе на крымские владения. Встретаться им доводилось и позже. В 1668 году Разин встал во главе восставших донских казаков и направился с ними на стругах в Каспийское море, чтобы «попромышлять» на его кавказском берегу и в Персии. Пройдя Астрахань, казацкая вольница подплыла к устью Терека, недалеко от которого стояла Терская крепость, и отсюда их атаман направил Черкасскому «прелестную грамоту» с просьбой помочь ему продовольствием, вином, свинцом и порохом.

Помог ли Разину тогда его бывший соратник, неизвестно. Но вместе им было уже не по пути, да это и понятно -слишком разными дорогами шли они по жизни и разными были их судьбы.

А когда крестьянское восстание было подавлено мятежный

вождь его уже находился в застенках Приказа тайных дел, выяснилось, что Каспулат Муцалович куда-то исчез, и некоторое время о его судьбе в Москве ничего не знали. Задавая вопрос «Где он?», царь надеялся, что Разин мог что-либо знать о нем.

Но вскоре князь объявился. Возможно, какое-то время он находился в Кабарде, не известив о своем отъезде воеводу Терской крепости, или же, что скорее всего, ходил походом на неприятелей. Тогда, не зная, куда он делся, встревоженный глава Терки и сообщил в Москву об исчезновении Черкасского, подозревая, что его могли убить разинцы, даже не предполагавшие о давнем знакомстве их атамана и Каспулата.

* * *

Оставил по себе память в русской истории родной племянник Григория Сунчалеевича и двоюродный брат Каспулата боярин Михаил Алегукович, приехавший с Терека на службу в Москву. Женой его была внучка князя Дмитрия Пожарского.

В декабре 1674 года он был назначен новгородским воеводой, а через пять лет, во время войны с Турцией и Крымом за Украину, шел во главе большого полка в Киев, чтобы совместно с Михаилом Долгоруким укрепить его и обезопасить от нападения врага. Летом того же семьдесят девятого года Михаил Алегукович разбил турецко-крымское войско на подступах к этому древнерусскому городу и отбросил с большими потерями.

Некоторое время он находился па посту казанского воеводы.

На протяжении веков государственные и военные должности в России занимали бояре и князья не по своим деловым качествам, уму и заслугам, а по родовитости. И часто на высоких постах оказывались люди, неспособные вести дело, за которое брались. А отступление от этого правила приводило к жестоким ссорам и кровавой вражде между именитыми царедворцами, кичившимися заслугами своих предков, но зачастую не имевшими никаких собственных. Только Иван Грозный позволял себе пренебрегать правилами местничества, но все последующие цари строго их придерживались. Это наносило большой вред и урон государству, так как в результате оказывалось, что умные и даровитые люди, не блиставшие своим свехаристократическим происхождением, не могли занимать должностей, соответствующих их способностям и знаниям. Местническая лестница раз и навсегда определяла порядок — кто за кем следует по «роду» и на

какой должности должен быть.

В январе 1682 года местничество, наконец, было упразднено. И Михаил Алегукович находился среди тех реально мыслящих и дальновидных военных и государственных деятелей России, кто выступал за его отмену. Так было навсегда уничтожено, по словам современника, «братоненавистное и любовь отгоняющее местничество».

В период борьбы Петра I со своей сестрой Софьей за престол Михаил Черкасский, верный сторонник молодого царя, стал одним из тех, кто превратил «потешные» батальоны, созданные для игр в войны, в регулярные полки современного строя. Именно эти полки - Семеновский и Преображенский, ставшие первыми частями новой русской армии, помогли Петру утвердить власть. С тех пор, и до конца своей жизни князь Михаил стоял очень близко к нему.

России крайне необходимо было выйти на просторы Черного моря, чтобы обезопасить государство с юга и успешно противостоять Османской империи в Крыму. Но для этого нужен был флот. Собирая силы для второго азовского похода, Петр приказал строить корабли не только за счет казны; согласно его указу, изданному в 1696 году, 52 судна предписывалось построить на свои средства боярам, дворянам, духовенству и посадским людям. Как видно из книги «Письма и бумаги императора Петра Великого», среди всех кораблей царь отметил «...3 корабля Избрантовы, Прозоровского и Черкасского, что наилучшее от всех кумпанских кораблей».

В начале марта 1697 года в Европу отправилось возглавляемое царем «великое посольство», одной из главных целей которого было укрепление связей с союзниками против турок. В его состав вошло до 250 человек, и вот что интересно - Петр взял тогда с собой и представителей некоторых народов, населявших Россию, чтобы показать иноземцам, насколько огромна его страна и кто в ней проживает. «Иногородцы», одетые в свои национальные костюмы, выглядели в глазах европейцев очень экзотично. Оказывается, что тогда с посольством отправились за границу и несколько черкесов - кабардинцев; их, по всей вероятности, подобрал Михаил Алегукович из своего

окружения. Поразительно то, чем они занимались при посещении царем столиц других стран: не стрельбой или борьбой, не джигитовкой или сабельной дуэлью, а... танцами. «Черкесы много забавляются танцами и умеют очень красиво танцевать,— писал в книге Николай Витсен, в то время бургомистр столицы Нидерландов Амстердама, - в тысяча шестьсот девяносто восьмом году, когда я был приглашен в Амстердаме к столу его величеством Петром Алексеевичем и удостоился царской чести по случаю большой победы, одержанной войсками его величества над турками и татарами около устья Дона, тогда я видел, как танцевали двое из этих людей [черкесы] почти полтора часа. Невозможно описать прыжки и быстрые изгибы тела, которые они делали; они исполняли танцем исполнение смертной казни, отрубанье головы, рук и ног, что на деле должно было само по себе иметь отвратительный вид; однако красивые прыжки, выгибания и тысяча быстрых движений тела под звуки инструмента придавали танцу и представлению приятность...»

После подавления стрелецкого мятежа летом 1698 года, ставившего целью свержение Петра I, все еще находившегося с посольством в Европе, приостановление начатых им в стране реформ и возведение на царствование Софьи, Черкасский стал одним из главных помощников царя в расследовании «дела о стрелецком бунте».

Насколько высоко ценил и уважал Петр своего близкого сподвижника, говорит и такой любопытный факт. По свидетельству историка С. М. Соловьева, приводимом им в «Истории России с древнейших времен», когда царь вернулся из-за границы в Москву и вскоре велел боярам и дворянам сбривать бороды, чтобы они своим обличем походили на европейцев, то оставил их лишь у двух человек — у самых почитаемых «стариков Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегукевича Черкасского».

В документах того времени сохранилась переписка Петра с Черкасским. Михаил Алегукевич неоднократно посылал ему поздравления с одержанными над шведами победами, к примеру, в связи со взятием Дерпта: «...Князь Михайло Черкасский... о сей настоящей победе вас... поздравляю и желаю, дабы и впредь та же всеильная десни-

ца божия вашему величеству над сим и над прочими неприятелями победу и благосчастливое одоление даровала...». Писал ему не раз и Петр.

Уезжая по делам из Москвы, царь неоднократно оставлял его своим доверенным лицом. «Воеводе быть князю Михаилу Алегукевичу, а товарищей прибрать ему по воле своей, кого и сколько захочет... правительствующим людям быть всем для совету с ним», - говорится в его распоряжении от 25 апреля 1707 года, когда ожидалось нападение войск Карла XII на столицу.

В последние годы жизни, находясь при дворе, окруженный особым вниманием Петра I, Черкасский в делах уже не участвовал. «Он отличался степенностью, приличной его пожилым летам, - находим мы в «Дневнике» современника Георга Корба,— ...и своей честностью... заслужил всеобщую любовь».

По одним сведениям Михаил Алегукевич умер в 1712 году, по другим — в 1721-м. В «Российской родословной книге» Петра Долгорукого указана последняя дата, взятая им из книги «...О Новоспасском монастыре», где дано описание надгробных плит захороненных здесь лиц, среди которых много Черкасских.

Об этом монастыре рассказывалось и в книге Николая Писарева «Утро в Новоспасском», вышедшей в Москве в 1841 году. В ней дата кончины Михаила указана тоже более поздняя: «Провидение вознаградило Черкасского... он дожил до славы великого сына Наталии, встречал Петра, шествовавшего с полем Полтавских, и умер, слушая залпы Нейштадского мира!»*

В исторических источниках сохранились сведения и о матери Михаила - Тауке Салтанбековне, жене Алегуки Сунчалеевича, жившей в Терской крепости. Эта умная женщина пользовалась известностью и уважением не только у себя на родине, о ней знали в Москве — отсюда не раз к ней обращались с поручениями. Как видно, и ее просьбы здесь исполнялись. Об этом можно судить по письму, отправленному «на Москву» в конце 1689 года. «От княгини Тауки Салтанбековны сыну моему князю

* Ништадтский мир заключен в 1721 г. после долгой войны между Россией и Швецией.

Михаилу Алегуковичу благословение. Буди, свет мой, здрав на многие лета со всем своим благодатным и праведным домом, - писала она. - А про меня захочешь ведать, и я в Терке, декабря в 15 день дал бог жива...» Сообщая о себе, княгиня просила сына походатайствовать «перед государем» о переводе на новое место терского дьяка Киприана Уланова, обратившегося к ней за содействием.

В следующем году Таука оказала помощь московскому дворянину Басову, посланному с правительственной грамотой к казакам-раскольникам, ушедшим на земли шамхала Тарковского и оттуда совершавшим разбойничьи нападения на терцев. Узнав о приезде посланника, беглые казаки сообщили, что убьют его, если он попытается проникнуть к ним. И угроза эта не была просто словами для острастки: за несколько месяцев до этого они зарубили на смерть стрелецкого голову, приехавшего к ним с посланием из Москвы.

Таука Салтанбековна с помощью своих людей - кабардинцев из Терской крепости помогла Басову встретиться с раскольниками и поговорить с их атаманом. Зная, что посланник находится под ее покровительством, а ссориться с влиятельной и сильной княгиней никто не хотел, казаки не тронули Басова, но и на его уговоры вернуться на Дон ответили категорическим отказом.

Своей разбойной жизни донцы не оставили и по-прежнему то и дело нападали с отрядами шамхала на русские и кабардинские поселения у Терека. Однажды верные люди донесли княгине Тауке, что те большим скопищем готовятся напасть на Терский город. Она немедленно сообщила об этом в Астрахань, откуда срочно прибыл стрелецовой голова Денис Сербин. 21 сентября 1692 года он уже известил астраханского воеводу, что «воровские казаки-раскольники сообща» разгромлены отрядом, собранным им на месте из кабардинцев — людей княгини Тауки и привлеченных ею окочан.

* * *

Сложной оказалась жизнь внука Михаила Алегуковича - Александра Андреевича. Судьба его с взлетами и резкими падениями была очень характерна для эпохи

дворцовых переворотов, происходивших в России в первой половине XVIII столетия.

Начал он службу в петровской армии с юных лет и в 1718 году, двадцати лет от роду, получил чин гвардии капитана, что приравнивалось к званию армейского полковника. Позже Черкасский был переведен на службу во дворец в звании камергера. С приходом к власти Анны Иоанновны его произвели в действительные статские советники*.

Молодой, привлекательной наружности и неглупый, прекрасно ориентированный в дворцовой обстановке, Александр довольно быстро стал продвигаться и на гражданской службе, обратив на себя внимание самой императрицы. Окружавшие его люди уже предсказывали ему большое будущее. Но вскоре в его жизни все вдруг неожиданно изменилось.

В правление Анны Иоанновны всеми делами при дворе вершил ее фаворит - курляндский немец, грубый и невежественный человек. Он увидел в князе Александре Черкасском деятеля, способного со временем отодвинуть его самого. И чтобы избавиться от возможного соперника, временщик в январе 1732 года удаляет его в почетную ссылку — губернатором Смоленска.

Вскоре по приезде на новое место князь, увлекшись шестнадцатилетней красавицей-полькой Анной Корсак, дочерью родовитого смоленского шляхтича, женится на ней.

Пост, на котором оказался теперь Черкасский, имел большое значение, так как город находился вблизи границы с Речью Посполитой, а с ней у России то и дело возникали осложнения. Став смоленским губернатором, Александр Андреевич не раз встречался с польскими дипломатами и доверенными лицами короля Августа II, участвовал в составе русских делегаций с ними в переговорах. Он хорошо разбирался в делах Речи Посполитой. 1 февраля 1733 года Август II умер, и началась борьба за «польское наследство». На престол Польши претендовали два человека — одного из них поддерживали Рос-

* Этот высокий гражданский чин относился к IV классу и приравнивался к званию генерал-майора.

сия и Австрия, другого - Франция. Когда верх стала одерживать противная сторона, российское правительство послало в Речь Посполиту войска, и королем был провозглашен Август Саксонский. Но борьба за «польское наследство» еще продолжалась.

Войска шли за границу через Смоленск, туда же поступали в первую очередь и все донесения об обстановке, о продвижении русских полков, действиях неприятеля. 15 октября 1733 года кабинет-министры правительства Анны Иоанновны, уже несколько дней не имевшие никаких известий о положении дел в Польше, спешно с нарочным направили в Смоленск письмо князю Черкасскому:

«Государь наш, князь Александр Андреевич!

...Ее императорскому величеству весьма необходимо частые и непрестанные иметь известия, в которых местах марширующие в Польше российские войска находятся и какие дела там происходят; того ради, через кого возможно, изволите, ваше сиятельство, об этом сообщать... в которых местах как кавалерия и инфантерия*, так и нерегулярные части под чьими командами маршируют, и в пути не имели ли какого препятствия, также в Литве и Польше нет ли каких собраний, и какие намерения противной стороны имеются, - и о том... рапортовать почасту.

И так пребываем вашего сиятельства покорные слуги
кабинет-министры Андрей Остерман,
князь Алексей Черкасский».

Но, видимо, не всегда вовремя и в точности исполнял приказы из Петербурга молодой губернатор, считая себя обиженным за отлучение от дворца. Об этом говорит и то, что на него однажды даже наложили «штраф за неприсылку рапортов». В это время в Петербурге и правительстве все сильнее становится засилье курляндцев из окружения Бирона, в стране усиливается произвол с многочисленными арестами, казнями и пытками за малейшее подозрение в неуваже-

нии к императрице, ее фавориту и их иноземному окружению. Процветали шпионаж и доносы. Среди военных и гражданских чинов росло недовольство этим положением. В числе таких людей был и Александр Андреевич, неосторожно высказавший кому-то вслух свои мысли.

Хмурым декабрьским днем 1733 года в Смоленск приехали из Петербурга агенты зловещей Тайной канцелярии с ордером на арест губернатора. В наглухо закрытой карете его доставили в столицу. Как оказалось, поводом для этого послужил донос бывшего камер-пажа Красно-Милашевича, выгнанного со службы за воровство и пьянство. В Тайной канцелярии Черкасскому было предъявлено обвинение в государственной измене, осуждении императрицы Анны и Бирона, в симпатиях к республиканскому, по тогдашним понятиям, строю Польши с выборностью королей на съездах шляхты, в осуждении введения войск на ее территорию и в заговоре с целью возведения на престол внука Петра I голштинского принца Карла-Петра-Ульриха, того самого, которого в 1761 году провозгласят императором Петром III. С ним князь Андрей был знаком и состоял в переписке. Принц Карл-Петр даже несколько раз предлагал ему приехать на службу в Голштинию. Вместе с бывшим камер-пажем вину губернатора доказывали его шурин шляхтич Семен Корсак, поручик Аршеневский и управляющий домом Александра Пребышевский.

Князя жестоко пытали. В истязаниях принимал участие сам глава Тайной канцелярии, «одна из самых гнуснейших фигур в истории XVIII века» - Ушаков. В результате бывший губернатор сознался даже в том, чего не было на самом деле, — ведь в обвинениях, предъявленных ему, многое не соответствовало действительности.

В конце марта тридцать четвертого года следственная комиссия вынесла решение - «князь Черкасский достоин смертной казни» за то, что, «забыв страх божий, присяжную свою должность... зело тяжкие и наиважнейшие изменнические и возмутительные умыслы бессовестно имел и оные в действо производить искал», с зарубежными лицами «изменническую корреспонденцию и пересылку содержал». А еще он обвинялся «во многих предер-

* Инфантерия — пехотные части.

зостях и непристойных словах» по отношению к императрице и герцогу курляндскому Бирону и за разговоры о том, что «теперь в России честным людям жить нельзя, кто получше, те пропадают очень скоро...»

Как видим, все, вменное Александру Андреевичу в вину, было столь тяжким, что мысленно он уже прощался с жизнью, выпросив у властей дозволение в последний раз повидаться с детьми и женой Анной Ивановной, сохранившей ему верность в столь тяжкие для него дни. В сговоре со своим братом она не участвовала. Супруга приехала к нему с двумя сыновьями - одному недавно исполнился год, а другому было всего несколько месяцев, родился он уже после ареста отца. Черкасский простился с женой и детьми.

А 16 ноября императрица издала манифест. В нем говорилось, что Александр Андреев сын Черкасский за все подлежит смертной казни, но «по природному своему милосердию» она указывает от казни его «освободить», но, лишив всех прав, званий, чинов, конфисковав все имущество и состояние, отправить «злоумышленника» на вечное поселение в Жиганское зимовье, находившееся на берегу реки Лены далеко севернее Якутска. А жить ему там под самым строгим караулом - «не допуская к нему никого».

Под усиленной охраной, в цепях бывшего губернатора отвезли в Якутию, где он и должен был провести всю свою жизнь. В Жиганске его заключили в тюрьму в «самом крепком аресте» (к нему не допускали даже священника).

В таких тяжких условиях — лютые сибирские морозы зимой и тяжелые, смрадные болотные испарения летом, когда на людей набрасывались мириады кровососущего гнуса, - провел Черкасский пять лет, хлебнув в полной мере горькую чашу испытаний, выпавших на его долю.

А в конце 1739 года доносчик Красно-Милашевич, приговоренный за совершенное им преступление к смертной казни, на исповеди сознался, что во многом «возвел навет» на смоленского губернатора по причине своей любви к «девице Анне Корсак», отдавшей предпочтение не ему, а Черкасскому. И что будто бы князь из-за ревности к ней выслал его из Смоленска.

В указе Сената от 25 февраля 1740 года, еще при жизни Анны Иоанновны, говорилось о помиловании бывшего губернатора и что императрица «для нынешнего мирного торжества в вине его простила и указала из Сибири его освободить». Жить Черкасскому предписывалось в деревнях, возвращаемых ему, но без права выезда.

Он вернулся сорокадвухлетним, еще крепким и не сломленным тяжелой ссылкой человеком, встретился с женой, ждавшей его все это время, и стал жить в своих имениях.

Умерла Анна Иоанновна, свергли и отправили в ссылку ненавистного Бирона. У власти стала дочь Петра Елизавета, с особым вниманием относившаяся ко всем, кто служил под началом ее отца. Через несколько дней императрица во дворце принимала Александра Андреевича. Она увидела высокого, статного, еще молодого, но белого как лунь мужчину в гвардейском мундире петровских времен. Здесь же, в приемном зале, Елизавета объявила, что князь Черкасский восстанавливается во всех правах, производится в звание генерал-поручика и награждается орденом Александра Невского, вторым по значимости в России, учрежденным Петром I в честь победы над шведами. Участником этой войны был и Александр.

Он стал выполнять дипломатические поручения правительства в европейских странах и несколько лет провел с семьей в Вене. Но годы тяжелой сибирской ссылки не прошли бесследно. Александра Андреевича начали одолевать болезни, и он вернулся в Петербург, получив чин тайного советника.

Черкасский скончался 1 февраля 1749 года. Жена его Анна Ивановна пережила мужа более чем на тридцать лет. Оставшись с малолетними детьми, она вскоре уехала с ними в Вену, где ее хорошо знали при императорском дворе. Там она и прожила долгие годы.

После возвращения Александра из Сибири у Черкасских родилось еще четверо детей. Самая младшая из них - дочь Варвара, правнучка Михаила Алегукевича, выйдет замуж за Николая Никитича Трубецкого, внука Елены Григорьевны Черкасской.

Муж Варвары Александровны, действительный тайный советник, занимался и литературой. Он был хорошо знаком с Николаем Ивановичем Новиковым, писателем, журналистом, просветителем, известным своим «вольнодумством», обличением крепостного права и произвола

помещиков. Вместе с ним и Иваном Тургеневым - писателем, будущим директором Московского университета, Трубецкой стал видным членом общества «мартинистов», близкого к масонству. Это религиозно-мистическое движение, проникшее в Россию из Европы, призывало людей к «нравственному самосовершенствованию» и объединению «на началах братской любви». Угрозы для строя в масонских ложах не было. Но Екатерина II запретила их. Ведь в них проповедовалось равенство людей всех сословий. И, хотя они объединяли только людей высшего круга, императрица усмотрела во всем этом тяжкую крамолу и посягательство на устои власти.

Новиков, по ее приказу, без суда был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, наказание понесли и другие близкие к нему люди. Николай Трубецкой был выслан под строгий надзор полиции в глухую деревню Воронежской губернии без права выезда, где и находился четыре года, до смерти Екатерины II. Вместе с ним в ссылку отправилась жена Варвара Александровна. «Привыкнув к роскошной жизни, рожденная в Вене, где она вращалась в высшем кругу, она твердо переносила все несчастия и бедствия ссылки. Будучи лишена всего состояния, благодаря осуждению князя, она ни разу не пожалела о прошлом и вполне довольствовалась небольшой пенсией, уделяемой ей и мужу его родными»- так характеризовали эту женщину знавшие ее люди.

* * *

Другой внук Михаила Алегукевича и двоюродный брат Александра Андреевича - Петр Борисович начал свою службу в армии тоже при Петре I.

В войне с Турцией, начавшейся в 1735 году, он участвовал в звании полковника. Следующей весной тридцатипяти тысячная армия под командованием фельдмаршала Миниха выступила в поход на Крым и шла по тем же самым местам, где шестьдесят лет тому назад проходил с конниками Каспулат Муцалович. В ее составе командиром драгунского полка находился Петр Черкасский,

даже не знавший о том, что идет по следам своего лихого троюродного дяди, наводившего когда-то ужас на крымцев.

Прорвавшись через Перекоп, русские полки и корпуса устремились в глубь полуострова и в июне захватили столицу Гиреев — Бахчисарай. Во главе отряда кавалерии полковник Черкасский вступил в горящий город и, вытесняя из узких улочек ожесточенно сражавшихся татар, пробился к брошенному ханом Селямет-Гиреем дворцу. Последним очагом сопротивления в Хан-Сарае стала соборная мечеть, где засело более четырехсот турецких янычар и татар, не желавших сдаваться и отвечавших бранью и шквалом ружейного огня на все предложения о капитуляции. Но вскоре, когда подошедшие на помощь драгунам гренандеры забросали противника гранатами и мечеть загорелась, осажденные с обнаженными саблями и ятаганами ринулись на прорыв. Со шпагой в руке Петр Борисович бросился навстречу врагу, увлекая за собой сражавшихся в пешем строю кавалеристов и пехотинцев. На площади перед мечетью в смертельной схватке сплелись русские, татары, турки. Стоны и крики ярости, звон сабель, грохот пистолетных и ружейных выстрелов, крики «ура!» и «алла!» стояли над объатым пламенем и окутанным дымом ханским дворцом.

Через час с противником было покончено, и бой затих. Лишь несколько взятых в плен татар стояли перед победителями, остальные усеяли своими телами мечетную площадь. Среди убитых во множестве виднелись синие и зеленые, залитые кровью мундиры драгун и гренандер.

Еще не остывший от горячки ожесточенного боя, Черкасский осматривал с офицерами своего полка знаменитый, полный тайн ханский дворец, состоявший из многих сотен комнат, украшенных в восточном стиле коврами, цветной мозаикой, витиеватой резьбой по камню и дереву, сплетенной в сложные геометрические фигуры и арабские надписи. Побывали русские воины и в самой сокровенной части Хан-Сарая - гареме, сокрытом до этого под страхом смерти от всякого постороннего глаза. Но сейчас в его семидесяти трех комнатах было тихо, безлюдно, и в

живописных, выложенных белым мрамором бассейнах не плескались под звуки улаждающей слух музыки ханские жены и наложницы-одалиски, которых у Селямет-Гирея, как и у всех крымских правителей, имелось множество, и среди них захваченные во время набегов или купленные на невольничьих рынках черкешенки, кабардинки, грузинки. Перед самым падением Бахчисарая всех обитательниц гарема успели вывезти в Кафу, куда отошли и оставшиеся после боев татарские войска.

А вскоре полковник во главе драгун шел на штурм крепости Гёзлев (Евпатория). Тогда в ожесточенном бою да улицах города он был тяжело ранен ударом ятагана в единоборстве с группой янычар.

Но успешное наступление, героизм русских солдат и офицеров сводились на нет неуверенными действиями командующего, вдруг отдавшего приказ об отходе из Крыма к Днепру. Он опасался, что возвращавшиеся после набега на Закавказье основные силы крымских татар, направлявшиеся теперь к Перекопу, могут запереть войско в Крыму и уничтожить его. Требовалось срочно занять весь полуостров, и это спасло бы положение и закрепило победу, но армия уже начала поспешное отступление.

В начавшуюся сильную жару полки и дивизии отходили безводными северокрымскими степями, терпя острый недостаток в продовольствии и фураже. А ведь с ними находилось несколько тысяч раненых, испытывавших невыносимые мучения при переездах по бездорожью, без воды, под палящими лучами жгучего солнца. Смертность среди них была огромной, как и вообще тогда после всех сражений. Полковые лекари не могли оказывать помощь большинству тяжелораненых при тогдашнем уровне медицинских знаний и возможностях лечения в полевых условиях. Все эти муки вынес в те дни и Петр Борисович, оставшийся в живых лишь благодаря неустанному уходу верных драгун.

А следующим летом Черкасский вновь в боях. Армия вторично пошла на Крым. И князь Петр, теперь уже в звании бригадира*, командуя тремя полками, опять шел по тем же местам. Российские дивизии и корпуса перешли ночной порой гнилой Сиваш и оказались в тылу врага за Перекопским перешейком. Сбив его передовые заставы, они устремились на юг к Бахчисараю. А в степи на их пути во многих местах лежали выжженные солнцем и отполированные жгучими ветрами человеческие и конские костяки да возвышались сотни надмогильных, холмиков. Это были еще ясно видимые следы прошлогоднего наступления и отхода армии.

В двух крупных сражениях ханское войско понесло тяжелый урон. Но основная часть его полчищ сохранилась и через три дня вместе с высадившимися с моря турками выступила навстречу русским. Армия, развернутая на степных просторах Крыма, оказалась в очень невыгодных условиях перед намного превосходящими силами неприятеля. К тому же из-за жары, безводья и отсутствия корма начался падеж коней, что могло крайне плачевно для нее закончиться. И снова отход на север, к Днепру.

В тяжелых арьергардных боях два полка драгун и полк гренадер, возглавляемые бригадиром Черкасским, с трудом сдерживали напор турок и крымцев, чтобы дать кор-

* Бригадир - в русской армии военный чин рангом выше полковника, упраздненный Павлом I в конце XVIII в.

пусам возможность отвести все обозы, артиллерию и многочисленных раненых. Несколько дней, не слезая с седла, провел Петр Борисович в непрерывных тяжелых схватках с врагом. Под ним убило трех коней, треуголка сто была прострелена, а на синем поле кавалерийского мундира ржавыми пятнами проступала запекшаяся кровь от пулевых и сабельных ранений. Правда, на этот раз они оказались не столь тяжелыми, что и дало ему возможность остаться в строю и выполнить поставленную перед ним задачу.

При Елизавете Петровне Черкасский был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Александра Невского. В сентябре 1753 года он стал генерал-поручиком, одновременно ему было дано звание конной гвардии подполковника, в то время как императрица считалась гвардейским полковником. Тогда же Елизавета своим указом назначила Петра Борисовича губернатором Москвы.

В конце 1761 года дочь Петра умирает и престол занимает его внук - голштинский принц Карл-Петр-Ульрих, провозглашенный императором Петром III. Новый правитель России, ограниченный и невоспитанный человек, любитель выпивок и карточной игры, волей случая оказался во главе великой страны. Он считал своим кумиром битого русской армией короля Пруссии Фридриха II и стал вводить в войсках прусские порядки и плацпарадную муштру, а заключив мир с ним, свел на нет все блистательные победы России в Семилетней войне.

Многие патриотически настроенные военные в ту пору уходили из армии, не желая принимать унижительных «нововведений». Несмотря на то, что Петр III присвоил Черкасскому звание генерал-аншефа*, он тоже подаст в отставку.

Вскоре голштинца свергли. Но Петр Борисович уже не смог вернуться на службу - все чаще давали знать о себе многочисленные раны. Последние годы старый заслуженный генерал, участник многих сражений жил в своем имении, где в августе 1768 года и скончался. Женат

* Генерал-аншеф — полное генеральское звание, введённое Петром I. В 1797—1798 гг. заменено званием генерала рода войск.

он был на графине Екатерине Петровне Апраксиной - дочери известного деятеля эпохи Петра I, сенатора, президента юстиц-коллегии.

* * *

От петровского сподвижника - Михаила Алегуковича вел свое происхождение и Владимир Александрович Черкасский, праправнук генерал-поручика Александра Андреевича, сосланного когда-то в Сибирь.

У отставного гвардейского офицера Александра Александровича* и его жены Варвары Семеновны, живших в Чернском уезде Тульской губернии, было четверо сыновей — Константин, Евгений, Ипполит, Владимир и дочь Софья.

В 1840 году шестнадцатилетний Владимир поступил на юридический факультет Московского университета, проявив раннюю зрелость ума и самостоятельность суждений.

В сорок четвертом, оканчивая университет, он был награжден серебряной медалью за свою работу «Очерк истории сельского сословия в России». Черкасский готовил себя к научной работе. Планы эти не осуществились - он обратил свои познания и целеустремленность в другом направлении. Как отмечали современники, «по своему уму и образованию князь мог бы составить себе блистательную карьеру. Но подобное честолюбие не пленяло его». Друг Владимира Александровича известный в то время публицист и писатель Иван Сергеевич Аксаков писал о нем: «...честолюбие князя Черкасского было несколько иного разряда: честолюбие — силы, себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь».

В сороковые-пятидесятые годы он посвятил себя пристальному изучению положения крестьян в России и выработке всевозможных проектов их освобождения от позорной крепостной зависимости. По свидетельству «Советской исторической энциклопедии», Черкасский «стоял на либеральных позициях, являясь сторонником наделения крестьян землей».

* Он скончался около 1834 г.

После женитьбы в 1850 году на Екатерине Алексеевне Васильчиковой он часто бывал и по нескольку месяцев жил в Москве, став своим человеком в знаменитом салоне Елагиной, где собирались для бесед и жарких споров писатели, журналисты, философы, общественные деятели.

Здесь Владимир Александрович встречался с братьями Киреевскими - философом Иваном и собирателем русского фольклора Петром, историком-просветителем профессором Московского университета Тимофеем Грановским, поэтом, публицистом и основателем общества славянофилов Алексеем Хомяковым, писателями и общественными деятелями братьями Иваном и Константином Аксаковыми - сыновьями известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Эти люди стояли за реформы в стране, за отмену крепостного права, правда, «сверху», со стороны правительства. Ведь почти все они, как и Черкасский, оставались прежде всего буржуазными либералами, но роль их в общественной жизни того времени была очень значительной.

Там же, в елагинском салоне, Владимир познакомился с Гоголем.

В период, предшествовавший реформе по отмене крепостного права, Черкасскому и его либеральным проектам наделения крестьян землей пришлось выдержать множество нападок и оскорблений со стороны реакционных помещиков, пытавшихся даже поставить вопрос о его исключении из числа дворян Тульской губернии. «Меня аристократы ругают ужасно, - писал он в одном из писем, - так что я браним со всех сторон. Впрочем, мне все равно...»

Резкий, язвительный в спорах со своими противниками, блестяще подготовленный и эрудированный, Владимир Александрович умел отстаивать собственное мнение и доказывать правильность своих взглядов и позиций. У него появилось много врагов и недоброжелателей. В «Русском биографическом словаре» мы читаем: «...князь, хотя все еще в маленьких чинах, является... не только по роду, но и по положению видною особой, влиятельным лицом, любимым гостем общества. Колкий, блестящий ум,

бойкий спор, остроумная находчивость и всем доступная любезность обращения очаровывали всех везде, где бы он ни появлялся. Он читал массу книг, долго за полночь, преимущественно французских и немецких... углублялся в газеты, делал визиты и очень много сидел, чем повредил свое здоровье».

В 1859 году товарищ министра внутренних дел России Николай Алексеевич Милютин, фактический руководитель работ по подготовке реформы по отмене крепостного права, пригласил Черкасского, в то время члена Тульского губернского комитета по устройству быта крестьян, и его друга и единомышленника, историка, публициста Юрия Федоровича Самарина в Петербург. Он предложил им войти в состав членов-экспертов Редакционных комиссий, готовивших окончательный проект закона по освобождению крестьян. В пятом томе «Истории СССР» (издания 1968 года) говорится, что в их работе в противовес крепостническим точкам зрения возобладало влияние «более прогрессивных деятелей реформы», «особенно крупную роль сыграли при этом либерально настроенные славянофилы Ю. Ф. Самарин и В. А. Черкасский».

Несколько лет после этого Владимир Александрович находился в должности главного директора правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, занимаясь и здесь крестьянским вопросом. В конце шестидесятых годов он занял пост московского городского головы, став активным участником проведения городской реформы в России. В 1870-м Черкасский на имя Александра II направил адрес с предложением дальнейшей либерализации духовной и общественной жизни в стране, но министр внутренних дел отказался представить документ царю, заявив, что написан он «в неуместной и неприличной форме». Городской голова подал прошение об отставке. Внешне это был человек среднего роста, склонный к некоторой полноте, темноволосый, с удивительно пронизательными, искрящимися за стеклами очков глазами, носивший густые черные усы, должны, как видно, скрадывать его крупный породистый нос. Внутренне же, образованнейший и всесторонне развитый, Черкасский был близок с писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым,

врачом Николаем Ивановичем Пироговым, композитором и пианистом Антоном Рубинштейном, поэтом Яковом Полонским, историками и общественными деятелями Константином Кавелиным и Борисом Чичериным. Им он родственен по духу, складу ума и воззрениям. Владимира Александровича интересовали политические проблемы. Он опубликовал на страницах журнала «Русская беседа» целый ряд содержательных статей о внешней политике России, Англии, Франции, Турции, уделяя особое внимание «турецкому вопросу», а значит, и свободе от многовекового османского ига народов Болгарии, Югославии, Румынии, Греции.

В семидесятых годах Черкасский побывал в Италии и Франции. С сожалением и разочарованием писал он из Флоренции Юрию Самарину: «...Я убедился... что я для света отяжелел, что в мире людская память меня покинула даже в кругу моих прежних *присных*; что сам я утратил способность и случай сближения с более молодым поколением. Остается примириться с этим положением, научиться оставаться чуждым тому движению - разумному или неразумному, которое совершается вокруг тебя, и доживать свой век, как можно скорее». В это время ему было пятьдесят два года.

Но рано еще хоронил себя «этот государственный и общественный деятель», по оценке советских исторических изданий. Ему еще предстояло проявить себя на новом благородном поприще.

В апреле 1877 года Россия начала войну с Турцией за освобождение братских славянских народов Балканского полуострова от ига Османской империи. Владимир Александрович, и ранее проявлявший большой интерес и сочувствие к борьбе болгар и югославских народов за свою свободу, не мог остаться в стороне. Он обратился к военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину, высокообразованному генералу, с просьбой дать ему возможность «быть при госпиталях армии». Зная об уме, организаторских способностях, деловитости и честности Черкасского, Милютин предложил ему должность уполномоченного при действующей армии от Центрального управления общества Красного Креста России. На него возлагалась задача всеми возможными средствами помогать укомплектованию госпиталей медицинским персоналом, способствовать размещению многочисленных сумм, поступавших от Славянских комитетов солидарности на излечение раненых и больных воинов и в помощь болгарам.

А вскоре военным министром он был назначен на очень важный и ответственный пост заведующего гражданской частью при главнокомандующем русской армией в Болгарии. Черкасскому поручалось создание Временного

гражданского управления на освобождаемой от турок болгарской территории.

Из Петербурга он сначала отправился в Кишинев в главную квартиру командования, а через несколько месяцев — в город Тырново, где и разместил свою немногочисленную канцелярию гражданской части. Необходимо было предпринимать срочные меры по налаживанию нормальной жизни болгар, вынесших столько ужасов во время османского господства, да кроме того, в результате военных действий сотни тысяч их оказались без крова и куска хлеба — отступавшие турецкие войска сжигали селения, уничтожали запасы продовольствия.

Заведующий гражданской частью вместе с небольшим штатом и привлеченными болгарскими создает временные законы для управления на освобожденной территории, в которых давался «широкий простор самоуправлению городскому, сельскому и земскому» применительно «к потребностям болгарской автономии». Конечно, тогда что-то принималось наспех, не все могло быть приемлемым, встречались ошибочные идеи, но в главном гуманный и благородный труд Черкасского имел большое значение.

В то время, когда русские солдаты совместно с болгарскими ополченцами геройски сражались под Плевной, на Шипке и в других местах Болгарии, Владимир Александрович все свои силы отдавал тому, чтобы наладить жизнь в тылу — организовать лечение больных и раненых, разместить и обеспечить питанием болгарских беженцев. Гражданская часть создавала приюты для детей и стариков, открывала женские мастерские. То там, то здесь вспыхивали очаги эпидемии тифа, и их надо было немедленно гасить.

Черкасский постоянно находился в разъездах, выполняя еще задание по сбору запасов продовольствия армии, для перевозки которого создает, по просьбе командования, транспортные команды из болгар.

Он принимал деятельное участие в организации дружин болгарского ополчения. По его предложению в тылу создавались из местного населения отряды для охраны порядка.

Владимир Александрович по роду своей многосторонней деятельности встречался с популярными в армии ге-

нералами Скобелевым, Гурко, Столетовым, Драгомировым. Может быть, кто-то из них, подарив ему кинжал, и посоветовал в той обстановке сменить штатское платье на черкеску с папахой, чтобы выглядеть должным образом, согласно своему положению при ставке главнокомандующего. И он, по сути дела ставший тогда военным, с полным правом облачился в черкеску, принятую в России как форма казачьих частей, любимую многими офицерами и в других родах войск*.

...Там, в Болгарии, Черкасский вновь встретился с баронессой Юлией Вревской (молодой вдовой генерала, погибшего на Кавказской войне). Впервые его познакомили с ней в 1876 году в Париже на вечере, устроенном знаменитой певицей Полиной Виардо, где присутствовали ее друг Иван Сергеевич Тургенев и Виктор Гюго. Среди гостей находилась и баронесса, придворная дама, считавшаяся одной из первых красавиц Петербурга, но выгодно отличавшаяся от большинства женщин своего круга умом и серьезностью. Владимир Александрович запомнил ее и заметил, как не сводили с нее восторженных глаз Тургенев и Гюго.

Затем они увиделись в Кишиневе в апреле семьдесят седьмого года, куда Вревская приехала со свитой Александра II, прибывшего для объявления войскам Дунайской армии о начале боевых действий против Турции. Тогда Юлия Петровна и рассказала Черкасскому, что решила стать сестрой милосердия и отправиться на фронт в Болгарию. Он хорошо понимал это стремление, но, конечно же, не знал, что очень большую роль в том сыграло ее чувство к болгарскому патриоту Стефану Грозеву.

Из Кишинева Вревская отправила письмо Тургеневу в Париж, известив о своем намерении, а также о том, что в Молдавии при главной квартире командования находится его «приятель Черкасский».

Вернувшись в Петербург, Юлия получила ответ от Ивана Сергеевича: «...Желаю, чтобы подвиг Ваш не оказался непосильным для Вас и чтобы это не сказалось на

*** Черкасский в это время имел чин действительного статского советника, совпадающий со званием генерал-майора.**

Вашем здоровье. Приехать в Кишинев к своему приятелю Черкасскому? Нет... Я хотел бы верить, что эта ужасная война не будет продолжительной. Но едва ли можно надеяться на ее скорый конец...»

Слякотной, дождливой осенью встретит ее Черкасский на болгарской земле в одном из госпиталей среди крови, раненых и мертвых. И он низко склонит свою голову перед этой женщиной, одетой в скромное платье сестры милосердия. С того дня Владимир Александрович будет постоянно интересоваться, где Вревская и что с ней.

В главной квартире заведующий гражданской частью не всегда находил понимание и помощь. И здесь появились у него недоброжелатели. Бездарные военные, зарабатывавшие себе чины, невзлюбили его за прямоту, независимость и резкость суждений при отстаивании своих требований, касавшихся нужд армии и болгарского населения.

Из Москвы в конце 1877 года жена ему писала, что его девятилетняя мать очень «хочет увидеть перед смертью своего Володеньку». Все хуже становилось у него со здоровьем, вконец подорванным в последние месяцы, ко всему добавилась еще и малярия. Черкасский стал подумывать об отпуске и поездке домой, «к себе в Чернышевский переулок».

10 декабря, после многомесячной осады, пала Плевна. Русская армия в разгар зимы двинулась через Балканский хребет в южную Болгарию. Ни о каком отпуске, конечно, он думать уже не мог: его ждали новые освобожденные болгарские города и села, где предстояло наводить порядок.

Вместе с наступавшими полками Владимир Александрович идет через горы пешком, пробираясь по глубокому, по пояс, снегу, стараясь держаться из последних сил и подбадривая других. 1-е января 1878 года он встретил в пути. В южной Болгарии, как и на севере страны, предстояло все начинать сначала.

В Адрианополе у него обострилась малярия. Врачи советуют ему серьезно лечиться, но Черкасский отказывается - слишком много у него дел. «Дел — гибель, не успеваешь за ними, - писал он 31 января брату Евге-

нию*, самому близкому тогда для него, кроме жены и матери, человеку, — истомился страшно, состарился и похудел. Думаю, когда-то господь сжалится надо мною и даст мне увидеть свою семью и свой дом...»

Через день, 2 февраля, ему исполнилось пятьдесят четыре года. Лежа в постели из-за плохого самочувствия, Владимир Александрович занимался делами, принимал с докладами, читал и диктовал письма. Прошла еще неделя. 7 февраля он узнал горькую, поразившую его весть: в лазарете, расположенном в селе Бяла на правом фланге фронта, умерла от сыпного тифа сестра милосердия баронесса Юлия Вревская. К вечеру ему стало хуже — врачи высказали мнение, что произошло легкое кровоизлияние. Ему предписали строжайший покой.

Но тяжелобольным, вопреки всем предостережениям, князь выезжает поездом в Сан-Стефано к главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с проектом «учреждения высшего управления Болгарии».

Он прибыл в городок, лежащий под Константинополем (Стамбулом). Русские войска остановились вблизи столицы Османской империи после демаршей Англии. В Сан-Стефано все готовилось для начала переговоров о подписании мирного договора между Россией и Турцией, признавшей право свободы для Болгарии.

Главнокомандующий, занятый смотром полков для парада, не принял его в тот день. Встретились они 18 февраля. Черкасский, с трудом держась на ногах, доложил о всех своих планах и проектах. Вернувшись к себе, он еще несколько часов занимался бумагами, внося коррективы в доклады, а вечером потерял сознание. Когда пришел в себя, говорить уже не мог — отнялся язык. В половине шестого утра 19 февраля (3 марта по новому стилю), в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, Владимир Александрович скончался.

Гроб с телом Черкасского в сопровождении почетного эскорта офицеров был перенесен на пароход, отплывавший в Одессу, а оттуда перевезен в Москву. 15 марта в церкви

*** К тому времени уже не было в живых Ипполита — офицера, погибшего в Чечне, Константина и Софьи, скончавшихся в пятидесятых годах. Детей у В. А. Черкасского не было.**

Московского университета, давшего ему путь в самостоятельную жизнь, состоялось отпевание покойного. В тот же день его похоронили в Даниловом монастыре рядом с могилами близких ему людей - Гоголя*, Самарина, Хомякова.

«На русских костях стала Болгария... и во главе вновь созижденного гражданского строя лег сам *строитель* — князь В. А. Черкасский...», — писал с болью в те дни его друг писатель, вице-председатель Московского славянского комитета Иван Сергеевич Аксаков.

«...Черкасский отличался вообще теми качествами и пороками, которые свойственны людям дела, — говорилось в сообщении о его смерти, напечатанном в одной из газет России, - людям, призванным судьбой изменять и исправлять закоренелый строй современных им обществ».

...200 тысяч солдат и офицеров — убитыми, замерзшими, умершими от болезней и ранеными - потеряла русская армия в боях за освобождение Болгарии от османского ига. И думается, что среди тех, кто пал там, по праву должно стоять и имя Владимира Черкасского, скончавшегося на своем посту вдали от родины.

Зная, как бережно хранят в Болгарии память об освободителях, я не раз спрашивал себя, помнят ли болгары об этом человеке. И однажды, найдя адрес Национального военно-исторического музея в Софии, написал туда письмо. Прошло два месяца, и вот почта принесла мне ответ:

«Уважаемый другарю Опрышко!

В ответ на Ваше письмо Вы уведомляете, что Национальный военно-исторический музей не располагает документами о деятельности В. А. Черкасского. В нашем музее хранится его кинжал.

Данные о деятельности известного у нас Владимира Александровича Черкасского находятся в следующих книгах и описаниях болгарских и русских авторов [далее дается список из одиннадцати названий книг и статей]...

*** В тридцатые годы нашего времени прах Н. В. Гоголя был перенесен на Новодевичье кладбище.**

Значительный архивный материал Временного русского управления хранится в фонде «Восточная Румелия» в Народной библиотеке «Ив. Вазов» в городе Пловдиве...

Вследствие преступного отношения бывшей монархо-фашистской власти было уничтожено в свое время много исторических документов и архив Временного русского управления (одна часть от того, который ныне хранится в СССР).

Вот те сведения и исторические материалы, которые мы можем сообщить в связи с деятельностью В. А. Черкасского.

Начальник Национального военно-исторического музея полковник, доцент Ст. Пенков.

26.10.1978 г.»

* * *

Судьбы людские... Поистине не перестаешь удивляться их многообразию и несхожести, тому, как много вобрали они в себя от эпох, веков и событий, через которые проходили. И снова я вспоминаю слова Константина Михайловича Симонова: «История - это не только концепции и даты. История — это люди, это характеры, это бесчисленные необыкновенные происшествия и необычайные подробности. История - это удивительная цепь событий...»

И вот мой рассказ еще об одном представителе из кабардинского рода Черкасских. Повествование пойдет не о военачальнике, прославившем себя на поле боя, и не о государственном деятеле, а о женщине, чье имя вписано в историю русского оперного искусства. Мария Черкасская родилась в 1876 году в Петербурге (седьмое поколение от Михаила Алегукевича и пятое от московского губернатора генерал-аншефа Петра Борисовича). Владимир Александрович, умерший в Болгарии, и ее отец приходились один другому пятиюродными братьями. В шестнадцать лет она стала воспитанницей Смольного института благородных девиц. И, конечно, ее родители, уже не имевшие никаких состояний и богатств, но помня о своем княжеском происхождении, предполагали, что дочь их, получив хорошее воспитание и усвоив светские

манеры, выйдет замуж за высокородного военного или чиновника и проживет жизнью женщин своего круга.

Но все сложилось иначе: последняя княжна Черкасская (как тут не вспомнить, что и первую, за три с половиной века до этого, звали тоже Марией) избрала себе в жизни совершенно иной путь. Преступив сословные предрассудки и представления, она стала артисткой.

Выступая в Смольном институте в дни торжеств, Мария выделялась среди его воспитанниц своим красивым и мелодичным голосом. Услышав ее однажды, главный дирижер-капельмейстер петербургского Мариинского театра* композитор Эдуард Францевич Направник предложил ей выступить на одном из вокальных конкурсов, проводимых для пополнения оперной труппы способными молодыми певцами.

Преподаватели и музыканты настойчиво говорили — ее призвание в пении. Но решиться на это было трудно, да и родители категорически высказались против. В 1896-м Черкасская окончила институт благородных девиц. Теперь она — невеста на выданье из родовитой семьи, с великосветскими манерами и образованием. Уже были и выгодные предложения на замужество, и надо решать, как поступить: выходить ли замуж или же все-таки попытаться...

И она решилась: осенью девяносто седьмого года Мария приняла участие в вокальном конкурсе в Мариинском театре и оказалась одной из лучших. Дирекция пригласила ее на учебу с выплатой стипендии. Так Черкасская стала обучаться оперному искусству в стенах ведущего театра России, где выступали известные мастера русской оперы. Педагогами ее были Медея Фигнер, Евгения Мравина и Мария Славина. Они видели, что их ученица действительно способна и ее ждет путь на большую сцену. Да и сама Мария Борисовна ни о чем другом думать уже не могла — пение стало для нее главным в жизни.

28 апреля 1900 года состоялся дебют Черкасской в Мариинском театре, где ей сразу же поручили выступить в ведущей партии — Татьяны в опере Чайковского «Евгений Онегин».

* Ныне Ленинградский академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова.

Дирекция театра заключила с ней первый контракт «с 1 сентября 1900 года по 1 сентября 1903 года в качестве певицы сопрано на первые и вторые партии в операх».

На театральных афишах Петербурга среди артистов - исполнителей главных ролей в операх теперь стояло и ее, несколько измененное, как тогда было принято, имя - Марианна Черкасская. А через год певицу направили па три месяца в Италию «для профессионального усовершенствования» — ведь итальянская оперная школа тогда считалась лучшей в мире.

Выступая в Мариинском театре, Мария хорошо знала главного дирижера Эдуарда Направника, считая его своим «крестным отцом», — это он когда-то дал ей совет идти на сцену. В его опере «Дубровский» Черкасская исполняла роль Маши Троекуровой. Добрым ее знакомым стал и другой чех, известный певец (бас) Йосеф, или, как все его звали. Осип Осипович Палечек. До приезда в Россию в 1870 году он являлся ведущим артистом Пражского театра и соратником создателя чешской оперы Бедржиха Сметаны. В Мариинском театре Палечек пел с успехом, позже он стал режиссером и педагогом. Большинство опер, шедших в то время на сцене театра, ставились им - «заведующим сценической постановкой опер».

Марию Борисовну знакомят с его сыном - Николаем Палечком, чиновником одного из учреждений, носившим невысокое звание коллежского асессора. Молодой человек оказался образованным, приятным в общении, внимательным и добрым. И когда в 1903 году он сделал предложение княжне Черкасской (о своем титуле никогда не упоминавшей, да для театра это и не имело значения - для всех ее товарищей по сцене она была прежде всего артисткой, своим трудом зарабатывающей на жизнь), Мария Борисовна дала согласие. Летом состоялась их свадьба.

Потомок брата Темрюка кабардинца Желегота — Мария стала женой чеха. У них родилось двое детей — сын в 1904-м, названный в честь отца Николаем, и дочь — в 1905-м, ей дали имя Мария и родовую фамилию матери - Черкасская.

Через каждые два-три года дирекция театра возобновляла контракты с Марией Борисовной. От сезона к сезону, от спектакля к спектаклю она все более совершенствовалась «выразительность своего исполнения, причем звук голоса приобретал все большую полноту и силу». Артистка много и упорно работала над собой и, как скажет критик Старк, «не только над музыкальной стороной роли, добиваясь большей и большей яркости речи, все более и более тонких оттенков, но и над драматической ее стороной, над четкостью пластического образа».

Она исполняла ведущие партии в операх, выступление в которых под силу только большим мастерам. Черкасская - Татьяна в опере Чайковского «Евгений Онегин»,

Феврония — в «Сказании о невидимом граде Китеже и деде Февронии» Римского-Корсакова, француженка Валентина, дочь графа-католика, полюбившая протестанта, в «Гугенотах» Мейербергера, испанка Леонора, самоотверженная и отважная жена политического узника в опере «Фиделио» Бетховена, крепостная польская девушка с трагической судьбой в «Гальке» Монюшко, хитроумная французская графиня Розина в «Свадьбе Фигаро» Моцарта... Творческий размах ее был широк, певица замечательна во всех партиях, с успехом играя женщин разных эпох и народов.

О ней писала пресса, имя артистки уже вошло в «Большую энциклопедию». Вот какая оценка давалась ей в двадцатом томе, изданном в 1905 году в Петербурге: «Черкасская Мария, княжна, певица... состоит в оперной труппе Мариинского театра, успешно исполняет партии лирического сопрано. Голос артистки мягок, звучен, выделяется обширностью диапазона, а пение художественной фразировкой».

Ей довелось выступать на сцене театра с прославленными оперными исполнителями Иваном Алчевским, Медеей и Николаем Фигнерами, Аделаидой Больша, Иваном Ершовым, Валентиной Кузой, Иоакимом Тартаковым. Да и сама Мария Борисовна по праву занимает достойное место рядом с ними. Черкасская близко была знакома с Федором Шаляпиным и Леонидом Собиновым.

Наиболее блистательно талант певицы проявился в знаменитой тетралогии немецкого композитора Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга». Вначале она исполняла партию Ортлинды, затем Зиглинды в «Валькирии». Вскоре ей была поручена трудная и очень сложная роль Брунгильды как в этой опере, так и в остальных частях «Кольца Нибелунга». Мария Борисовна стала лучшей исполнительницей этой партии в России, «причем передавала эту трудную партию, — по свидетельству театрала-современника, — блестяще в смысле звуковом и так же хорошо в отношении полноты драматической выразительности».

Летом 1909 года ее пригласили на гастроли во всемирно известный итальянский театр «Ла Скала». В Милане, как и в Петербурге, Мария выступила в опере Вагнера

«Валькирия», исполнив роль дочери верховного бога Вотана девы-воительницы валькирии Брунгильды. Как видно из письма Черкасской, присланного в конце июня 1909 года в Петербург, она стала «первой русской певицей, исполняющей партию Брунгильды в итальянских театрах». А вот что писал о ней знаток русской оперы, известный театральный и литературный критик Эдуард Старк (Зигфрид) в своих воспоминаниях «Петербургская опера и ее мастера», вышедших в 1940 году в издательстве «Искусство»:

«...На этом пути ей... удалось одержать блестящую победу, и где же? — в Миланском театре «Scala», куда получить приглашение было очень трудно, а выступить с успехом значило приобрести патент на звание европейской знаменитости. Было это в декабре 1909 года, как раз в открытие сезона. Мне случайно довелось присутствовать на этом спектакле, и я живо помню, какое он оставил во мне впечатление... После этого за ней окончательно утвердилось репутация специально вагнеровской певицы».

И снова она на петербургской сцене чарует своим голосом публику Мариинского театра, вмещавшего более полутора тысяч человек. Мария Борисовна выступала в операх Вагнера «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда». Она успешно вела партии аристократки Лизы из «Пиковой дамы» и украинской девушки Оксаны из «Черевичек» в операх Чайковского, сказочной нежной Снегурочки Римского-Корсакова и дочери мельника Наташи, обманутой в любви и ставшей мстительной русалкой, в опере «Русалка» Даргомыжского.

Черкасская считалась одной из ведущих оперных певиц Петербурга. Весной 1912 года группа видных артистов Мариинского и Александринского театров приказом по министерству императорского двора по случаю «тезоименитства» - дня именин императрицы Александры Федоровны была награждена особыми медалями. В списке «удостоенных» «золотой медали для ношения на шее на александровской ленте» значится «артистка оперной труппы Марианна Палечек, по театру Черкасская». Как бы то ни было, но

это награждение, хоть и связанное с таким поводом, является свидетельством ее больших заслуг на русской сцене.

А вскоре пришла первая мировая война. Артисты знали, как тяжело на фронте воинам. Хотелось хоть чем-то помочь им. Но концертных бригад тогда не создавали. Можно было послать на фронт подарки. Правда, многие еще помнили тот курьезный случай, когда в русско-японскую войну солдатам отправили по распоряжению царя «в дар» вагон иконок для «спасения их жизней», а им нужны были винтовки и боеприпасы. Артисты Петрограда, как с 1914 года стала именоваться столица, решили собрать деньги, закупить на них побольше махорки и отправить ее на фронт. Это там намного важнее, чем иконки, рассудили они.

В одном из ленинградских исторических архивов сохранился документ — письмо, отправленное 13 ноября 1914 года заведующим канцелярией Зимнего дворца графом Ростовцевым управляющему конторой императорских театров Теляковскому. В нем говорилось «о пламенном желании артистов и артисток императорских Петроградских театров сопровождать отправляемую с офицером фельдъегерского корпуса на позиции махорку... и присутствовать при ее раздаче». И далее он сообщал о том, что в Зимнем дворце решили, что «будет сопровождать махорку артистка Мария Борисовна Черкасская... причем М. Б. Черкасской будет непосредственно сообщено о времени отъезда поезда на этих днях». В Зимнем, как видно, вспомнили о ее происхождении и о том, что в роду артистки значились военные и даже генерал-аншеф.

В июне 1916-го Черкасской исполнилось сорок лет. В тот день на Мойке в доме 64, квартире 31, где она жила, собрались самые близкие. Один из друзей преподнес ей в подарок редкую книгу — «Русская геральдика». В ней находился и родовой герб Черкасских. С удивлением рассматривала его Мария Борисовна, узнавая значение вложенной в него геральдической символики. Герб Черкасских утвержден в 1798 году. Основой его стал щит, разделенный на четыре части. В первой из них на красном поле изображен черкес, скачущий на белом коне и держащий на правом плече копье - такими были

*Родовой герб Черкасских. Утвержден в 1798
году*

ее далекие предки, выходцы из кабардинской земли Во второй части - герб Кабарды, откуда через поколения вела свое происхождение и сама Мария. На голубом поле между трех шестиконечных звезд положены крестообразно две стрелы остриями вверх, а на них поставлен красный щиток с серебряным полумесяцем. В третьей части - лев, стоящий на задних лапах и держащий в передних натянутый лук со стрелой. Этот могучий зверь служил в гербах символом власти, храбрости, силы. На четвертой -

переплелись две змеи, означающие предосторожность, мудрость, здоровье. Посредине «герба малый щиток, в коем золотая держава» - знак того, что Черкасские вели свою генеалогию от знатных князей Кабарды. Щит с эмблемами покрывает мантия из горностаевого меха, над ней - золотая корона, сверх которой надета красная чалма с белым пером, свидетельствующая о том, что этот род происходил «от мусульманских владетельных князей».

И как же не вязалась вся эта средневековая геральдическая символика, подчеркивающая воинскую доблесть, силу, могущество и власть, с наследницей этого старинного герба — Марией Борисовной Черкасской, невысокой, элегантной и очень обаятельной женщиной с черными глазами и густой шапкой темно-каштановых волос... Да, все менялось и все уходило в прошлое.

В театральном сезоне бурного и прекрасного семнадцатого года артистка играла особенно часто роль донны Анны в опере Даргомыжского «Каменный гость». Тревога, передаваемая музыкой заключительного акта, мрачной тенью надвигалась на слушателей императорского Мариинского театра, вселяя в них беспокойство, неуверенность и как бы предчувствие грозных событий и катастрофы, которая через несколько месяцев действительно обрушится на старый, давно отживший мир, сметет его и откроет новый путь народам России. Этот год стал последним в творческой жизни Черкасской: тяжелая болезнь уже не позволила ей вернуться на сцену.

В третьем томе «Музыкальной энциклопедии» (вышедшей в 1976 году в Москве) в статье о Ленинградском академическом театре оперы и балета Мария Борисовна Черкасская названа одним из «крупнейших мастеров оперного искусства» начала XX века.

* * *

Находясь на высоких военных и государственных постах России, Тсмрюковичи, как и все их потомки, верно служили своей новой родине. Не щадя жизни, они отважно сражались с врагами на поле брани, способствовали ее процветанию и славе на государственном поприще. Тем

самым они прославляли и родину своих предков -
Кабарду.

Мы, конечно, не забываем о том, что Черкасские являлись представителями господствующего класса, бывшего опорой существовавшего строя. Но мы знаем и о других страницах в биографиях многих из них, страницах славных и ярких, вписанных в историю России и Кабарды. И это дает нам право добрым словом вспоминать об этих людях.

История - суровый и беспощадный судья. Она предъявляет особый счет к деятелям прошлого. Имена одних преданы ею забвению и даже тяжкому осуждению, имена же других, тех, чья жизнь и деятельность в целом отвечали интересам народа, страны, она оставляет в своих анналах и доносит до нас.

ОТНЫНЕ ИМЕНОВАТЬ ЕКАТЕРИНОГРАДОМ

Города, как и люди, имеют свою особенную судьбу. Все они когда-то рождаются, растут — бурно или медленно. Одни из них живут очень долго, становятся широко известными и прославленными. Другие всю свою жизнь проводят скромно и незаметно, оставаясь в тени истории.

Есть и третья категория городов. Достигнув когда-то своего зенита, они нисходят потом до положения тихих, провинциальных городков или даже селений. И в них почти ничто уже не напоминает о тех днях и событиях, которые происходили здесь столетия назад.

Такую судьбу пережил в свое время Екатериноград — первый, официально провозглашенный город на территории нашего края. Не ищите его теперь на картах: он исчез с них с конца первой четверти прошлого века. Нет, его не постигла печальная участь быть разрушенным или сожженным во время войн, его пощадили и стихийные бедствия. Просто все дело в том, что этот населенный

пункт исчез с карт как город, но остался до наших дней как станица Екатериноградская Прохладненского района Кабардино-Балкарской АССР.

* * *

В XVIII веке Турция и Крым все еще претендовали на земли Северного Кавказа и прежде всего на Кабарду. Пользуясь тем, что России приходилось вести долгую войну со Швецией, затем с Персией, Пруссией, да и с самой Османской империей, турки и татары продолжали тревожить кабардинцев своими опустошительными набегами. В то же время и в Кабарде было неспокойно: по-прежнему вели между собой борьбу князья, разобщенные на два лагеря: сторонников России, с одной стороны, Константинополя и Бахчисарая — с другой. На поддержку последних и надеялись турки, планируя новый поход на кабардинские земли.

Уже в начале 1774 года в штаб-квартире Кавказского корпуса стало известно от лазутчиков, действовавших на Черноморском побережье, что в крепости Суджук-Кале* высадился турецкий десант во главе с крымским ханом Девлет-Гиреем, не так давно бежавшим под напором русских штыков из Бахчисарая в Константинополь.

А по весне пятнадцатитысячное войско, состоявшее из турок, крымских татар и присоединившихся к ним некоторых закубанских черкесов, двинулось на Кабарду. Они шли с уверенностью в своей безнаказанности и с надеждой, что их ждут трофеи, многочисленные пленники и, конечно же, среди них красавицы-кабардинки, которые пополнят собой гаремы османского султана и хана, их визирей, пашей и многочисленных мурз.

Девлет-Гирей ожидал, что российское правительство, занятое с 1768 года войной с Турцией, отвело большую часть своих войск с Северного Кавказа для переброски туда, где шли бои. Он уже предвкушал заранее легкие победы и триумфальное возвращение в Крым, надеясь, что все это поможет ему поддержать основательно пошатнувшийся под ударами русской армии ханский трон.

* Крепость Суджук-Кале находилась на месте города Новороссийска.

Но Девлет-Гирей ошибся в своих расчетах. Командующий Кавказским корпусом генерал-поручик Медем, предупрежденный заранее разведчиками о пути движения вражеского войска, выступил ему навстречу из Моздокской крепости*.

Четырехтысячный русский отряд стал лагерем у редута «Беш-тамак», возведенного еще в 1758 году на левом берегу реки Малки, в нескольких километрах от ее впадения в Терек. Небольшое укрепление находилось в степном урочище Беш-тамак, что по-тюркски означает «Устье пяти рек», так как в этом районе сливаются Терек, Малка, Баксан, Чегем и Черек.

В ночь на 3 июня к генерал-поручику прискакали на взмысленных конях нарочные от патрулей, несущих в степи дозорную службу, и доложили, что к редуту приближаются турки. Почти одновременно с ними с той же тревожной вестью прибыл в русский лагерь кабардинский уздень Касаев с восьмьюдесятью всадниками. Оставшись здесь с отрядом, он на следующий день принял участие в сражении.

Медем знал: Девлет-Гирей наверняка поведет своих головорезов к переправам на реке Малке, чтобы отсюда растечься отдельными отрядами по Большой и Малой Кабарде. А в этом случае он обязательно выйдет на редут «Беш-тамак» и его лагерь, потому что именно здесь самые удобные броды, которыми извечно пользовались как местные народы, так и все, кто приходил в этот край.

Той же ночью два егерских и два конных полка донских казаков, при поддержке пятнадцати орудий, заняли позиции на пути к переправам. И, как только заалел восток и над землей стало подниматься солнце, егеря и донцы нанесли внезапный удар из засад по подходившим к реке турецко-крымским силам.

Стремительное нападение с флангов конницы и пехоты, а с фронта губительный огонь артиллерии ошеломили врага и смешали его ряды. Все попытки Девлет-Гирея организовать отпор русским егерям и кавалеристам и опрокинуть их своими превосходящими силами не увенчались успехом. Потеряв в течение пяти часов более двух

* Моздокская крепость основана в 1763 г.

тысяч убитыми и множество ранеными, ханское войнство побежало в панике в степь, бросая обозы, захваченные по пути табуны лошадей, гурты скота и пленных.

Только через три недели захватчики, отступившие в район Пятигорья, наконец пришли в себя после поражения у редута «Беш-тамак». Некоторое время они «промышляли», грабя кабардинские селения в том районе, а затем, разделившись, отправились в набег. Один отряд двинулся к Моздоку и терским казачьим станицам, откуда вскоре вынужден был с большими потерями убраться и поспешно отступить назад к Суджук-Кале. А вторая, основная, часть ханского войска стала углубляться в Большую Кабарду, оставляя после себя мертвую, выжженную землю, разрушенные селения, сотни трупов. Но совсем недолго убивал и грабил кабардинцев Девлет-Гирей. Шедшие по его следам всадники Касаева, узнав о направлении движения неприятеля, вовремя предупредили генерал-поручика Медема. Подняв полки, он бросился следом за ханом.

В середине августа заседавший на противника русский отряд прижал его к горам и заставил углубиться в Баксанское ущелье. Турки и татары, отбиваясь, уходили вверх берегом реки, надеясь отсидеться в горах до лучших времен, а в случае необходимости уйти отсюда в Пятигорье и затем в степи. Но утром 27 августа русские полки настигли остановившееся на ночь лагерем войско Девлет-Гирея.

...У слияния рек Баксана и Гунделена есть довольно обширное поле, ставшее в тот день местом боя. Начался он обстрелом ханского лагеря из артиллерии. Грохот выстрелов, сотрясая окрестные горы, гулким эхом отдавался в ущельях. Ядра, бомбы, картечь наносили вражескому войску громадный урон. В лагере начались пожары — пылали шатры военачальников, стали взрываться запасы пороха. А потом в атаку со штыками наперевес бросились егеря, вперед устремились конные донцы, умело орудуя длинными казачьими пиками и саблями.

К вечеру ханское войско было наголову разбито. Тысячи мертвых и раненых, в большинстве турки и татары, павшие кони, груды брошенного награбленного добра, са-

мое различное оружие, полуобгоревшие поваленные шатры усеивали поле боя на берегах Баксана и Гунделена. Многие из захватчиков, надеявшихся на победоносный поход, оказались в плену. Сам же Девлет-Гирей с немногими оставшимися с ним янычарами бежал в Пятигорье, а оттуда, почти не останавливаясь, загоняя коней, — к берегам Черного моря, чтобы вновь уплыть в Турцию. Таким жестоким поражением закончилось последнее турецко-крымское нашествие на Кабарду. И снова, в который уже раз, на помощь ей пришел русский солдат.

Летом 1774 года подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора окончилась шестилетняя русско-турецкая война. Турция после ряда тяжелых поражений на всех фронтах вынуждена была наконец примириться с выходом России к Черному морю и отказаться от притязаний на Кабарду. Но и после этого ее агентура еще долго вела здесь свою подрывную деятельность, не оставляя надежды на присоединение кабардинской земли к Османской империи.

* * *

В 1777 году, когда еще окончательно не миновала угроза новых нападений со стороны турок и крымцев, на Кавказе началось возведение десяти крепостей и целого ряда редутов, протянувшихся от Азовского моря до Моздока. Вся эта система укреплений стала известна как «Кавказская линия». В том году поднялись крепости Георгиевская, Марьинская, Павловская и Андреевская. 11 сентября 1777 года на месте редута «Беш-тамак», где незадолго до этого произошло сражение русских полков с турецко-крымским войском, солдаты Кабардинского егерского батальона заложили Екатерининскую крепость (в 35 верстах от Моздока). В плане она представляла собой пятиугольник, образованный двухметровым земляным валом, с десятью бастиянами для пушек, обращенными на все четыре страны света. Перед насыпью — двухметровой ширины ров. С трех сторон — с севера, востока и запада — крепость окружал второй вал, отстоявший от первого на двадцать метров. Он был сделан на случай возможной осады, чтобы дать отпор неприятелю с первой линии обороны, а при необходимости потом отойти на ос-

новную, вторую. С южной стороны крепость, отстоявшая от реки Малки всего на сотню с небольшим метров, была защищена ее высоким обрывистым берегом.

В Екатерининскую крепость вели трое ворот: главные - «Северные», с восточной стороны - «Дагестанские» (через них выходила дорога по направлению к Моздоку и дальше на восток к берегам Каспийского моря), с юга - небольшие - «Водяные», выводившие к реке, куда солдаты ходили за водой. Через ров к двум из них - «Северным» и «Дагестанским» были переброшены деревянные мосты, рассчитанные для проезда военной фуры* и кареты. Все входы день и ночь охранялись караулами, располагавшимися в специальных помещениях - кордегардиях, построенных внутри укрепления у каждого ворот. Неусыпно несли свою службу и часовые, постоянно выставляемые на бастионах.

Крепость была сравнительно небольшой — до 200 метров в длину и от 170 до 255 в ширину, в зависимости от размера пяти ее сторон. Внутри под защитой пушек, валов и рвов находились дом коменданта, две казармы, пороховой погреб с запасом пороха, ядер и бомб, три цейхгауза для хранения военного снаряжения и провiantа и, конечно, обязательная для того времени церковь. Первый гарнизон крепости составлял Кабардинский егерский батальон.

Той же осенью рядом с сооружаемыми крепостями возникли одноименные станицы. В них по указу Екатерины II поселили волжских казаков, принимавших активное участие в недавнем восстании Емельяна Пугачева. Это для них явилось по сути дела ссылкой и наказанием.

Волжцы получили приказ выступить в Моздок еще в то время, когда крепости только стали возводиться, а на место Екатерининской доставлялись строительные материалы. 6 августа 1777 года 550 всадников двинулись походной колонной с обозами к берегам Терека, направляясь к новой, неизвестной и полной опасностей жизни. Уходили только мужчины. Женщинам, детям и старикам предстояло перебраться на Кавказ позже, когда для этого будут созданы на необжитых местах подходящие условия.

* Фура — длинная крытая повозка.

Двадцать пять дней продвигались казачьи сотни на юг безводными, пустынными степями под палящими лучами летнего солнца. И только 31 августа добрались они до урочища Маджары на реке Куме. Люди устали от трудного и долгого пути, кони, отощавшие от скудного корма, вовсе идти дальше не могли, а без коня казак как без рук. Две недели волжцы стояли лагерем в урочище, набираясь сил и откармливая лошадей на сочных прикумских травах.

В середине сентября, получив приказ астраханского генерала Якоби, которому в то время подчинялись и русские войска на Кавказе, казаки снова выступили в путь, направлялись прямо к урочищу Беш-тамак. Там их уже ждали солдаты Кабардинского егерского батальона, приступившие к возведению Екатерининского укрепления. Здесь всех распределили постанично (по сто человек) на жительство при каждой из строящихся крепостей - Екатерининской, Марьинской, Георгиевской, Павловской и Андреевской. Все пять сотен составили Волгский казачий полк. Штаб-квартира его находилась в станице Екатерининской, где поселились в основном бывшие жители села Дубовки из-под Царицына.

Казаки жили в землянках и в наспех сколоченных домишках. Вместе с егерями не покладая рук они рыли рвы и насыпали валы, строили бастионы и крепостные сооружения, несли сторожевую службу. На первых порах им было крайне тяжело. Оставив на родине вместе с семьями все хозяйство, они кое-как перебивались на скудных казенных харчах. Только к следующей осени, когда поспели высеянные ими хлеба и подрос скот, казаки зажили лучше. Постепенно с Волги стали прибывать казачьи семьи последние из них приехали на новые места только весной 1780 года. К этому времени поселенцы обжились, обзавелись хозяйством и уже довольно крепко стояли на ногах.

Так рядом с крепостью образовалась и Екатерининская станица, населенная простыми русскими тружениками, занятыми хлебопашеством, скотоводством, а позже и виноградарством. В то время в ней насчитывалось 900 жителей, включая все взрослое население и детей. Первым екатерининским атаманом и станичным начальником стал

опытный и боевой волжский казак майор Василий Лучкин, получивший через несколько лет чин полковника и назначенный командиром Волгского полка. Его верными помощниками были есаул Леонтий Венеровский и сотник Иван Атарщиков.

Жизнь в крепости, да и в станице, шла так же, как и повсюду на линии: мирные дни чередовались с боями против крымских сторонников и отражением набегов абреков — любителей грабежа и легкой наживы. Нередко им удавалось заскочить к станичникам, угнать их стада, взять в плен жен и дочерей. И тогда, отбив нападение, комендант крепости и атаман снаряжали отряд в погоню за ними.

В октябре 1782 года на Северный Кавказ приехал генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, назначенный командующим Кавказским корпусом. Он приходился родственником всесильному фавориту Екатерины II, полководцу и государственному деятелю светлейшему князю Григорию Потемкину.

Тридцатидевятилетнего генерала Павла Потемкина, награжденного за храбрость в последней русско-турецкой войне орденами Георгия 4-й и 3-й степеней, знали в России и как писателя, поэта и переводчика. Его «Поэма на победы, одержанные российской армией над турецкими войсками», увидела свет еще в 1770 году, а вслед за ней вышли из печати драмы «Россы в Архипелаге» и «Торжество дружбы». Потемкин первым в России перевел на русский язык сочинения французских энциклопедистов-просветителей - Руссо «Новая Элоиза» и «О начале и основании неравенства между людьми», философскую повесть Вольтера «Магомет».

Но в то же время он известен и как один из активных участников подавления Пугачевского восстания. Интересно то, что потом на основании материалов следственной комиссии генерал, задолго до других историков, напишет работу «История Пугачева». Конечно, все события в ней, да и образ Емельяна Пугачева, подавались в искаженном виде, с классовых дворянских позиций.

Новый командующий Кавказским корпусом первоначально избрал своей штаб-квартирой Георгиевскую крепость. В ней июльским днем 1783 года он и принял пол-

номочных представителей восточногрузинского царя Ираклия П. От имени русского правительства Потемкин подписал с ними трактат о принятии Грузии под покровительство России и обещал ей помощь в борьбе с многочисленными врагами.

Грузия лежала за высоким труднопроходимым Кавказским хребтом. И единственно возможный тогда путь туда проходил по Дарьяльскому ущелью, через горы и перевалы. Пройти же узкими тропами, проложенными людьми по скалам и крутым склонам, военные отряды с артиллерией и тяжелыми грузами не могли.

Грузины ждали помощи. И тем же летом Потемкин направил в Дарьяльское ущелье полторы тысячи солдат для строительства пути в Закавказье. В трудных условиях высокогорья, столь непривычного тогда для русского человека, они сумели за три месяца — с августа по октябрь — проложить через хребет колесную дорогу (позднее, после вхождения Грузии в состав России, она была окончательно достроена и вскоре названа Военно-Грузинской).

Павел Потемкин отправился осматривать дорогу, как обычно, в коляске, запряженной восьмью лошадьми. 7 сентября 1783 года в рапорте князю Потемкину он писал, что проехал там, где раньше человек не мог пройти «без ежеминутной опасности низвергнуться в пропасть».

Весной следующего года, когда дорога открылась от снежных заносов, в Закавказье были отправлены два батальона солдат с четырьмя орудиями под командованием полковника Бурнашева. Насколько трудным и опасным оставался тот путь через горы, говорит то, что от Владикавказской крепости, поставленной в 1784 году у входа в ущелье Дарьяла, до Тифлиса добирались тогда более чем за месяц.

С открытием дороги в Грузию стала приобретать особое значение Екатерининская крепость, так как Потемкин приказал именно отсюда отсчитывать ее начало. Все, кто следовал за Кавказский хребет, отправлялись туда только из этого пункта. Если человек ехал из России, он проезжал через Ставропольскую и Георгиевскую крепости, а из Екатерининской направлялся через «Дагестанские ворота» в Моздок, оттуда - к Владикавказу и далее в Дарьяльское ущелье.

В Центральном государственном архиве древних актов хранится приказ генерал-поручика Павла Потемкина от 19 сентября 1783 года о переименовании крепости Екатерининской: «Крепость Екатерининскую отныне рекомендую именовать во всех доходящих рапортах и прочих текущих делах Екатериноградом». Значит, даже в ту пору, когда дорога в Закавказье только еще прокладывалась, командуя Кавказским корпусом, а вместе с тем и лично, уже строил планы превратить этот пункт в свою главную квартиру.

1783 год стал знаменателен тем, что тогда, с присоединением к России Крыма (названного Таврией), перестало, наконец, существовать Крымское ханство. Только теперь прекратились набеги крымских татар, грабивших почти три века земли Кабарды и России. В честь славных побед русской армии над турками, крымцами и в память открытия дороги в Грузию генерал Потемкин приказал поставить в Екатеринограде особый памятник - Триумфальную арку.

2 февраля 1784 года Павел Сергеевич Потемкин был назначен генерал-губернатором саратовским и кавказским, оставаясь одновременно начальником Кавказского корпуса и линии. Через месяц он стал и во главе Кубанского корпуса, которым до него командовал А. В. Суворов. Отныне под его управлением находилась громадная территория от Азовского до Каспийского моря.

Деятельный генерал-губернатор в том же году составил проект создания Кавказского наместничества. Он мыслил провести целый ряд реформ и мероприятий в области управления, политики, экономики и культуры, которые бы способствовали в какой-то степени сближению народов Северного Кавказа и России. Конечно, все это делалось для более успешной колонизации и освоения царизмом здешних мест. Тогда же, именно в этих целях, Потемкин составил «Краткое описание о кабардинских народах». На десяти рукописных листах в нем сообщались важнейшие сведения и выводы о кабардинцах - их истории, местах расселения, быте, обычаях и верованиях. Это описание Потемкина можно с полным правом считать одной из первых историко-этнографических работ о Кабарде. Чтобы представить себе этот довольно интересный труд, достаточно ознакомиться хотя бы с некоторыми выдержками из него:

«Приложив всевозможное старание познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах и вокруг оных обитающих, не пропустил я ничего, что только могло мне подать об них познание, и, собрав разные сведения, по объявлениям наилучших людей, нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем.

Кабардинцы разделяются на два рода, а именно: на Большую и Малую Кабарду...
...Издревле князья... каждый имеет от себя больше или меньше зависимых, которых называют они своими подданными. Князь может взять у своего подданного все его достояние... может, наконец, отнять его дочь и жену...

...Рыцарство есть предмет славы каждого, и роскошь еще не вкралась в сердце сего народа. Золото и серебро ставят они ни во что или за весьма малое, напротив того всякие доспехи и оружие ставят за драгоценное.

...При рождении младенца не погружают его в воду, но оставляют на воздухе одни сутки, без всякого призрения; по прошествии года подают ему оружие и что-нибудь скудельное, и если он примет первое, то отцы и все семейство празднуют. При воспитании приучают их быть смелу, бодрю, живу и проворну. По прошествии семи лет учат владеть конем, стрелять из лука и ружья...

...Старость лет между ними, так как и у спартан*, в крайнем почтении, и никакой молодой человек перед стариком ни малейшей невежливости сделать не дерзает...

* Спартанцы — жители древнегреческого спартанского царства, известные мужеством, стойкостью и пренебрежением к роскоши.

...Всякий раз, когда бывает свадьба, собираются все жители того селения, где она совершается, и тут употребляют они все наряды, какие только кто по состоянию имеет, холостые надевают все свои доспехи, девушки — лучшие платья; молодые люди все - рыцарские ухватки изъясняют, и проворством ознаменовавшийся заслуживает похвалу от стариков и имеет право плясать с той девкой, с которой пожелает...

...Старость лет между ними, так как и у спартан*, в крайнем почтении, и никакой молодой человек перед стариком ни малейшей невежливости сделать не дерзает...

...Всякий раз, когда бывает свадьба, собираются все жители того селения, где она совершается, и тут употребляют они все наряды, какие только кто по состоянию имеет, холостые надевают все свои доспехи, девушки — лучшие платья; молодые люди все - рыцарские ухватки изъясняют, и проворством ознаменовавшийся заслуживает похвалу от стариков и имеет право плясать с той девкой, с которой пожелает...

...Описывая кабардинский народ, подаю понятие обо всех народах, живущих в горах у подошвы Кавказских гор».

Свой проект и «Краткое описание о кабардинских народах» генерал-губернатор в том же году представил в Петербурге князю Потемкину, а через него Екатерине II.

5 мая 1785 года своим указом Сенату Екатерина учредила Кавказское наместничество, состоявшее из двух областей — Кавказской и Астраханской. Первая из них делилась на шесть уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Отныне все эти крепости, кроме бывшей Екатерининской, становились уездными городами. Астраханская область делилась на четыре уезда.

Наместником Кавказа был назначен генерал-поручик Павел Потемкин, а главным центром наместничества объявлен Екатериноград, возведенный в ранг губернского города.

Пока генерал оставался в столице, утрясая все свои дела и развлекаясь на дворцовых балах, его адъютанты уже скакали на Кавказ, неся весть о переменах и о новом губернном центре. И вскоре на территории Екатериноградской крепости началось строительство двухэтажного здания роскошного наместнического дворца, а за крепостными пределами стали возводиться несколько десятков кирпичных и деревянных зданий для гражданских учреждений, воинских штабов и размещения многочисленных чиновников.

30 сентября Потемкин прибыл из Петербурга в Георгиевск, а 9 декабря со всем наместническим правлением, штабом Кавказского корпуса и линии переехал в Екатериноград — столицу громадного Кавказского края.

Итак, Потемкин стал наместником, сосредоточив в своих руках все военное и гражданское управление. Такое звание и права получали только люди, пользовавшиеся особым доверием при царском дворе. Даже сам выезд наместника за пределы города, обязательно в сопровождении отряда кавалерии, многих адъютантов и офицеров, должен был теперь подчеркивать его величие как высокого представителя императрицы.

В конце 1785 года на месте главных «Северных ворот» Екатериноградской крепости уже возвышалась громада двенадцатиметровой Триумфальной арки, возведенной из камня и кирпича. Автор ее остался неизвестен. Сооружена она в стиле модного в ту пору русского классицизма. На ее фасаде, со стороны парадного подъезда, слева и справа от широкой арки установлены по две колонны, древнеримского типа. Выше карниза на аттике красовалась надпись: «Дорога в Грузию», составленная из полуметровых медных букв.

Вообще триумфальные арки стали возводить еще в Древнем Риме для увековечения полководцев-победителей и важных событий. Обычно они ставились при въезде в город, на мостах, главных улицах или больших дорогах.

В России подобные памятники появились при Петре I. Первая арка была поставлена в Москве в 1696 году, поело возвращения царя из Азова, отбитого у турок. Семь триумфальных «ворот» поднялись в русской столице после победы над шведами под Полтавой в 1709 году, а шесть пять лет спустя в Петербурге в честь морских побед на Балтийском море.

Сооружались они и позже, но до наших дней по всей стране дошло лишь несколько. В их числе значится и Триумфальная арка в станице Екатериноградской, внесенная в списки архитектурных памятников всесоюзного значения.

Монументальные Триумфальные «ворота» в Екатеринограде стали символом центра края. Торжественное открытие наместничества намечалось в Екатеринограде на 17 января 1786 года. Подготовка к нему началась заранее. Уже 6 января наместник кавказский генерал-поручик Потемкин издал приказ:

«На все дни, доколе последует торжественное открытие наместничества, делать наряд караулу к наместническому дому 20 человек конных с литаврами и 60 пехоты с знаменем, которых и сменять ежедневно. При всяких воротах поставить пикеты, при станице пикет. По ночам делать пешие патрули и конные разъезды в крепости из находящихся команд под ведомством правящего должность коменданта подполковника Полторацкого, для чего подполковник Келлен делает разъездам наряд; в станице пикет состоит в команде городничего».

Для участия в церемонии и параде в честь этого события в город из близлежащих крепостей были вызваны два казачьих полка, а также двухсотенные команды от нескольких пеших и конных полков.

Утром, в день открытия наместничества, когда трубачи протрубили в крепости побудку, из двенадцати пушек под командованием линейного подпоручика артиллерии Попкова был произведен первый салют сто одним выстрелом. Когда же смолкла пальба, над окутанным пороховым дымом Екатериноградом разнеслись торжественные марши. В течение целого часа играли трубачи и литаврщики

Астраханского драгунского полка, поднявшиеся, по приказу Потемкина, на верхнюю площадку Триумфальной арки — «Каменных ворот».

Под звуки музыки воинские команды занимали свои места на крепостном плацу и прилегавшей к Триумфальной арке площади за чертой вала. Первыми встали солдаты Кабардинского егерского батальона, возводившие почти девять лет назад местную крепость. Рядом с ними — роты Селенгинского, Кабардинского, Казанского пехотных и эскадроны Астраханского, Моздокского, Таганрогского драгунских полков. В почетном строю заняли места Екатериноградская сотня и два казачьих полка - Уральский и Кутенникова.

Прозвучала команда старшего штаб-офицера по крепости полковника Гротельгема, и все замерли. В этот момент из наместнического дворца вышел генерал Павел Сергеевич Потемкин при всех регалиях, при шпаге с золотым, украшенным бриллиантами эфесом. Он молодцевато вскочил на поданного ему коня и направился к церкви в сопровождении своего помощника генерал-майора Шемякина, губернатора Екатеринограда Жукова, командующих участками Кавказской линии генералов Леонтьева, Левашова, Ржевского, комендантов ряда крепостей и группы кабардинских князей, приглашенных на празднество. В церкви, где в тогдашних условиях обязательно полагалось «освящать» все начинания, священник, размахивая дымящимся кадиллом, провозглашал густым басом «многие лета государыне императрице, вновь учрежденному наместничеству и губернскому граду, нареченному во имя святой Екатерины».

Над Екатериноградом вновь прогремел салют из ста одного выстрела, и Потемкин появился перед трехтысячным воинским строем. Помимо пышной свиты, его окружал теперь почетный конвой, назначенный им лично на дни торжеств, — впереди него следовали 12 казаков, позади — 36 драгун. При стечении всех обитателей нового города, в присутствии его гарнизона, прибывших из других крепостей воинов, множества чиновников, приехавших для работы, был торжественно оглашен указ Екатерины II об открытии Кавказского наместничества, после чего пушки просалютовали в третий раз. Потом перед наместником,

генералами и комендантами крепостей торжественным маршем полковник Гротельгем провел егерские и гренадерские роты, эскадроны драгун и казацьи сотни.

* * *

Город, еще недавно бывший обыкновенной небольшой крепостью, каких немало насчитывалось на Кавказской линии, стал теперь неузнаваем как своим внешним видом, так и количеством людей — гражданских и военных, буквально заполнявших его маленькие улочки и площади. Ведь, по сути дела, Екатериноград даже в пору своего расцвета продолжал состоять из территорий крепости, станицы и слободки отставных солдат, объединенных в губернский центр.

При учреждении Кавказского наместничества правительство издало указ, целью которого было привлечь в эти далекие края чиновников из России. В нем говорилось, что здесь для них устанавливаются льготы, предоставляющие им право на производство в чин коллежского асессора без обязательного соответствующего экзамена. Это-то и привело тогда сюда очень многих людей, жаждавших звания чиновника VIII класса, дававшего им согласно «Табели о рангах» права личного дворянства.

Один из документов Центрального государственного архива древних актов - «Перечень государственных учреждений губернского города Екатеринограда», составленный в 1787 году для отправки в Петербург, позволяет нам представить, какая масса коллежских асессоров и регистраторов, титулярных советников и других чиновников появилась в губернском городе и была занята службой во всех его палатах и присутственных местах. Вот эти учреждения (причем здесь названы лишь гражданские), размещавшиеся в ту пору в Екатеринограде: Наместническое правление, Палата уголовного суда, Казенная палата, Совестьный суд, Верхний земский суд (1-й департамент, 2-й департамент), Губернский магистрат (1-й департамент, 2-й департамент), Верхняя расправа (1-й департамент, 2-й департамент), Нижний земский суд, Городской магистрат, Нижняя расправа.

В Екатеринограде решались все дела по управлению громадной территорией и установлению взаимоотношений

с местными народами. Сюда спешили фельдъегеря с указами императрицы и Военной коллегии, а отсюда курьеры развозили приказы наместника во все подвластные ему города, крепости, станицы и редуты, к кабардинским и черкесским князьям, значившимся на русской службе.

24 мая 1786 года в столицу Кавказского наместничества приехало посольство от шамхала Тарковского - Бамата для объявления его решения о вхождении в состав Российского государства. «В роскошных каретах, сопровождаемые блестящим эскортом из линейных казаков, послы проехали прямо во дворец, где было уже приготовлено все, чтобы ослепить их пышностью, окружавшей наместника, — рассказывает русский военный историк В. А. Потто в книге «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях». — Шествие их открывал церемониймейстер со своими ассистентами; за ним следовал маршал и, наконец, послы, которых почтительно поддерживали под руки наши офицеры.

Миновав длинную амфиладу комнат, процессия вступила в залу, посреди которой величественно возвышался императорский трон. При ступенях трона на богатом кресле сидел наместник.

Выслушав сидя приветственную речь от лица Бамата, он встал со своего места и указал рукой на большой портрет императрицы. Послы громко и внятно произнесли присягу от лица своего владетеля. 50 пушечных выстрелов, музыка и грохот барабанов возвестили городу о принятии шамхала в русское подданство...».

Деятельность Павла Потемкина на Кавказе, его договоры с Грузией и Дагестаном, прокладка дороги в Закавказье, ведение дел в Кабарде и успешная борьба с турецкой агентурой высоко оценивались в Петербурге. Екатерина наградила его орденом Владимира I степени и «бриллиантовой» табакеркой со своим портретом.

По свидетельству современников, царский наместник

был настоящим вельможей екатерининских времен: высокомерным и заносчивым, делавшим все, чтобы блеснуть своим богатством, аристократизмом и близостью ко двору. Он окружил себя многочисленной свитой из офицеров и чиновников, давал в Екатеринограде роскошные балы и праздники с иллюминацией и фейерверками. «Горские князья лучших фамилий всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Потемкин ласкал этих представителей черкесской аристократии, дарил и покупал их золотом», — писал Потто.

В основу своей деятельности на Кавказе этот типичный представитель царской администрации положил принцип древнеримских императоров-завоевателей -«разделяй и властвуй». Демагогическими заявлениями, подкупам, провокациями и силой он проводил в жизнь политику царского правительства.

В 1786 году случилось событие, которое десять лет спустя дало повод новому императору Павлу I, не любившему людей, бывших опорой его матери, возбудить против Потемкина следствие по обвинению его в соучастии в убийстве и ограблении.

Тем летом из Персии бежал спасавшийся от преследований своего брата шаха Ага-Мохаммед-Хана принц Идаст-Хан. Уходя от погони, он привел свой корабль к устью Терека и спешно отправил гонцов в Кизляр просить помощи у его коменданта. Бригадир Вишняков направил вниз по реке несколько лодок с солдатами. Но они, взойдя на персидский корабль, набросились с саблями и ружьями на команду, перебили ее и захватили все богатства принца. Самого же Идаст-Хана убили, а труп бросили в море. Наместник же не только не наказал грабителей и убийц, но даже и не сообщил о случившемся в Петербург, как видно, боясь, что это отразится на его карьере. Там узнали обо всем от других лиц, но постарались происшествие замять и не предавать огласке. А о дальнейшей судьбе сокровищ принца так никто ничего и не узнал — все оказалось покрыто глубокой тайной.

Потемкин оставался в Екатеринограде до сентября 1787 года. Потом, когда началась новая русско-турецкая война, его вызвали в Петербург и направили в Дунайскую армию, где он командовал одним из корпусов. На Кавказ

он больше не вернулся, хотя до 1791 года продолжал носить звание наместника, слал туда приказы и получал оттуда донесения о ходе дел.

Командуя восьмьютысячным отрядом, генерал-поручик проявил отвагу при взятии крепости Измаил в декабре 1790 года. Во главе полка фанаторийских гренадер он одним из первых ворвался в крепость, за что был отмечен орденом Георгия 2-й степени. В «Росписи награжденных» за Измаил первым в списке стоял «генерал граф Суворов-Рымникский», вторым — генерал-поручик Потемкин.

Позже он получил звание генерал-аншефа и графский титул.

В 1796 году, вскоре после смерти Екатерины II, бывший наместник Кавказа приехал на отдых в свой московский дворец. И сюда через несколько дней совершенно неожиданно для него из Петербурга пришло сообщение об учреждении Павлом I следствия против него по делу об убийстве персидского принца Идаст-Хана. В тот же день он скончался от сердечного приступа.

...Отъезжая на фронт, Потемкин оставил в Екатеринограде своим заместителем по гражданским делам губернатора Кавказской губернии статского советника Алексеева, а генерал-поручика Текели назначил командующим Кавказским корпусом и начальником укреплений Кавказской линии.

Надо признать, что расположение центра Кавказского края в Екатеринограде было крайне неудобным, так как город находился далеко в степи. Он стал губернским лишь благодаря Потемкину, который, желая польстить Екатерине, переименовал Екатерининскую крепость в Екатериноград, а затем предложил сделать его столицей всего края. Вот почему пройдет всего год после отъезда наместника, и генерал Текели перенесет штаб корпуса и Кавказской линии в Георгиевск (расположенный в 60 километрах на северо-запад от слияния Малки с Тереком).

А 30 апреля 1790 года последовал указ Екатерины II о перенесении правления Кавказским краем, вместе со всеми палатами, судами и департаментами, из Екатеринограда в Астрахань. Отныне город терял ранг губернского и переводился в разряд уездных.

Опустели губернаторский дворец, многочисленные зда-

ния учреждений и дома чиновников. Оставшись без ухода, они стали постепенно приходить в ветхость и разрушаться.

В 1802-м, когда новым центром Кавказской губернии стал Георгиевск, Екатериноград был переведен в список заштатных городов. На таком положении он остается в течение двадцати лет, а в 1822 году преобразуется в станицу.

* * *

В 1826 году постановлением Сената путь в Грузию, идущий из Екатериноградской в Моздок, а оттуда - во Владикавказ, значительно сокращался. Старая дорога из Моздокской крепости была заброшена. Новый путь из Екатериноградской начинался теперь после выхода из крепостных «Водяных ворот» у переправы на правый берег Малки. Первоначально она осуществлялась на пароме, а в тридцатые годы здесь был возведен деревянный мост. Дорога шла прямо на юг по левобережью Терека. Для ее охраны были построены укрепления и редуты - Пришибский, Котляревское, Александровское, Урухский, станицы Змейская и Ардонская. На правой стороне Малки, у паромной переправы, а затем и у моста, находились центральный карантин и таможенная застава, проводившие надзор за перевозкой грузов и перегонном скота по почтовому тракту и Военно-Грузинской дороге, а также из Кабарды в русские города и крепости на линии. В сороковых годах в Екатериноградской открылся меновой двор для торговли с кабардинцами, которые часто бывали и на известных станичных ярмарках, куда съезжались со своими товарами жители многих окрестных населенных пунктов.

С 1824 года Екатериноградская, приписанная до этого почти шестьдесят лет к Волгскому казачьему полку, была переведена в новый, только что сформированный Горский полк. Штаб его располагался здесь же, в станице. В то же время на ее территории находились батальон пехоты и военный госпиталь. Вскоре в Екатериноградской разместилась и походная канцелярия атамана Кавказского линейного казачьего войска. «...Линейные казаки поль-

зовались вполне заслуженною славою удалства и храбрости, — писал о них современник. — На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удалство...»

Казаки-екатериноградцы участвовали во многих войнах и схватках, которыми так насыщена была жизнь тогдашнего служивого человека. В 1829 году сотня, возглавляемая есаулом Лучкиным, сражалась в рядах Горского полка на турецком фронте у Карса и Эрзерума. Через десять лет станичники штурмовали шамилевскую крепость Ахульго. Они громили турецких башибузуков на Кавказском фронте в Восточной войне 1853—1856 и в русско-турецкой 1877—1878 годов, находясь в составе Горско-Моздокского казачьего полка. Из их рядов вышло немало храбрых бойцов, таких, как полковник Яков Кулаков, майор Александр Кудрявцев, есаул Степан Нырков.

В архиве Терского казачьего войска в городе Владикавказе еще в конце прошлого века хранился послужной список урядника станицы Екатериноградской Козьмы Ивановича Пастухова - яркое свидетельство отваги и трудной боевой жизни этого простого человека. Даже одно лишь перечисление всех событий, в которых ему довелось участвовать, является своеобразной летописью его подвигов:

«...1781 год — начал службу в Волгском полку.

1786 год - отправлен с бумагами генерал-поручика Потемкина курьером в Москву к генералам Нарышкину и Воронцову.

1787 год — ходил в отряде генерала Потемкина за Кубань на турок.

1788 год — в отряде генерала Текели осаждал турецкую крепость Анапу.

1789 год - в отряде генерал-майора Булгакова ходил за Кубань.

1789 год — в отряде генерал-поручика Бибикова осаждал Анапу и получил серебряную медаль «За верность».

1791 год — при новом штурме Анапы ранен пулей в правую ногу и от генерал-поручика Гудовича получил похвальный аттестат и произведен в урядники.

1796 год — в отряде генерал-аншефа графа Зубова участвовал в походе на персов, брал Дербент и Баку.

1801 год — по болезни вышел в отставку».

Из документов известно, что Козьма Пастухов был еще жив в 1837 году, когда ему насчитывалось восемьдесят два года...

* * *

В Екатериноградской бывали замечательные люди России, оставившие о себе память в этой казачьей станице.

...Много раз приезжал сюда будущий декабрист Александр Иванович Якубович, переведенный в 1818 году из гвардии в драгунский полк на Кавказ за на шумевшую тогда дуэль с Александром Грибоедовым. Причиной ссоры послужил поединок Шереметева и Завадовского, стрелявшихся из-за девятнадцатилетней танцовщицы - балерины Авдотьи Истоминой, образ которой запечатлен Пушкиным в «Евгении Онегине».

Якубович пробыл на Кавказе до 1824 года. Жизнь его в этом крае, наполненная приключениями, бесстрашие, удаль породили вокруг него много рассказов. Он пользовался большим уважением не только у русских офицеров, казаков и солдат, но и у кабардинцев, среди которых имел много друзей-кунаков. Историк В. А. Потто, прекрасный знаток жизни Кавказа того времени, писал, что Якубович не отличался от своих горских друзей «ни одеждой, ни вооружением, ни искусством в наездничестве. В его характере было что-то загадочное, дерзкая удаль его была так поразительна, что храбрейшие джигиты Кабарды и Черкесии удивлялись ему».

О его рыцарском благородстве и честности ходили легенды. Известен случай, когда в плен к казакам попала молодая кабардинка, жена одного из мятежных князей. Александр Иванович защитил честь женщины - он сам охранял ночью ее шатер, оберегая княгиню от нескромных глаз и возможных посягателей, а затем отвез ее к мужу. В посвященном Якубовичу стихотворении, написанном в 1823 году в Кисловодске и опубликованном спустя два года в газете «Московский телеграф», о нем было сказано:

Кавказских рыцарей краса,
Пустыни просвещенный житель!
Ты ни одним врагам гроза, -
Судьбы самой ты победитель.

В ноябре 1825 года, менее чем за месяц до восстания

декабристов, в петербургском альманахе «Северная пчела» появились «Отрывки о Кавказе. Из походных записок», подписанные инициалами «А. Я.». Рассказ оказался настолько интересным и ярким, что Пушкин в письме к Александру Бестужеву восторженно отзывался: «...Кто писал о горцах в «Пчеле»? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? Когда я вру с женщинами, я уверяю, что с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева... В нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я не встретился с ним в Кабарде — поэма моя* была бы лучше».

Автором «Отрывков о Кавказе» действительно являлся Якубович. Двадцать семь дней спустя после их опубликования он станет участником восстания декабристов. После его разгрома Александра Ивановича «за умышление на цареубийство» приговорили к смертной казни, замененной пожизненной сибирской каторгой. Вместе со многими товарищами он окажется на Нерчинских рудниках. Там, в Сибири, через двадцать лет, уже живя на поселении, он и умрет.

В 1835 году декабрист Александр Бестужев, бывший гвардейский офицер, отправленный после сибирской каторги на Кавказ рядовым, писал брату Николаю и просил передать Якубовичу, что в кавказских горах все еще жива память о нем: «...Линейцы — молодцы: все очень помнят Александра Ивановича; черкесы тоже. Но все те, которым он кланялся, кроме Атажука, или умерли, или убиты».

Николай I, лично ведший следствие по делу декабристов, запретил Якубовичу вести всякую переписку. И все же, несмотря на это, сохранилось одно его письмо Александру Бестужеву, посланное из Сибири на Кавказ, в котором он писал о себе от третьего лица, давая писателю темы для романов и повестей из кавказских событий, в том числе происходивших в Кабарде: «...Братоубийство князя Росламбека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, - злодей, убийца; ступив на родную землю: угрызение совести и раздел крови между убийцами, - вот канва для целого романа. Неукротимый Тау-Султан и Ханука. Смерть первого от руки его брата Магомета Атажукина, красота жены, Атажукиной, которая шила когда-то Якубовичу черевички...»

* А. С. Пушкин имел в виду поэму «Кавказский пленник».

Служа в Кабарде, Якубович много слышал об Измаиле Атажукине, полковнике русской армии, награжденном по представлению Суворова за храбрость при штурме турецкой крепости Измаил орденом Георгия 4-й степени. «Измаил Бей» удостоился этой высокой награды 25 марта 1791 года и стал 820-м кавалером этого высокого знака доблести в русской армии. Он погиб в Кабарде в 1812 году, за шесть лет до приезда сюда Александра Ивановича. Возможно, убийцей стал его двоюродный брат полковник Росламбек Мисостов, занявший сторону противников России, верным другом которой Измаил Атажукин оставался всегда. На это указывает и Якубович в письме к Бестужеву. Это был интереснейший для своего времени человек. Доктор медицины Л.-Р. Стегман, побывавший в 1809 году на Кавказе, писал в своем «Журнале путешествия»: «В Моздоке я познакомился с кабардинским князем Аджа Измаил-беем. Он полковник в российской службе, кавалер георгиевского ордена и получает пенсию. Приверженность его к своему отечеству, в котором он имеет еще владения, кажется, нимало не изменилась в течение долгого отсутствия; он состоит в тесном с оным общении. Жена его и сын живут там; последний воспитывается у одного кабардинского дворянина. [Измаил] ...говорит по-русски и по-французски, ростом высок, красив собою и обходится как образованный светский человек».

Атажукин неоднократно бывал в Екатериноградской, начиная с 1785 года, когда юношей уезжал из нее в Петербург для получения образования и европейского воспитания.

И Александр Якубович, много наслышавшийся о нем в свою бытность в Кабарде, советовал Бестужеву взять тему о нем для повести. Он, конечно, тогда еще не знал, что Лермонтов уже создал поэму «Измаил-бей».

...В конце 1825 года в станице Екатериноградской более двух месяцев прожил Александр Сергеевич Грибоедов, служивший в ту пору чиновником для дипломатических поручений при ставке главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Ермолова.

С 4 по 13 октября он находился в укреплении Каменный Мост на Малке* и, полный полученных здесь впечатлений, начал писать стихотворение «Дележ добычи». В письме Александру Бестужеву, написанном месяц спустя, 22 ноября, в станице Екатериноградской, Грибоедов так говорил об этом: «...На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства

прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир».

Из Каменного Моста Александр Сергеевич уехал в Нальчикскую крепость и провел в ней несколько дней. А 27 октября, вместе с отрядом генерала Вельяминова, он приехал в Екатериноградскую и остановился надолго в станице, чтобы встретиться здесь с Ермоловым, который после похода в Чечню должен был возвращаться в свою ставку в Тифлисе.

27 ноября Грибоедов пишет из Екатериноградской своему общему с Пушкиным другу поэту Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру: «Здесь многие или лучше сказать все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-й, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш [генерал Ермолов], несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием...»*. Через семнадцать дней после того, как было написано это письмо, Кюхельбекер, как и офицер лейб-гвардии драгунского полка Александр Бестужев, выйдет в рядах декабристов на Сенатскую площадь Петербурга.

В начале января 1826 года Грибоедов выехал по вызову главнокомандующего в крепость Грозную и там узнал о восстании декабристов, среди которых находились многие его друзья. По приказу из Петербурга он был арестован. Правда, заранее предупрежденный генералом Ермоловым, Александр Сергеевич успел уничтожить «опасные» для него бумаги. Под конвоем жандармов он проследовал через Екатериноградскую в Петербург.

До начала июня автора комедии «Горе от ума» содержали под арестом и следствием. Прямых улик о его связях с восставшими не нашли, а потом с вмешательством родственника — влиятельного генерала Паскевича его освободили.

Грибоедову довелось быть в Екатериноградской и весной 1828 года. Как раз тогда, после окончания русско-персидской войны, его назначили министром-резидентом

* С 1821 г. Кюхельбекер некоторое время служил в Тифлисе при штабе Ермолова. Из-за ссоры с его племянником вернулся в Россию. Проездом бывал в Екатериноградской.

* Ныне селение Каменноостское в Кабардино-Балкарии.

(послом) в Персию и он направлялся в Тегеран. Там 30 января следующего года Александр Сергеевич погиб, расстрелянный толпой фанатиков-мусульман, спровоцированных английской разведкой. Его тело опознали лишь по сведенному пальцу руки, простреленной когда-то на дуэли Якубовичем...

Когда в 1828 году началась война с Турцией, Пушкин, находившийся под надзором жандармов, решил поехать в кавказскую армию, несмотря на категорическое «внушение», сделанное ему шефом III отделения Бенкендорфом. В конце апреля 1829 года Александр Сергеевич приехал в Москву, где уже знали о трагической гибели Грибоедова. В одном из домов, куда он был приглашен на ужин, Пушкин разговорился с юной Катей Булгаковой, дочерью московского почт-директора. Узнав о том, куда едет сидящий перед ней человек, она, искренне обеспокоенная судьбой поэта, вдруг стала его просить: «Ах, не едите! Там убили Грибоедова!». А Пушкин с грустью и вызовом судьбе ответил девушке: «Будьте покойны, сударыня, неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичей? Будет и одного!»

1 мая он выехал почтовым трактом из Москвы на Кавказ. Через Елец, Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь Пушкин прибыл 15 мая в Георгиевск. «На другой день мы... прибыли в Екатериноград — бывший некогда наместническим городом, — напишет он через несколько лет в повести «Путешествие в Арзрум». - С Екатеринограда начинается Военная Грузинская дорога, почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется оказией.

Почта пришла на другой день. На третье утро в девять часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоящий из пятисот человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись...»

В сентябре Александр Сергеевич возвращался тем же путем с турецкого фронта и вновь прикоснулся к земле екатериноградской.

...Проездом в Грузию бывал в станице и писатель-декабрист, друг Грибоедова, бывший штабс-капитан гвардейского полка Александр Александрович Бестужев. Это ему 22 ноября 1825 года написал письмо из Екатериноградской Грибоедов и к нему обращался из Сибири Якубович.

В начале 1829 года его перевели из Якутского острога на Кавказ в солдаты. В двадцатых числах июля он уже находился в Екатериноградской. Отсюда Бестужев направился в Тифлис, затем служил в Дагестане, а пять лет спустя снова проехал через станицу, направляясь на Западный Кавказ, где вскоре и погиб под Адлером в бою с горцами. Тогда он объездил весь Северный Кавказ, бывал в Кабарде. Отсюда послал он поклон Якубовичу от князя Магомета Атажукина, жена которого шила когда-то ему «черевишки».

В России стали тогда широко известны романтические повести, рассказы и очерки Бестужева на кавказские темы: «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Красное покрывало», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев». Но своей фамилией подписывать сочинения он не мог — ведь он значился как государственный преступник. Тогда Бестужев и взял себе псевдоним — Марлинский.

...В 1837 году за стихи на смерть Пушкина царь ссылает на Кавказ поручика Михаила Лермонтова. В октябре, направляясь с Западного Кавказа в Тифлис и остановившись в Ставрополе, он встретился с декабристами, следовавшими под конвоем с сибирской каторги в кавказские полки. Среди них был и бывший князь Александр Одоевский - автор ответа декабристов на послание Пушкина «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье», человек, высказавший прекрасные, вещие слова: «...наш скорбный труд не пропадет; из искры возгорится пламя».

10 октября подружившиеся Лермонтов и Одоевский отправились вместе из Ставрополя по тракту к Екатериноградской, где прождали несколько дней «оказии» для дальнейшего следования во Владикавказ.

Два года спустя Александр Иванович умрет от малярии на Западном Кавказе.

Сведения о посещении Михаилом Юрьевичем Лермонтовым Екатериноградской, куда он приезжал и позже,

находим мы в журнале «Отечественные записки» за 1843 год, где опубликована статья «Я. А-в» «Заметки на пути из Москвы в Закавказский край». Автор писал, что в станице поэт познакомился с кабардинкой — женой полкового учителя, Верой Ивановной, в доме которой останавливались «все путешественники, начиная с главноуправляющего до последнего прапорщика... Вера Ивановна лично знала Лермонтова, который часто останавливался у нее. Замечая его насмешливый характер, она прочила ему трагический конец. ...От природы словоохотливая и любопытная, она знает все, что делается не только в наших тамошних переулках, но даже у горцев... Родом кабардинка, знаменитая Вера Ивановна... лет за 12 перед сим была взята в плен одним казаком».

Ее крестили в православную веру, и вскоре она стала женой полкового учителя. «Вере Ивановне 25 лет. Она говорит по-русски, как русская, очень недурна собой, прекрасные черные глаза ее сияют умом...»

...Довелось побывать в Екатериноградской и Льву Николаевичу Толстому.

В мае 1851 года двадцатитрехлетний Толстой приехал к своему старшему брату Николаю, служившему в то время артиллерийским офицером на Кавказе и квартировавшему со своей частью в казачьей станице Старогладковской на Тереке у границы с Чечней. Вместе с ним Лев Николаевич не раз принимал участие в военных экспедициях, а затем, увлекшись службой, стал хлопотать о своем зачислении в армию. Но вопрос этот мог решить только командующий артиллерией Кавказского корпуса. И Толстой решил ехать за назначением в Тифлис.

25 октября он выехал с братом Николаем из Старогладковской, и на третий день пути они прибыли в Екатериноградскую, откуда начинался «путь в Грузию». Стояла дождливая осенняя погода, колеса их коляски утопали в непролазной грязи. И станица, затянутая пеленой мелкого нудного дождя, показалась тогда ему очень неприглядной и серой, несмотря на величественную Триумфальную арку, под которой они проехали. Лев Николаевич с любопытством осмотрел этот памятник екатеринских времен.

Когда бывшая столица Кавказского края осталась по-

зади, коляска въехала на длинный 180-метровый деревянный мост, построенный через Малку. Оказавшись на правом берегу реки, братья направились по дороге к Владикавказу и Тифлису, проезжая через кабардинскую землю и укрепления Пришибское, Александровское, Урухское.

Возвращался Толстой в Старогладковскую в должности фейерверкера 4-го класса (унтер-офицера артиллерии), и 11 января 1852 года снова побывал в Екатериноградской. Потом ему довелось еще долго прожить среди терских казаков, встречаться с кунаками-чеченцами, участвовать в походах против войск Шамиля и еще четырежды, во время поездок на воды в Пятигорск и обратно, проехать по екатериноградским улицам.

В начале 1854-го были наконец получены документы о производстве Льва Николаевича в офицеры с переводом в Дунайскую армию. 19 января, навсегда покидая Кавказ, он выехал из Старогладковской, а 21-го в последний раз проследовал через Екатериноградскую, направляясь к Валахию на русско-турецкий фронт.

Общение великого писателя с терцами, прекрасное знание их быта, полной опасностей и удали жизни позволили ему потом так красочно и неповторимо описать все это в повести «Казачья жизнь». Он писал, что казаки, живя среди кавказских народов, «перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев». А жизнь горцев, их борьба за свободу дали ему тему для повести «Хаджи-Мурат».

Через полгода после отъезда с Кавказа Толстой записал в дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи - война и свобода». Уже на склоне лет всемирно известный писатель, по словам его биографа, «с радостью вспоминал это время, считая его одним из самых лучших периодов жизни».

* * *

Екатериноградская, бывшая некогда первым губернским городом всего Кавказа, осталась теперь лишь началом 286-верстной «дороги в Грузию», как приказал на-

чертать на Триумфальных воротах генерал Потемкин. К середине XIX века здесь почти ничто, кроме пришедших в полную ветхость наместнических зданий да арки, все так же горделиво возвышавшейся над станицей, не напоминало о прежних временах.

Новый наместник Кавказа Воронцов, проследовавший в 1845 году через Екатериноградскую в свою тифлискую резиденцию, приказал подремонтировать арку. Так как от прежней потемкинской надписи оставалось всего лишь несколько букв, на ее место установили три чугунные плиты. На средней, самой большой, значилось: «Построены в царствование Екатерины II», на левой — «Построены попечением генерал-губернатора Потемкина», на правой — «Возобновлены главнокомандующим Кавказским краем Михаилом Семеновичем Воронцовым в 1847 году».

Три года спустя в станице поднялся высокий пятиглавый войсковой собор. Еще в 1786-м Екатерина II «пожертвовала» на его строительство сорок тысяч рублей. Тогда в Екатериноград привезли от нее и серебряную доску с длинной надписью, призванной увековечить это «благоденствие великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны». Успели произвести только торжественную закладку. Потом уехал Потемкин, а вскоре город опустел, и о соборе как-то забыли, вполне обходясь для «общения» с богом деревянной церковью. В 1837 году в Екатериноградской побывал Николай I, совершавший поездку в Тифлис. Он заинтересовался судьбой денег, выделенных когда-то его бабкой на постройку храма. Слово его было законом, и все сорок тысяч вскоре отыскались в Астраханской духовной консистории... В соборе долгие годы хранилось знамя Горского казачьего полка, сделанное из голубого шелка с вытканной золотой надписью «За турецкую войну в 1828—1829 годах».

Еще в начале нашего века вблизи собора высились два тяжелых чугунных надгробных памятника. Надпись на первом из них гласила: «Генерал-майор Иван Федотович Ушаков, первый шеф Вологодского мушкетерского полка. Скончался 8 августа 1808 года в лагере при Екатеринограде на 48 году жизни...». И здесь же: «Очаков, Измаил, Прага», — места, где довелось генералу сражаться под командованием Суворова. Второй памятник стоял

на месте погребения наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска генерал-майора Феликса Антоновича Круковского, смертельно раненного в 1852 году в Чечне и завещавшего похоронить его в Екатериноградской.

С конца 50-х годов XIX века, когда дорога в Грузию перестала проходить через Екатериноградскую, из нее выехали военные учреждения, штабы, госпиталь. С тех пор станица с былой славой столицы Кавказского края осталась в стороне от больших путей, от бурного течения жизни.

В станице находился только дисциплинарный батальон, куда солдат направляли за провинности. Караульную службу при нем несли три роты 84-го пехотного Ширванского полка.

В «Настольном словаре, для справок», изданном в 1864 году в Петербурге, писалось: «Екатериноградская станица, иначе Екатериноград, Кавказского линейного войска... на левом берегу реки Малки, с 2260 жителей, которые занимаются большей частью хлебопашеством и садоводством. 2 ярмарки, Триумфальные ворота... П. С. Потемкиным в 1785 году назван Екатериноградом и назначен главным городом Кавказского наместничества».

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Над всем Кавказом высится седоглавый Эльбрус. Когда-то он был грозным огнедышащим вулканом, а потом затих и покрылся толстым ледовым панцирем. За сотни километров, с равнин Кубани и Ставрополя, виден в ясную погоду его белоснежный, как бы парящий высоко над землей купол.

Величественный и неповторимый вид этой горы, ее поднебесная высота и недосыгаемость издревле породили вокруг Эльбруса множество легенд и сказаний.

У народов Кавказа его вершина почиталась обиталищем богов и духов. Кабардинцы издавна называют Эльбрус Ошхамахо — гора счастья, и в старину считали, что достаточно посмотреть в ту сторону, произнести свои желания, и они исполнятся. Балкарцы и карачаевцы, живущие у самого подножия кавказского исполина, зовут его Минги-Тау — подобный тысяче гор. Уже академик Клапрот в своей книге «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 годах», рассказывая об этих народах, писал: «Они живут рассеянно... у подно-

жья Эльбруса, называемого ими «Минги-тав»... До подно-

зия Минги-тава, или Эльбруса, только пятнадцать верст, которые можно преодолеть за полдня, но его вершина недостижима».

У иранцев эта гора издавна известна как Джин-падишах — царь джиннов. Грузины называют Эльбрус Ялбузи - «снежная грива». Интересно, что русские, селившиеся на Северном Кавказе с XVI века, дали великану свое название - Шат-гора (вероятно, оттого, что своим видом эта вершина издали действительно напоминает шатер). Подтверждение этому мы находим в сочинении голландца Николая Витсена, прожившего несколько лет в России в шестидесятых годах XVII столетия и собравшего здесь довольно подробные сведения как об этой стране, так и о Кавказе, Крыме, Персии. «...Пятигорье означает пять вершин, — читаем в его книге, — эта область состоит из пяти очень высоких больших гор, находящихся в пятистах милях от Каспийского моря...» Но в той же области есть «горы еще выше, чем в Пятигорье, - это Снееснагор [Снежная гора] и Шатгора, которые... покрыты снегом». Названия эти голландский дипломат узнал в России, так как сам на Кавказе не был.

О «Шат-горе» - Эльбрусе писал Лермонтов. Под таким наименованием эта гора была известна в дореволюционное время и у терских казаков.

Две с половиной тысячи лет назад, в V веке до нашей эры, древнегреческий драматург Эсхил написал трагедию «Прикованный Прометей». В ней он рассказал о герое старинных мифов титане Прометее, восставшем против богов и похитившем у них огонь для людей. Разъяренные властители небес и земли приговорили его к вечным мукам. Сам Зевс-громовержец приковал Прометея цепью к скале на самой высокой горе Кавказа, пробил ему грудь копьем и приказал царю птиц — орлу клевать печень боготорца. За ночь она отрастала, а днем хищная птица вновь пожирала ее. В таких муках прошли тысячелетия; ведь титаны, как и боги, согласно мифам, были бессмертны. И только знаменитый Геракл, посмеявшийся взойти на эту гору, убил орла и освободил Прометея, совершив тем самым один из двенадцати своих подвигов.

Древнегреческие мифы нашли свое отражение даже в

первом гербе Кавказской области, утвержденном в октябре 1828 года. Основой эмблемы был щит, разделенный на две половины. В верхней его части помещался орел, сидящий «на вершине горы Кавказа» (видимо, имелся в виду Эльбрус). В левой лапе он держал «венчик лавровый», в правой — «перуны» (молнии). «Под ногами его лежат расторгнутые цепи древнего Прометея». В нижней части щита изображен «горный воинственный житель Кавказа, скачущий на коне... он стреляет из лука по их древнему обычаю. Вдали видны снеговые верхи Кавказских гор». В Кавказскую область входили в ту пору Кабарда и Балкария.

Переключаясь с греческими мифами о Прометее, адыгские нартские сказания повествуют о похитителе огня Сосруко. Местные легенды рассказывают и о великанах, прикованных на Эльбрусе:

«На снеговой вершине Эльбруса целые тысячелетия лежит громадный камень - скала. На нем сидит старик с длинной до ног бородой. Все тело его сгорбленное, дряхлое, обросло седыми волосами. На руках и ногах выросли длинные ногти, похожие на когти орла. Его прекрасные глаза, когда он бодрствует, горят, как угли. Его шею давит тяжелая огромная цепь, его руки, ноги и тело скованы цепями. С далекой древности он сидит на скале, прикованный за то, что хотел свергнуть великого бога. Никто из людей не может видеть страдальца. Все смельчаки погибали. От сильных страданий старик впал в тяжелое оцепенение. Иногда он пробуждается от сна и спрашивает своих сторожей: растет ли на земле камыш и рождаются ли ягнята. Великану суждено томиться до тех пор, пока будет расти на земле камыш и родиться будут ягнята. Когда стражи отвечают ему, что еще на земле есть камыш и ягнята, он с отчаянием рвет на себе тяжелые оковы; земля дрожит от его усилий, звук цепей родит гром и молнию в горах, тяжелое дыхание узника несется по ущельям и склонам гор порывистым ураганом, стоны вызывают подземный гул, а из слез образуется быстрый горный ручей, который сбегает к подножию Эльбруса».

Очень долго в народе считали, что простые, смертные люди не могут взойти на самую высокую гору Кавказа. Только богам и подвластным им духам доступна его вер-

шина, подпирающая собой небо. Сильные ураганы и бури, крепчайшие морозы, способные превратить человека в лед, снегопады и слепящие метели, удары молний и грома обрушатся на каждого, кто дерзнет вступить на склоны Ошхамахо — Минги-Тау.

Великие переселения народов и нашествия завоевателей, войны и гибель государств, восстания и борьбу народов за свободу, звон горских кинжалов и грохот пушечной канонады, ружейные выстрелы и звуки военной трубы - все это видел и слышал Эльбрус — молчаливый свидетель многих событий истории. Уходили столетия, а все такой же гордой и не покоренной человеком оставалась эта гора, ставшая символом всего Кавказа.

...Два коренных народа извечно живут на земле Кабардино-Балкарии. И как будто сама природа, создавая Эльбрус, позаботилась о том, чтобы увенчать его главу двумя вершинами - восточной — высотой в 5621 метр и западной — в 5642 метра. Так случится, что одну из них покорит кабардинец, на другую — взойдет балкарец.

В 1829 году, один из героев войны с Наполеоном, генерал от кавалерии Георгий Арсеньевич Эмануэль, бывший в то время командующим войсками Кавказской линии, организовал экспедицию в район Эльбруса. По заданию Петербургской академии наук в ее состав вошли геофизик академик Купфер, физик Ленц, ботаник Мейер, зоолог Менетрие. Генерал включил в группу ученых геолога Вансовича и в качестве художника архитектора Кавказских Минеральных вод Бернардацци. Уже в пути к экспедиции присоединился венгерский ученый Янош Бессе, приехавший в то время на Северный Кавказ с

целью отыскания на его территории следов пребывания венгров.

26 июня Эмануэль и ученые под охраной солдат и казаков Хоперского полка выступили из Константиногорской крепости, как до 1830 года назывался Пятигорск, и направились в сторону Эльбруса. Экспедицию сопровождали кабардинцы, балкарцы и карачаевцы.

8 июля отряд достиг верховьев реки Малки у северных склонов Эльбруса и стал здесь лагерем. Ученые занимались изучением высокогорной природы, а потом настал день, когда люди впервые пошли на штурм высочайшей горы Кавказа. И повели их вверх, в заоблачные выси, туда, где еще не ступала нога человека, местные жители — горцы из окрестных селений, проявившие тогда настоящее мужество. Они решились подняться на Минги-Тау - Ошхамахо, вопреки всем бытовавшим в народе поверьям, согласно которым, всякого, кто поднимется на его вершины, ждет неминуемая гибель.

22 июля 1829 года в 11 часов дня на восточную вершину Эльбруса поднялся один из проводников экспедиции кабардинец Киллар Хаширов, ставший первым покорителем этой горы. Генерал Эмануэль, наблюдавший за

восхождением в сильную подзорную трубу, приказал отметить это большое событие барабанным боем и ружейным салютом.

Ученые, бывшие в составе экспедиции, за те немногие дни пребывания у Эльбруса и на его склонах провели первые интересные исследования этого района, его геологии, растительного и животного мира, произвели инструментальную съемку и метеорологические наблюдения. Но главным результатом похода, как отметил в своем рапорте командующему Кавказским корпусом генерал от кавалерии Эмануэль, было покорение Эльбруса — то, что на его вершину поднялся «кабардинец Хилар», «показав первую возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся донныне неприступной...»*

Янош Бессе, занимавшийся историей происхождения венгров, считал, что балкарцы и карачаевцы «происходят от мадьярского корня», и поэтому проявлял к ним особый интерес. Познакомившись с сопровождавшими экспедицию балкарцами и карачаевцами, венгерский ученый писал о них в книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 годах», вышедшей спустя несколько лет в Париже:

«...Все эти люди были чисто одеты на черкесский манер, в костюмы, которые были переняты не только всеми жителями Кавказа, но также и казачьими офицерами на линии. Они превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать не только лихо, но и с изяществом; они очень ловки и прекрасные стрелки.

Эти люди отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью стана. Я заметил, что в этом отношении никакая другая нация не похожа так на венгров... Они показывают достаточно много ума, легко воспринимают принесенные извне искусства, и их, кажется, трудно чем-либо поразить...»

В составе экспедиции во главе группы балкарцев, при-

ехавших из Баксанского ущелья, где лежало селение Урусбиево (Орусбие, по словам Бессе), находился «старшина урусбиевцев... Мурза-Хул*, которого все русские называют «князь», бодрый и крепкий старик, несмотря на свой почтенный возраст». Он и поведал венгру очень заинтересовавшую того легенду о мадьярском князе, «слышанную из уст своего отца и многих старейшин своего племени, пересказывавших ее всякий раз, когда речь заходила о их предках мадьярах».

Рассказ Мирза-Кула Урусбиева поразил Бессе, так как, на его взгляд, подтверждал теорию о происхождении некоторых северокавказских народов от венгров: «Мурза-Хул вел свой рассказ с легкостью и живостью, очаровавшей слушателей. Что касается меня, то я затруднился бы передать те ощущения, которые породил во мне рассказ князя, ставшего с того момента объектом моего пристального внимания. Этот приятный старик не покидал нас до самого Эльбруса».

И в дальнейшем пути венгерский ученый, проникшийся большим уважением к этому интересному человеку, не раз беседовал с ним о прошлом, внимательно присматривался к нему и его спутникам, находя в них (по его мнению) все больше и больше черт, сходных с народом «мадьяр, живущих в Венгрии, тип лица которых не мог стереться, несмотря на минувшие девять веков после их переселения в Европу».

Мирза-Кул и вывел экспедицию к самому подножию Минги-Тау, куда пришлось добираться по труднопроходимым высокогорным местам, оставив внизу, в лагере, пушки и тяжелые грузы. «...Мы медленно шли вперед, шаг за шагом, - вспоминал Янош Бессе, - Мурза-Хул шел впереди колонны, за ним генерал Эмануэль и я. Через каждые десять шагов мы должны были останавливаться, чтобы набрать воздуха в легкие. Мурза-Хул, любезный старик, время от времени кричал нам ободряющие слова».

После покорения Эльбруса Эмануэль выступил с отрядом в Карачай. Там и простился венгр с балкарским другом — старшиной урусбиевцев, поразившим его своим

* В середине XIX века в составе Черноморского флота находился пароход, названный в честь горы Эльбрус «Эльборусом». В 1854—1855 гг., во время Крымской войны, его экипаж вел борьбу с вражескими судами, а после затопления русскими своих кораблей геройски оборонял Севастополь.

* Мирза-Кул.

знанием старины и очень многих преданий. Мирза-Кул, писал в книге Бессе, «чтобы оставить мнр какой-нибудь подарок... снял с груди шнурок, на котором висела очень красивая, выделанная серебряными нитями коробочка. Горцы постоянно имеют такие при себе и хранят в них жир, чтобы смазывать оружие для предохранения от влаги и ржавчины. Давая коробочку мне, он сказал, что она сделана его женой. Я взял этот подарок, как символ дружбы, и храню его и сейчас...»

Весьма интересно то, что венгерский ученый и путешественник даже попытался объяснить название «Эльбрус», исходя из мадыарского языка - «эльборуст, леборути», что означает «ты падаешь ниц», имеется в виду преклонение перед этой горой — исполином Кавказа.

Яношу Бессе еще раз доведется встретиться с Мирза-Кулом Урусбиевым, на этот раз в Константиногорской крепости на банкете - «большом обеде», который давал 3 августа того же 1829 года генерал Эмануэль. «Помимо генералов на службе в Константиногорске и гостей его превосходительства во время экспедиции на Эльбрус, на этом банкете, весьма примечательном разнообразием костюмов и языков», присутствовал и «Мурза-Хул, старшина урусбиевцев из племени мадыаров». Среди гостей находились также представители кабардинцев, черкесов, ногайцев, абазинцев. «Это было редкостное зрелище видеть столько разнообразных костюмов вперемешку с богатыми мундирами русских генералов и французскими костюмами...»

* * *

Верхний Баксан, лежащий в верховьях Баксанского ущелья, известен нам сейчас как место, от которого фактически начинается граница расположения альпинистских лагерей и туристических баз Приэльбрусья, этого прекрасного уголка Кавказа. И немногие теперь, кроме старожилов и историков, знают, что до 1920-х годов это небольшое балкарское селение называлось Урусбиево, по имени жившей здесь семьи местных владельцев-таубиев. Отсюда был родом и Мирза-Кул, участник экспедиции генерала Эмануэля.

После 1829 года пройдет почти сорок лет, прежде чем

на Эльбрус вновь пойдут пытливые и мужественные люди. Но основным путем для большинства станет теперь Баксанское ущелье, а отправным пунктом - селение Урусбиево.

Альпинистские восхождения на Эльбрус начались с шестидесятых годов прошлого века. И первых горовосходителей на штурм легендарной горы повел Ахия Соттаев, ставший знаменитым горным проводником.

В июле 1868 года из далекой Британии в Приэльбрусье приехали члены королевского альпийского клуба Дуглас Фрешфильд, Адольф Мур, Коминс Теккер с проводником-швейцарцем Франсуа Девуассу. За плечами у каждого из них были многие покоренные вершины Альп. А тем летом, отправившись из Ирана, они побывали на Арарате, первыми поднялись на Казбек. Потом в Сванетии англичане безуспешно пытались взойти на Ушбу и через перевал Донгуз-Орун вышли в Баксанское ущелье для штурма Эльбруса. Но опытные альпинисты оказались бессильны перед этой горой: их устрешили необозримые, пересеченные сотнями глубоких трещин ледовые поля.

Тогда сын Мирза-Кула - Исмаил Урусбиев и предложил иностранцам в проводники жителя селения Кызыл-Кёз (Красный глаз) Ахию Соттаева, прекрасно знавшего горы, исходившего все тропы, хребты и перевалы в том районе в поисках дичи. Вместе с ним иностранцев сопровождал Дачи Доттуев. В своей книге «Центральный Кавказ и Баксан», выпущенной через год в Лондоне, Фрешфильд отозвался о них, как об «очень опытных и смелых охотниках, которым было доступно все в окрестных вершинах Большого Кавказа».

Прежде чем пойти на Эльбрус, Фрешфильд с помощью Соттаева исследовал ледники Большой и Малый Азау и нанес их на карту.

29 июля Ахия и Дачи, вооруженные длинными шестами с острыми металлическими наконечниками и железными «кошками» для хождения по льду, повели иностранцев на Минги-Тау. По ущелью реки Терскол группа дошла до высоты около 3000 метров и остановилась на ночлег вблизи коша балкарских пастухов. На следующий день поднялись на Терскольский хребет и по его гребню

вышли в район нынешней «Ледовой базы», откуда уже начинаются снежно-ледовые склоны Эльбруса.

В два часа ночи 31 июля, привязавшись к одной веревке, с ледорубами в руках альпинисты выступили к вершине. Им пришлось идти одним, без проводников, которые ночевали в скалах несколько ниже их лагеря. На призывные крики англичан они не отозвались. И тогда, подумав, что балкарцы ушли вниз, Фрешфильд решил подниматься без них. Вскоре он провалился в глубокую трещину и остался жив только благодаря удержавшей его веревке. С трудом товарищи вытащили Дугласа из ледовой пропасти. И снова в путь - но снежному нолю, но теперь, прежде чем сделать шаг, им приходилось ощупывать ледорубом каждый его метр. Множество трещин, усиливавшийся мороз и начавшийся сильный встречный ветер очень затрудняли подъем. Вскоре альпинисты стали сильно мерзнуть, и ими все более овладевало состояние «ледяного отчаяния».

Взошедшее солнце облегчения людям не принесло. И тогда у них возникло сомнение - смогут ли они идти дальше.

К восьми часам утра горовосходители поднялись к скалам на высоту свыше 4800 метров. К этому времени у троих, в том числе у Фрешфильда, оказались отмороженными пальцы рук и ног. Решение о возвращении было уже почти принято. И как раз в эти минуты показали Ахия и Дачи, быстро поднимавшиеся по направлению к отчаявшимся восходителям.

Оказалось, что морозной ночью они спустились пониже и, завернувшись в свои шубы, уснули так крепко, что не слышали криков англичан. Проснувшись, стали искать их, а потом пошли вверх по следам. Приход проводников поднял настроение Фрешфильда и его спутников — это решило судьбу восхождения, которое, без всякого сомнения, без них было бы обречено на неудачу. Он сам это признает в книге: «Я сказал: «Если носильщики [проводники] пойдут, и я с ними». «Если один пойдет, то и все пойдём», - добавил Мур. Решение было принято, и мы снова обратили наши взоры к горе. С этого момента холод, хотя и суровый, перестал быть мучительным».

Соттаев шел впереди группы, Доттуев следовал замыкающим. «Они показали себя лучшими ходоками, каких только нам приходилось встречать», - скажет о них Дуглас Фрешфильд.

В 10 часов 40 минут 31 июля 1868 года Ахия вступил на восточную вершину Минги-Тау. За ним поднялись и остальные. Иностранцы, всего лишь три часа назад уже не верившие в то, что окажутся здесь, отметили свое восхождение громкими радостными криками «в честь горы, которая при помощи ветра и холода» вела с ними упорную борьбу. Альпинисты пробыли на Эльбрусе всего двадцать пять минут, но картина, увиденная с него, навсегда осталась в их памяти.

«На восток от нас открывалась панорама Главного хребта до самого Казбека. Ни одной группы гор я не видывал, которая имела бы такой чудный вид, — писал в книге Фрешфильд. - Вид, который представляют Пен-

нинские Альпы с вершины Монблана, не так красив, как Коштан-Тау и соседние с Эльбрусом вершины.

Кавказские горы гораздо красивее, их пики остроконечнее, а пропасти, разделяющие вершины друг от друга, производили впечатление неизмеримой глубины - этого в такой степени я никогда не замечал в Альпийских горах».

От вершины вниз до конца ледовых полей Соттаев довел альпинистов за четыре часа. Пока те отдыхали, он спустился с Дачи в Терскол и рассказал своим землякам о благополучном восхождении на «обиталище духов» Минги-Тау. Когда же Фрешфильд и трое его спутников оказались внизу, в долине Баксана, собравшиеся там балкарцы, не надеявшиеся увидеть их живыми, встретили иностранцев очень приветливо. На радостях англичане и швейцарец побратски расцеловались с каждым из них.

«Пришли англизы, — рассказывает в балкарской легенде, родившейся после этого восхождения, — взяли двух проводников и взобрались на самую вершину Эльбруса. Долго они смотрели оттуда во все стороны, все что-то измеряли и, наконец, насыпали из камней небольшой курган в знак своего там пребывания. Спустившись с вершины, они прибыли благополучно в аул Урусбиева. Тут всех их

засыпали вопросами, не видели ли они прикованного к скалам старика. Рассмеялись англизы! Никого они там не видели; впрочем, скалу с родником они видели, но воды им не удалось испить. Да и пить-то ее нельзя. Достать воду можно, но пить из родника Эльбруса воспретил сам Магомет...»

Тяжелое восхождение на Эльбрус завершилось успешно лишь благодаря Соттаеву и Доттуеву. Но Фрешфильд, который, несомненно, знал из опубликованных русских источников о восхождении Киллара, славу первовосходителя припишет себе. Эта неправдоподобная версия будет жить довольно долго, а на Западе еще и теперь некоторые историки альпинизма продолжают считать иностранцев первыми покорителями Эльбруса.

На восточной вершине люди побывали уже дважды. Оставалась непокоренной западная - более высокая и сложная для восхождения. Прошло еще шесть лет. Летом 1874 года в Баксанское ущелье прибыла новая группа альпинистов-англичан: путешественник и географ Ф. Грове, Н. Уоккер, Ф. Гардинер и соратник Фрешфильда по восхождению Мур. Их сопровождал альпийский проводник швейцарец Кнубель.

До приезда сюда они уже побывали в Дарьяльском ущелье. Приехав в Кабарду, горвосходители посетили Безенгийское ущелье, из него перешли в Чегемское, откуда через Актопракский перевал и селение Озроково (ныне Былым) вышли в долину Баксана.

В Лондоне Грове уже знал от Фрешфильда об Ахие. Оказавшись в Урусбиеве, он сразу же пригласил его в проводники.

16 июля 1874 года в одиннадцать часов утра балкарец Соттаев, англичане Грове, Уоккер, Гардинер и швейцарец Кнубель первыми взойшли на западную вершину Эльбруса. В тот день после недавних больших снегопадов стояла отличная погода. Но восходители тяжело перенесли подъем — сказались резкий перепад высоты, недостаток кислорода и глубокий снег на склонах горы. Только личный пример Ахии, идущего без усталости вперед, помог путешественникам собраться с силами и достичь желанной вершины. Восхищенный Соттаевым, Грове посвятил ему в своей книге «Холодный Кавказ» такие строки:

«Этот замечательный охотник деревни Урусбиево, по всей вероятности, более других успел ознакомиться с окружающими долинами и горами... Худощавый, крепкий и сильный, он, по-видимому, совершенно свободно поднимался по склонам гор, тогда как в действительности путь его был настолько труден, что обыкновенный человек едва ли в состоянии был следовать за ним, он же в случае нужды, не

убавляя шага, мог совершить довольно большой переход. Зрение его было поразительно...»

Ахия Соттаев стал первым человеком, покорившим обе вершины Эльбруса.

Англичанин Грове напишет в книге о своих мыслях, пришедших к нему в те минуты, когда он стоял на высшей горе Кавказа: «Находясь почти на границе между Европой и Азией, невольно приходила в голову мысль о сравнении древних, уже отживших рас с могущественной, еще совершенно юной страной, громадная будущность которой только теперь начинает признаваться людьми...»

Так покорился людям Эльбрус. И путь на него проложили сыны Кабардино-Балкарии, ставшие первыми отечественными альпинистами.

Адольф Мур в тот день в восхождении не участвовал. Он остался в лагере у начала ледника, поджидая двух русских офицеров - Квитко и Варнова, поднимавшихся снизу. На следующий день все трое вместе с Исмаилом Урусбиевым, его братом Магометом и швейцарцем Кнубелем попытались взойти на Эльбрус по следам Ахии Соттаева. Но погода резко испортилась, разразился буран, пошел снег. На этот раз Муру, побывавшему в 1868 году на восточной вершине, пробиться к западной не удалось. Отряд вернулся в долину Баксана.

Не следует удивляться тому, что в числе первых восходителей на Кавказе, кроме местных проводников, были только иностранцы. К тому времени в Западной Европе уже имелся громадный альпинистский опыт. Достаточно сказать, что Лондонский альпийский клуб был основан еще в 1857 году. Вслед за ним образовались Австрийский, Итальянский, Швейцарский и Немецкий.

В нашей же стране Русское горное общество было учреждено только в 1901 году. Оно объединило в своих рядах всех любителей гор. И лишь через два года в Пятигорске возникло Кавказское горное общество.

Ветерану гор Ахие довелось встретиться с Дугласом Фрешфильдом еще раз, спустя девятнадцать лет. К этому времени это был человек с мировым именем. На счету его значились десятки покоренных вершин в Альпах, Гималаях и в горах Африки. За свои альпинистские заслуги и географические изыскания он был удостоен королевой Викторией почетного титула сэра и стал президентом Британского альпийского клуба.

Фрешфильд снова приехал на Кавказ со швейцарцем Франсуа Девуассу и венгром Морицем Дечи в 1887 году, совершив с ними ряд восхождений на горы с южной стороны Главного

хребта. Из Сванетии через перевал Донгуз-Орун они перешли Баксанское ущелье и несколько дней находились на отдыхе в Урусбиеве. Тогда сэр Дуглас и подарил Соттаеву в память об их давнем совместном походе на Эльбрус свою подзорную трубу. Старый проводник больше не поднимался на Минги-Тау, но все еще ходил в горы на охоту. И во время своей последней встречи с Фрешфильдом Ахия принес ему в подарок тура, убитого специально для него и его друзей — Девуассу, с которым он поднимался на Эльбрус еще в 1868 году, и Дечи, побывавшего в Урусбиеве несколько лет назад.

Когда гости уезжали, он провожал их верхом до самых ледников ущелья Адыр-Су. Отсюда альпинисты направлялись в Чегемское ущелье через один из труднейших перевалов высотой более 4000 метров, названный позже по праву первовосхождения именем Фрешфильда. Пойти с ними Ахия уже не мог — силы были не те. Он долго стоял и смотрел вслед трем мужчинам, направлявшимся в белое безмолвие снегов и ледников, смотрел так, как будто с ними навсегда уходила его молодость...

* * *

Внук Ахии, кандидат педагогических наук, балкарский филолог Адильгери Хажимусаевич Соттаев рассказывал мне о своем деде:

«Я хорошо его помню, хотя и был тогда маленьким мальчишкой. До конца дней своих он оставался бодрым и энергичным. Ахия славился как большой охотник, ведь недаром англичанин Грове отметил в книге, что зрение у него было великолепным.

Еще и после его смерти у нас в семье хранилась подзорная труба, подаренная ему Фрешфильдом, «кошки», с помощью которых он ходил по ледникам Эльбруса, и кизиловая палка — с ней дед бродил по горам. На ней было 1574 зарубки — это цифра убитых им за свою жизнь горных козлов и серн, но он никогда не стрелял козлят.

Ахия еще был к тому же умелым рыболовом - очень искусно ловил форель. В Балкарии его даже многие знали как Чабакчы, что значит «рыболов». Знал он много народных преданий и легенд. Сын Исмаила Урусбиева Сафар-Али, опубликовавший в прошлом веке «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев», как нас тогда называли, ссылается и на Чабакчы Соттаева, у которого он записал некоторые из них.

Дед мой Ахия всегда оставался жизнелюбивым человеком, но об одном случае вспоминал всегда с огорчением. Взяв на Эльбрус Грове, он нес бурдюк с айраном, надеясь выпить его вместе с гостями на вершине. Но сделать этого не смог, потому что напиток замерз и превратился в лед. Деда это очень огорчило, так как он считал, что айран придает людям силу и бодрость. И только спустившись в Терскол, он и сам вволю напился и угостил иностранцев. Вообще Ахия был очень общительным человеком, относившимся одинаково по-доброму к людям разных национальностей, среди которых имел много друзей и знакомых - русских, англичан, швейцарцев, венгров, итальянцев, немцев, австрийцев, всех тех, кто побывал в Урусбиеве и на Эльбрусе при его жизни. Дружил он и со своими близкими соседями - кабардинцами и сванами...»

Умер Ахия Соттаев в 1918 году. Адильгери Хажимусаевич показал мне и старую пожелтевшую фотографию - дорогую семейную реликвию: на ней Ахия, высокий крепкий старик с небольшой бородкой и зоркими глазами, рядом с ним его жена (скончалась она через несколько дней после смерти мужа).

Адильгери Соттаев дважды по следам своего деда (кстати, у Ахии было 45 внуков и внучек) ходил на Эльбрус — в 1936 и 1960 годах.

...По дороге в Приэльбрусье, недалеко от селения Верхний Баксан (бывшее Урусбиево), в наши дни возведен мемориальный комплекс в честь первых покорителей Эльбруса — Киллара Хаширова и Ахии Соттаева. Их скульптуры, установленные на высоких постаментах, встречают отныне всех, кто проходит и проезжает к Ошхамахо — Минги-Тау, к вершинам и перевалам Центрального Кавказа, туда, куда шли когда-то первопроходцы, открывая неизведанные пути, — «на высочайшую из гор» Кавказа, «почитавшуюся... неприступной».

У ГОСТЕПРИИМНЫХ

УРУСБИЕВЦЕВ

С середины прошлого века балкарское селение Урусбиево стало пунктом, где останавливались все горовосходители и путешественники. Здесь они готовились к восхождению на Эльбрус, отсюда брали проводников и уходили на его штурм, научные изыскания или горные «прогулки» в этом районе.

Один из первых русских путешественников, посетивший село еще в 1848 году, оставил нам свои воспоминания «Поездка к южному склону Эльбруса», опубликованные спустя год в петербургском журнале «Библиотека для чтения». К сожалению, автор скрыл свое имя под сокращением «Г-д», да и почти все участники поездки названы лишь начальными буквами их фамилий.

В Кисловодске «Г-д» встретился с полковником Б., собиравшимся в поездку для осмотра казачьих постов в горах, посещения карачаевцев и балкарцев, живших в верховьях Кубани, Уллу-Кама и Баксана, а главное - для отыскания кратчайшего пути из Хурзука в Урусбиево через перевал Хотю-Тау.

19 июля группа в составе автора статьи, двух полковников, карачаевского пристава, живописца Корродини и охраны выехала верхом на лошадях из Кисловодска в Карачай. В Хурзуке к ним присоединился «молодой, привлекательной наружности горец, сын урусбиевского старшины» Исмаил Урусбиев, которому с того самого года и суждено было стать другом всех путешественников, исследователей и горовосходителей, посещавших Приэльбрусье.

В конце дня 21 июля они подъехали к перевалу Хотю-Тау и заночевали у его подножия. Здесь еще никто не проходил, кроме местных жителей — карачаевцев и балкарцев. Путь через него являлся наиболее коротким из верховьев Кубани в Баксанское ущелье, но и очень сложным, так как на протяжении более пяти километров проходил по ледникам юго-западных склонов Эльбруса. Это громадное ледовое поле изрезано бесчисленным количеством глубоких трещин, особенно опасных в пору, когда они предательски прикрыты сверху тонким слоем снега. Ступишь на такой снежный мостик, и вот вместе с человеком он обрушивается вниз, в бездонную ледовую пропасть.

Рано утром карачаевские проводники и Исмаил Урусбиев вывели первых путешественников-европейцев на гребень перевала Хотю-Тау высотой в 3546 метров. На лошадях ехать дальше было нельзя, и их отправили вниз. Переход через ледовое плато совершили с большим трудом по рыхлому, мокрому снегу, среди множества трещин, которые удалось благополучно миновать только благодаря опытным проводникам.

Вечером путники вышли в верховья Баксанского ущелья, а ночью их приветствовал в своем доме Исмаил, опередивший группу, пока она добиралась в Урусбиево из Терскола.

«Салам алейкум! Хош кельды!» - «Мир вам! Добро пожаловать!» - такими словами встретил первых своих гостей Исмаил Урусбиев и будет встречать потом еще многих на протяжении более сорока лет.

«Прием отличный! - читаем в записках «Г-д», приятно пораженного гостеприимством и радушием балкарцев. - Чайный сервиз, такой изящный и полный, какой едва ли найдется в западных губерниях у мелкопоместной

шляхты... Пилав, кебабы, похлебка и прочая еда уже разложены по столикам к услугам жданных гостей».

Несколько дней прожили в Урусбиеве русские гости. И тогда полковник Б. и художник Корродини сделали целую серию интересных зарисовок села, его жителей, их домов и внутреннего вида помещений. Насколько мне известно, о судьбе этих рисунков пока нет никаких сведений — разыскать их не удалось.

Возвратилась группа в Кисловодск через перевал Кыртык-Ауш (высотой более 3200 метров) и верховья Малки, где находилась Бабукова переправа и стоял казачий пикет.

Это была, пожалуй, первая и последняя попытка открыть путь из верховьев Кубани в ущелье Баксана через перевал Хотю-Тау. Больше им никто, кроме местных жителей, до революции не пользовался.

Так уже в 1849 году в литературе появился рассказ о затерянном в горах балкарском селении и об Исмаиле Урусбиеве, который сыграл значительную роль в предстоявших походах на Эльбрус и в научных изысканиях, проводившихся в этом районе.

С 1853 года Исмаил носил звание прапорщика горской милиции, а в 1868-м получил чин подпоручика. И в этом же году он принимал у себя Дугласа Фрешфильда, совершившего восхождение на Эльбрус. Перед своим отъездом, благодарный за теплый прием и опытных проводников, предоставленных Урусбиевым, англичанин подарил гостеприимному хозяину переплетенную тетрадь с описанием своего путешествия на Эльбрус. Удивительную судьбу довелось ей пережить. Она побывала в руках многих людей, оставивших в ней свои интересные рассказы о пребывании в Приэльбрусье.

В 1894 году, когда тетрадь оказалась полностью заполненной, сын Исмаила - Науруз завел вторую. И в ней стали появляться страницы, исписанные на разных языках людьми, приезжавшими в Урусбиево и верховья Баксанского ущелья.

Эти тетради в твердых кожаных переплетах стали летописью покорения Эльбруса и свидетельством посещения маленького балкарского селения замечательными и

интересными людьми, многие из которых являются гордостью нашей страны и известными деятелями зарубежной науки.

* * *

Одним из первых в конце шестидесятых годов в Урусбиеве побывал Густав Иванович Радде - русский естествоиспытатель, путешественник и этнограф, участник многих экспедиций по Сибири, Крыму, Кавказу и Турции. Во время пребывания в Баксанском ущелье он собрал богатейшие зоологические и ботанические коллекции. Его наблюдения и собранные здесь материалы вошли в созданные им фундаментальные труды «Зоология (Кавказ)», «Ботаника (Кавказ)», «Кавказский хребет».

«...На всем с лишком 70-верстным пространстве от аула Атажукина [ныне Заюково] до Урусбиа дорога весьма хороша и удобна не только для верховой, но и для колесной езды в небольшом экипаже, — писал в 1868 году в газете «Терские ведомости» Николай Грабовский, побывавший в Приэльбрусье. - Устройство ее, а также и восьми прочных и довольно широких мостов через реку Баксан принадлежит исключительной заботливости прапорщика Исмаила Урусбиева и вообще жителей ущелья, осознавших пользу удобного сообщения с плоскостью.

...Были уже довольно поздние сумерки, когда мы достигли цели нашей поездки - аул Урусбиева. Хороший наш знакомый, у которого мы остановились, принял нас весьма радушно. Очень удобно поместились мы в большой и опрятной кунацкой...»

Тогда же по Баксанскому ущелью проехали братья Нарышкины, изучавшие археологические памятники Кавказа и направлявшиеся через перевал Донгуз-Орун в Сванетию. Их сопровождал в поездке младший брат Исмаила - Магомет Урусбиев. В пути он останавливался с гостями в своих знакомых и родственниках, проживавших в Атажукине и «ауле Коркужан* на правом берегу Баксана», где «сакли выстроены из хорошего соснового леса, растущего в изобилии на склоне окрестных гор».

* Аул Коркужан или Куркужан — ныне часть г. Тырнауза.

Вспоминая потом о встречах с балкарцами, один из Нарышкиных рассказывал в своих записках, опубликованных в «Известиях Русского археологического общества» за 1877 год:

«...Перед отъездом моим из Урусбиа я познакомился со старшим членом этого семейства Исмаилом, который образованием своим и понятиями резко отличается от своей среды, несмотря на то, что дурно говорит по-русски...

...Надобно отдать справедливость... чем более жители удалены от плоскости, тем радушнее бывает прием, оказываемый ими чужестранцам...

Имея весьма редкие сношения с русскими, они [урусбиевцы] получают все для себя необходимое... из Закавказья. Грузины доставляют им бумажные и шелковые материи и разные мелочи и получают взамен вместо денег бурки и домашнего изделия сукна, которые славятся необыкновенной красотой и прочностью...

...Почти у всех есть отличное старинное оружие, сохраняющееся из рода в род и имеющее в их глазах громадную ценность. Мне приносили для показа шашки... которые ценились ими до 500 рублей... Свинец составляет большую редкость; за несколько пуль я покупал прекрасные туры рога, так как многие жители — хорошие охотники, а туров по окрестным горам довольно много.

...Внутреннее устройство саклей напоминает кабардинское жилище, за исключением того, что все выстроено из отличного (строевого) соснового леса. Лошадей у жителей очень мало, они заменяются ослами и изредка мулами...»

В 1873 году в верховьях Баксанского ущелья и у подножия Эльбруса вел изыскания академик российской Академии наук, крупный геолог Герман Вильгельмович Абих, приезжавший сюда почти четверть века назад и исследовавший ледники Азау. Оказавшись здесь вновь, он отметил факт отступления и уменьшения глетчеров Эль-

бруса. Абих стал первым ученым, обстоятельно изучившим геологию Центрального Кавказа и написавшим одну из лучших работ в этой области — «Объяснение геологического разреза северной покатости Кавказского края от Эльбруса до Беш-тау...»

В следующем году в тетради Фрешфильда оставил свой автограф английский географ и альпинист Грове, так отзывавшийся о балкарцах в книге «Холодный Кавказ»: «...Народ этот замечательно красив, отличается хорошим здоровьем... способен на большой продолжительный труд», «этот... народ, ведущий в своих уединенных долинах пастушескую жизнь, обыкновенно отличается честностью, простотой и правдивостью».

От него впервые нам становится известно о том, что к этому времени Исмаил Урусбиев построил в селе специальный дом — кунацкую, предназначенную для всех тех, кто приезжал в эти края. «По северную сторону Кавказской цепи до сих пор нам не приходилось еще помещаться в таком хорошем доме, какой мы занимаем теперь. Он состоял из двух комнат, в лучшей из них помещалась большая низкая платформа из досок... на которой спать было, конечно, удобнее, чем на холодном полу. Здесь же находилась кровать... большой котел для кушанья... треножный железный подсвечник и маленький столик».

С искренней теплотой Грове писал о Магомете Урусбиеве, который сказал ему на прощание: «Если вы вздумаете побывать здесь еще, то помните, что к вашим услугам мой дом, которым вы можете пользоваться как своим, что во мне вы всегда встретите друга, а я смотрю на вас, как на брата...»

А в тетради появлялись все новые и новые записи людей, пользовавшихся гостеприимством жителей аула Урусбиево. В июле 1881 года сюда приезжал изучать геологию Эльбруса и его ледники известный географ и геолог, исследователь Урала и Тянь-Шаня, профессор Петербургского горного института, активный деятель Русского географического общества Иван Васильевич Мушкетов.

Особенно тщательно он исследовал ледники Азау и влед за Абихом подтвердил, что в результате таяния длина их с каждым годом уменьшается.

Тогда же ученый вместе с Исмаилом Урусбиевым и группой местных жителей попытался подняться на Эльбрус. Им удалось дойти до высоты немногим более 4000 метров - ввиду ухудшения погоды пришлось возвратиться назад.

В 1882 году в Урусбиеве гостил художник-демократ Николай Александрович Ярошенко, к тому времени уже создавший свои полные драматизма и благородства картины «Кочегар» и «Заключенный». Он являлся одним из руководителей товарищества передвижников, объединявшего демократически настроенных художников-реалистов России, среди которых находились Репин, Левитан, Крамской, Суриков, Шишкин.

Тем летом Ярошенко совершил большую поездку по Кавказу и, влюбленный в него, стал, по словам художественного и музыкального критика Владимира Стасова, истинным «портретистом гор».

В архиве Николая Александровича среди его зарисовок сохранилась одна с такой надписью: «4 августа 82 г. Дом князя Урусбиева в ауле Куркужан-Кашук». Видимо, там, в нынешнем городе Тырныаузе, Ярошенко впервые встретил Исмаила Урусбиева. Знакомство это потом перешло в дружбу.

Живя в Урусбиеве, художник бродил вместе с Исмаилом Мирзакуловичем по горам, слушал его рассказы о прошлом, рисовал. Через несколько дней кунак-балкарец провожал русского друга и его спутников через перевал Донгуз-Орун в Сванетию. Встречались они и позже: Урусбиев не раз бывал в доме Ярошенко - «Белой вилле» в Кисловодске.

В 1894 году Николай Александрович показал на XXII передвижной выставке в Москве новую картину «Песнь о былом», написанную явно под впечатлением поездки в Урусбиево. В облик князя, внимательно слушающего вместе с другими людьми народного певца-сказителя, несомненно, вложены черты Исмаила Урусбиева. Полотно, ныне хранящееся в Государственном Русском музее Ленинграда, привлекло к себе большое внимание передовой общественности, оно доносило до посетителей выставки романтический дух и колорит жизни горцев, их быта, обычаев и характеров.

Ярошенко не поднимался на Эльбрус, но воспел эту гору в своих поэтически возвышенных картинах - «У подножия Эльбруса» и «Шат-гора». Ряд своих работ художник посвятил людям нашего края, среди них известные этюды «Старик-кабардинец», «Кабардинка», «Татарин кавказский», «Татарка» (последние два посвящены балкарцам).

А на Эльбрус продолжали идти смелые и любознательные. В июле 1882 года на него пытался подняться русский генерал Петрусевиц. Спустя два года, 11 августа 1884 года, на западную вершину успешно взойшли четыре человека — известный венгерский географ и альпинист Мориц Дечи, швейцарцы Бургнер, Руппен и проводник-балкарец Моллай Терболатов. Им пришлось подниматься по свежеевыпавшему снегу, а потом рубить ступени во льду. Достигли они вершины только вечером в снежную бурю, потратив на подъем около одиннадцати часов.

* * *

1885 год стал для урусбиевцев, пожалуй, одним из самых богатых на гостей... Все началось с Кисловодска, где оказался по делам Исмаил Мирзакулович. Там его давний друг отставной полковник Д. О. Аглинцев познакомил с четырьмя русскими, приехавшими на Кавказ из Москвы и Петербурга.

Один из них - выдающийся композитор, пианист и педагог, директор Московской консерватории, ученик и друг великого Чайковского Сергей Иванович Танеев.

Второй - видный историк, политический деятель и юрист, профессор права Максим Максимович Ковалевский, лично знакомый с Марксом и его семьей. За два года до этой поездки он уже побывал с этнографом Всеволодом Миллером в Безенгийском, Чегемском и Баксанском (до Былыма) ущельях и вместе с ним выпустил работу «В горских обществах Кабарды», посвященную жизни, быту и обычаям балкарцев. Позже, после неоднократных поездок по Кавказу, Ковалевский опубликует фундаментальную двухтомную книгу «Закон и обычай на Кавказе» и работу «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа». На его «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», в который вошли и наблюдения над

правовыми и семейными отношениями горских народов, неоднократно ссылается Фридрих Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». До наших дней эти труды Ковалевского имеют научную значимость для исследователей.

Третий - виднейший деятель русского народничества, публицист, редактор журнала «Отечественные записки» Николай Константинович Михайловский. Он, по словам В. И. Ленина, «...был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века».

Четвертым в этой группе был довольно известный социолог и экономист того времени профессор Иван Иванович Иванюков. В марте 1883 года, когда умер Карл Маркс, он от имени прогрессивных преподавателей и студентов Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии послал в Лондон деньги на венок от русских демократов.

Все четверо собирались отправиться в экспедицию по горам Кавказа для изучения быта, обычаев, музыки его народов. И когда Урусбиев узнал о цели их поездки и о том, что им предстоит переход через Кавказский хребет в Сванетию, он пригласил их к себе и пообещал перевести через перевал, заявив: «Кто выбьется из сил, того мы перенесем на бурках».

«Могучая, как бы из железа скованная фигура Исмаила Урусбиева внушала нам бодрость и уверенность в успехе предприятия, — вспоминали в очерке «У подошвы Эльбруса» Иванюков и Ковалевский. — «Ваше путешествие начинается под счастливой звездой, — заметил Аглинцев, — лучшего путевода трудно найти на всем Кавказе».

В память об этой встрече там же, в Кисловодске, Танеев, Ковалевский, Михайловский, Иванюков и Аглинцев сфотографировались вместе с Исмаилом. Один из оригиналов снимка в наши дни хранится в Музее музыкальной культуры имени Глинки в Москве, а другой вплоть до 1924 года находился в семье Урусбиевых. Дальнейшую судьбу его выяснить пока не удалось.

Перед отъездом в Баксанское ущелье, 19 июля 1885 года, Танеев писал в письме своему другу Ф. И. Маслову о впечатлении, произведенном на него Исмаилом: «...С нами едет владелец Урусбиевского аула, человек во многих отношениях замечательный, Исмаил Мирзакулович... лицо, знающее весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую), знающий историю и географию, Бокля, Дарвина и т. п. При всем этом грамоты не знает. Считается здесь первым знатоком кавказских преданий».

В тот же день композитор написал письмо Чайковскому:

«Милый Петр Ильич!

Завтра выезжаю в путешествие, которое продолжится двадцать дней. Мы сделаем перевал через Кавказский хребет близ Эльбруса, что представляет очень большие трудности (Урусбиевский перевал), потом проедем в Сванетию, сначала в княжескую, потом в вольную.

Писем не ждите, а пишите в Кутаис до востребования. Наше путешествие обставлено очень большими удобствами: нас провожает владелец перевала Исмаил Урусбиев. Лошади и проводники будут готовы...

Некогда писать подробнее. Пора спать, завтра утром выезжаем...

До свидания. Искренне преданный Вам

С. Танеев».

20 июля Танеев, Ковалевский, Иванюков, присоединившиеся к ним англичане Емс и Смит и тифлисский фотограф Д. И. Ермаков, которые следовали до ледника Азау на южных склонах Эльбруса, отправились по горам из Кисловодска в Урусбиево. К сожалению, Михайловский заболел и выехать не смог. Почетных гостей сопровождал Исмаил с несколькими своими родственниками. В Хасауте он задержался на день, а дальше с группой поехал его молочный брат карачаевец Азамат.

С перевала Кыртык-Ауш перед путешественниками уже открылась величественная картина цепи Кавказских гор и Эльбруса.

В селе Урусбиеве дорогих гостей встречал сам Исмаил Мирзакулович, поспевший сюда раньше них. И, как всегда, хозяин не жалел для друзей-кунаков сочных шашлыков из мяса лучших баранов и молодых туров, наваристой, душистой шурпы, зажаренных на вертеле горных индеек — уларов и куропаток — кекликов.

Селение, где Танеев и его товарищи гостили четыре дня, имело довольно необычный для горной местности вид: дома в нем были не из камня, как в большинстве балкарских аулов, а из сосновых бревен, очень напоминая по типу жилища на севере России. Из всех построек особо выделялась кунацкая, украшенная коврами и экзотическими турьими рогами. В ту пору в селе проживало 2200 человек и насчитывалось 294 двора.

Здесь, в Урусбиеве, Танеев, Ковалевский и Иванюков узнали подробно об Исмаиле. Один из его младших братьев - Хамзат, офицер, находился на военной службе. Старший сын Науруз как раз в том году окончил Владикавказское реальное училище, а младший Сафар-Али учился в

Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве.

Исмаилу было 54 года*, но выглядел он гораздо моложе. В составе депутации балкарского народа Исмаил однажды побывал в Петербурге и Москве. Ездил часто в Кисловодск, Пятигорск и Нальчик. Прилично владел русским языком. Читать и писать он мог только по-арабски. «...Тем не менее имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книжки читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь — отличный знаток народных преданий и легенд, и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и об его прошлых судьбах. Память у князя феноменальная: однажды, беседуя с нами о русской литературе, он в доказательство своей мысли цитировал несколько мест из Добролюбова», — писали об Исмаиле Мирзакуловиче Иванюков и Ковалевский в очерке «У подошвы Эльбруса», напечатанном спустя год после путешествия в журнале «Вестник Европы». В Хасауте и здесь, в Урусбиеве, Сергей Иванович Тапеев с интересом наблюдал карачаевские и балкарские танцы, вслушивался в народные мелодии и напевы. А в один из вечеров записал от Исмаила двадцать местных старинных песен.

«По словам горцев, он один из немногих знатоков старых кавказских песен, мало-помалу исчезающих из памяти народа, — писал композитор в «Заметке о музыке горских татар», одной из первых в музыковедении записей балкарских песен. - Теперь почти не существует людей, которые могли бы петь их со словами. Мелодии этих песен князь играл на кобузе, подпевая при этом лишь второй, сопровождавший их, голос.

...Князь Урусбиев сообщил мне свои предположения о времени происхождения горских песен. Он делит их на четыре группы...».

Тогда же Танеев и его спутники познакомились с сыном Исмаила Наурузом и с двумя другими гостями Урусбиевых - венграми - Дечи, поднявшимся в минувшем году на Эльбрус и теперь вновь приехавшим на Кавказ изучать ледники Эльбруса и Казбека, а также профессором ботаники Лойко, разыскивавшим в горах новые виды лишайников.

Наступил день отъезда из Урусбиева в Сванетию. На лошадях двинулись вверх по долине реки в сторону Эльбруса. В густом сосновом лесу переправились по зыбкому мосту через бурный Баксан и въехали в ущелье Донгуз-Орун, ведущее к одноименному перевалу высотой 3200

метров. Проводником, в сопровождении сына Науруза, десятка своих земляков и сванов, шел сам Исмаил.

Вершину и склоны перевала заволакивали промозглые серые тучи. Идя по рыхлому, выпавшему прошедшей ночью снегу, путники часто проваливались в него то по колено, то даже по пояс, но, помогая друг другу, с каждым шагом приближались к перевальной точке. Вместе с людьми поднимались вверх и лошади. Проводникам то и дело приходилось вытаскивать их из снега, в котором животные вязли буквально по самое брюхо.

Исмаил, Науруз и их помощники, шедшие впереди, ощупывали шестами каждый клочок крутого склона, отыскивая трещины. И вот настал момент, когда, через три трудных часа подъема, раздался голос старшего Урусбиева: «Ура! Донгуз-Орун взят!» Далеко внизу в разрывах туч виднелась Сванетия.

...Три года спустя, в 1888 году, сын Исмаила Науруз побывал в Москве и встретился с Танеевым, который повел его в Большой театр на оперу «Евгений Онегин». Тогда же младший Урусбиев познакомился с Чайковским.

Науруз увиделся с Сергеем Ивановичем и в июне 1891 года, когда тот лечился в Пятигорске. Урусбиев приехал к нему и прежде всего сообщил печальную весть о том, что несколько месяцев тому назад скончался его отец Исмаил Мирзакулович. Танеев искренне погоревал о нем, так как прекрасно помнил все доброе, связанное с этим человеком.

Вскоре после взволновавшей его встречи, 21 июня, композитор писал из Пятигорска Чайковскому:

«Милый друг мой Петр Ильич, не хочешь ли предпринять вместе со мной восхитительную прогулку? Какую — сейчас объясню...

Несколько дней назад я встретился с молодым князем Урусбиевым, Наурузом (ты его видел у меня в Москве три года назад), сыном того Урусбиева, теперь уже умершего, который провожал нас с Ковалевским и Иванюковым в Сванетию. Науруз Исмаилович очень мне обрадовался и стал звать к себе в аул погостить... Я с радостью принял это приглашение, и мысль, что я опять увижу дивные места около Эльбруса, до такой степени меня взволновала, что я долго не мог уснуть ночью...

Между прочим, решил тебе предложить сделать со мной эту поездку... Молодой Науруз будет в восторге, если ты его посетишь. Когда он приехал в Москву три года назад, я повел его в «Онегина»... И музыка, и деко-

* Этот возраст указывают Иванюков и Ковалевский. Но, судя по всему, в то время И. Урусбиеву было не менее 60 лет.

рации, и оркестр, и пение — все это произвело на него необыкновенно сильное впечатление, и он до сих пор вспоминает об этом представлении. Я уверен, что впечатление, которое произведет на тебя его аул и путешествие, будет несколько не слабее, чем то, которое испытал... горец, увидев «Онегина»... Я собираюсь выезжать 1 августа. Обдумай и решишь!!!

Твой С. Танеев».

Дела помешали Чайковскому побывать в Приэльбрусье, не смог туда поехать в то лето и спешно вызванный в Москву Танеев. Он долго жалел о несостоявшемся путешествии в Урусбиево и попал туда только в 1903 году, когда вновь приехал в Пятигорск на лечение грязями.

28 июня Сергей Иванович вместе с племянником поехал в слободу Нальчик и там совершенно неожиданно встретился с Наурузом. Прямо оттуда они отправились на линейке в Баксанское ущелье. Два дня гость прожил в Урусбиеве. Потом Науруз повез его в ущелье Азау, где они поселились в пастушьем коше и прожили несколько дней: «Спали на земле, ели шашлык руками, пили айран и т. п. Делали восхождение на ледник». С помощью местных жителей Танеев сумел подняться по леднику Азау до высоты 3600 метров. Вся поездка в Баксанское ущелье заняла тогда десять дней. До конца своей жизни композитор помнил о времени, проведенном в ауле Урусбиево и Приэльбрусье.

* * *

В 1886 году Исмаил Урусбиев познакомился с одним из крупнейших этнографов России, неутомимым исследователем по археологии и истории народов Центрального Кавказа, будущим академиком Всеволодом Федоровичем Миллером. В то время он производил археологические раскопки в Баксанском ущелье, занимался сбором материалов по истории балкарцев, их религиозным верованиям и обычаям. О своих интересных изысканиях и наблюдениях в Балкарии Миллер рассказал в работе «Археологические экскурсии в горские общества Кабарды».

На Всеволода Федоровича, как и на Танеева, произвели большое впечатление встречи со знатоком старины Исмаилом, его радушие к гостям и истинная заинтересованность во всестороннем изучении его родного края, чему он оказывал свое содействие и помощь.

Но при всех - своих достоинствах, душевной широте и гостеприимстве Исмаил Урусбиев оставался представителем своего, господствующего сословия — таубиев. В его владении находилось несколько десятков тысяч десятин* земли, 200 лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, 1500 овец. Пользуясь безземельем балкарских крестьян, он сдавал им в аренду пахотные земли и забирал за это половину урожая, выращенного ими с таким трудом. Имел таубий доходы и за аренду своих пастбищ и продажу соснового леса из громадного Баксанского урочища, незаконно отобранного им у общества и присвоенного.

Платы же со своих гостей — горовосходителей и исследователей, останавливавшихся в Урусбиеве, Исмаил никогда не брал, следуя традициям кавказского гостеприимства.

...В 9.20 утра 31 июля 1890 года на западную вершину Эльбруса поднялся военный топограф Андрей Васильевич Пастухов в сопровождении трех рядовых Хоперского казачьего полка. Это было первое восхождение на Эльбрус, предпринятое прежде всего с целью его картографического изучения. И осуществил его офицер военно-топографического отдела Кавказского военного округа, альпинист и неутомимый исследователь высочайших гор Кавказа, всего за год до этого побывавший на Казбеке.

Восхождение Пастухова является одним из самых выдающихся примеров мужества в истории покорения Эльбруса. Ему и его спутникам пришлось провести на ледовых склонах горы пять ночевок. С тех пор группа скал на высоте 4800 метров называется «Приютом Пастухова». Как во время подъема, так и в течение трех часов пребывания на вершине этот волевой человек проводил топографическую съемку Эльбруса. Именно им были

* Десятина — старинная мера земельной площади, равная 1,1 гектара.

вычерчены великолепные карты всего района Приэльбрусья.

В тот раз Пастухову не удалось побывать в Урусбиеве, ставшем к тому времени признанным центром горовосхождений на Кавказе, так как он вышел в Баксанское ущелье из Сванетии, где вел топографическую съемку местности. Утром 27 июля Андрей Васильевич с казаками спустился с перевала Донгуз-Орун.

«...В 8 часов мы прибыли на хутор, находящийся на реке Терскол, на высоте 6944 фута, — рассказывал Пастухов в 1891 году в газете «Терские ведомости», — здесь мы встретили хозяев этого хутора урусбиевских татар [балкарцев], занимавшихся покосом, они нас приняли очень любезно».

Шесть лет спустя после покорения Эльбруса, взойдя за это время на закавказские вершины Халаци, Арарат и Алагез, отважный топограф вновь пойдет на штурм его склонов. 22 августа он выехал из Пятигорска вместе с петербургским студентом Воробьевым, а вечером 24-го уже был в Урусбиеве. Офицера-альпиниста радушно встретил Науруз, знакомый с ним по «Запискам Кавказского отдела Русского географического общества», в одном из номеров которых Пастухов опубликовал свое сообщение о восхождении на Эльбрус в 1890 году. Узнав о том, что теперь Андрей Васильевич пойдет на восточную вершину, Урусбиев помог ему взять в проводники и носильщики четверых местных жителей, которым предстояло нести ящики с топографическими приборами.

Подъем начали утром 26 августа из Терскола. На высоте 4000 метров, после первой ночевки, двое носильщиков, почувствовавших себя плохо, дальше идти не смогли. А вскоре горная болезнь свалила Воробьева. Его спустили на бурке по снегу к ним.

Вверх Пастухов пошел с Акашем Тиловым и Хаджи Залихановым. Восхождение затягивалось из-за того, что много времени уходило на проводимые им по пути топографические работы и метеорологические наблюдения. Только на третий день дошли до места нынешнего «Приюта Пастухова». Здесь Хаджи стало плохо, и он тоже отправился вниз.

Пастухов и Тилов остались вдвоем. Вскоре началась метель с ураганым ветром. От его порывов люди с трудом удерживались на ногах. Крупные заледенелые снежинки больно били в лицо, слепили глаза, а холодное дыхание бури насквозь пронизывало их одежду.

«Теперь надо мной было только небо да снеговая туча. Когда я приближался к высшей точке, надо мной раздался сильный гром, похожий на треск выстрела, он был сухой, трескучий и отрывистый, — писал Пастухов, вспоминая о том неимоверно тяжелом дне, 28 августа, когда он взойшел на восточную вершину Эльбруса. — ...Буря дула со страшной силой и на все лады свистела и выла внутри воронки; поднявшийся в это время снег был мелкий, как пыль, и сыпучий, как песок... Вдруг весь воздух вокруг меня вспыхнул, и в то же мгновение раздался опять трескучий гром».

Но даже в таких сложных условиях он продолжал вести наблюдения за температурой воздуха, снежным покровом, собирал образцы скальных пород Эльбруса.

Возвращаясь с вершины вниз, Пастухов и Тилов заблудились в тумане и, оказавшись среди трещин, вынуждены были остаться на высоте еще одну ночь. Только на следующий день они спустились в Терскол.

Андрей Васильевич умер в 1899 году. Тогда ему еще не было и сорока. Его похоронили в Пятигорске на горе Машук, откуда открывается чудесный вид на Эльбрус и горы Центрального Кавказа.

...В Германии, Австрии, да и в нашей стране хорошо известно имя профессора Венского университета, географа, этнографа и альпиниста Готфрида Мерцбахера. В августе 1891 года вместе с известным австрийским горовосходителем Людвигом Пуртчелером он приехал в Урусбиево. Отсюда они совершили восхождение на Эльбрус и взойшли на гору Донгуз-Орун-Чегет-Кара-Баши, нависшую над верховьями Баксанского ущелья, напротив Эльбруса. А двенадцать лет спустя Мерцбахер первым достигнет вершины знаменитого Хан-Тенгри на Тянь-Шане, определит его высоту и обследует южные склоны.

Перу этого немецкого ученого принадлежит интересная

работа «К этнографии обитателей Кавказских Альп», где значительное место уделено жизни балкарцев и вопросу их происхождения. Одним из первых он высказал предположение о той роли, которую могли сыграть в их формировании обитатели южнорусских степей - половцы, продвинувшиеся в горы в XIII веке, после их разгрома монголо-татарами.

...По заданию Русского географического общества на склоны Эльбруса дважды поднимался с научной целью энтузиаст создания высокогорных метеорологических станций Н. В. Поггенполь. В очень трудных условиях непроглядного снежного бурана пришлось ему совершать восхождение летом 1898 года. Тогда Поггенполю и его верным помощникам и проводникам Моллаю Терболатову, Аппаю Ахкобекову, Иссе Казакову и Хаджи Ахматову пришлось буквально ползти по открытому льду к седловине Эльбруса. К вершине никто из них тогда подняться не смог. Но и в этих суровых условиях ученый сумел наметить несколько пунктов для устройства метеостанций. Однако мечтам его сбыться в то время не было суждено.

...В 1894 году в ряде номеров газеты «Терские ведомости», выходившей во Владикавказе, была опубликована статья под названием «Очерки из жизни горских татар». Автор ее доброжелательно рассказывал о балкарцах, узнав их близко в своих поездках по ущельям Балкарии (и Приэльбрусью). Вот некоторые из записей, что донесли до нас пожелтевшие газетные страницы почти девяностолетней давности:

«...Чувство дружбы, товарищества у горцев очень прочно, хороший верный товарищ - тот же родной брат...

...Случаи убийства в горах также редки - горец прибегает к оружию только в крайнем случае; случаев же, когда он пускает оружие по пустому поводу... почти нельзя наблюдать в горах...

...Наружность горца... большей частью отличается стройностью, статностью фигуры, телодвижения горца быстры, а манеры, особенно молодых девушек, не лишены природной грации.

...Горец-старик в 60 лет еще не кажется стариком — он бодр, силен и крепко держится на ногах, сделать в короткий промежуток времени длинный переход по горным тропам и дорогам, очень неудобным, для него ничего не значит... Старость не особенно сгорбливает его стан, и он часто обходится без палки, обычного спутника дряхлых людей. Примеры долговечности горцев нередки — в любом горском обществе и теперь можно встретить столетних старцев. Причины такого замечательного здоровья горцев заключаются, надо полагать, в их общении с природой, в свежем, здоровом горном воздухе».

...Пришел двадцатый век - век, круто изменивший историю человечества и прежде всего России и ее народов. Революционные события, потрясшие основы самодержавия, докатятся до гор Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа. Они увидят Зольское восстание кабардинских крестьян, основные события которого развернутся на пастбищах севернее Эльбруса, и восстание балкарской бедноты в Черекском ущелье. Потом в здешних горах будет бушевать пламя гражданской войны, когда горцы вместе с русским народом встанут на борьбу за свою свободу, за новую жизнь.

Все это придет через несколько лет. А пока, до начала первой мировой войны, в горы еще будут стремиться люди, жаждавшие общения с суровой природой.

...25 августа 1910 года Науруз Урусбиев устроил в своем доме торжественный обед. Он чествовал двух швейцарцев — доктора Гука и инженера де Рома, впервые взойшедших за один день на обе вершины Эльбруса. Их вел туда проводник Сеид Хаджиев. На торжестве присутствовал геолог В. В. Дубянский, автор ряда интересных работ по геологии Приэльбрусья и лучших по тому времени фотографий панорамы Главного Кавказского хребта с вершины Эльбруса. Он побывал там со своим спутником через два часа после швейцарцев.

...1911 год стал особо знаменательным для урусбиевцев — тогда у них побывал Сергей Миронович Киров. Скрываясь от полиции после раскрытия Томской подпольной типографии, он в 1909 году приехал в центр Терской области город Владикавказ (ныне Орджоникид-

зе) и остался в нем на несколько лет, ведя нелегальную партийную работу.

Официально Киров являлся сотрудником редакции газеты «Терек», в которой выступал под псевдонимом С. М. Миронов. Он много бывал в те годы у осетин и ингушей, кабардинцев и чеченцев, проводя среди них революционную работу.

Киров стал известен тогда и как альпинист. Вступив в члены Владикавказского горного клуба, этот занятый до предела человек поднимается на вершину Казбека. А год спустя он уже на пути к Эльбрусу..

25 июля 1911 года Киров (С. М. Миронов), сотрудник газеты «Терек», бывший военный революционный моряк, приговоренный заочно военно-полевым судом к каторге Павел Григорьевич Лучков и владикавказский присяжный поверенный, уроженец Дагестана, Башир Далгат выехали железной дорогой из Владикавказа до станции Солдатская. Отсюда на лошадях направились в сторону гор и утром 27 июля въехали в Урусбиево. В течение двух дней альпинисты (все трое являлись членами горного клуба) готовились в селе к восхождению на Эльбрус. Как видно из корреспонденции в газете «Терек» от 9 августа 1911 года об этой экспедиции, большую помощь оказал тогда Кирову и его друзьям Науруз Урусбиев, предоставивший им кунацкую, снабдивший бурками и провиантом. Он и порекомендовал им двух проводников - Сеида Хаджиева и Джиджу Хаджиева, первый из них уже был известен как опытный проводник, неоднократно ходивший на Эльбрус вместе со швейцарцами, немцами, австрийцами.

Восхождение началось 29 июля с самых верховьев Баксанского ущелья, через «Старый Кругозор» и ледник Азау. В тот день к восходителям присоединился ветеринарный врач В. В. Егоров. Заночевали на «Кругозоре», где к тому времени энтузиасты Русского горного общества поставили небольшую каменную хижину. Утром 30 июля горовосходители вступили на ледовые поля. Вначале хорошая, к полудню погода совершенно изменилась, и в два часа пошел густой снег, за пеленой которого в десяти метрах ничего нельзя было рассмотреть. Путь становился все труднее. Проводникам, шедшим впереди группы, пришлось тогда особенно потрудиться, прощупывая ше-

стами снежный наст. Они хорошо знали, что в такую погоду опасность провалиться в одну из бесчисленных трещин, пересекающих ледники Минги-Тау, особенно увеличивалась.

Не достигнув даже скал «Приюта одиннадцати» (в газете они названы «Одиннадцатью юртами»), альпинисты вынуждены были остановиться и, завернувшись в бурки, заночевать. К полуночи снегопад прошел, и над горами на совершенно чистом небе ярко засветились звезды. В четвертом часу утра проводники повели людей вверх. Шли налегке, оставив на бивуаке почти все: ведь там, на громадных высотах, особенно становится чувствительным каждый лишний грамм веса.

Около десяти часов решили разбиться на две партии — по три человека. Киров и Лучков как наиболее опытные в горах пошли вперед с Сеидом Хаджиевым. Далгат и Егоров со вторым проводником двигались следом за ними. В два часа пополудни 31 июля Сергей Миронович, его товарищ и проводник взойшли на восточную вершину Эльбруса. Но здесь им «пришлось благодаря чрезвычайно сильному ветру оставаться всего 19 минут. Отрезав надписи на полотенце, туристы стали спускаться вниз». Полотенце, о котором идет речь в газете, оставили привязанным к ледорубу альпинист Лысенков и два его спутника, побывавшие здесь несколько дней назад. А отрезали на нем надписи потому, что у альпинистов издавна сложилась традиция - в доказательство своего восхождения брать с покоренных вершин записки тех, кто побывал там раньше. Взамен — оставляли свои.

Далгату и Егорову дойти до высшей точки не удалось из-за плохого самочувствия.

В девять часов вечера восходители спустились в Терскол, а на следующий день всех их снова гостеприимно встречал Науруз, знавший только то, что перед ним сотрудники известной на Северном Кавказе газеты «Терек». 4 августа Киров и Лучков выехали на лошадях из Урусбиева вверх по ущелью реки Кыртык. Миновав перевал, они вышли в верховья Малки и вечером 6 августа уже находились в Кисловодске.

Пребывание на вершине Эльбруса, незабываемый вид с его высоты глубоко и навсегда запали в душу Сергея Мироновича. Через четыре месяца, находясь в томской тюрьме, он писал своей невесте Марии Маркус:

«Случайно взял Лермонтова, и почему-то он совершенно иным стал в моих глазах... Какова должна была быть сила воображения, наблюдательность и проникновенность у человека, так высокохудожественно и образно описавшего Кавказ. Что если бы перед его взором раскинулась подавляющая своим величием божественно спокойная, необъятная панорама, которую приходилось видеть немногим счастливым, достигавшим вершины царствующего над горами Кавказа — гиганта! Какие звуки услышал бы художник-гений среди этой мертвой тишины? Какие тайны природы открыл бы его проникновенный взор?»

Так в списке покорителей двуглавого кавказского великана появилось и имя Кирова, человека, вскоре сыгравшего громадную роль в борьбе за установление Советской власти на Северном Кавказе.

В том году он близко познакомился с жителями гор - балкарцами и увез в душе доброе чувство к ним. Через семь лет, в марте 1918-го, Сергею Мироновичу вновь доведется встретиться с ними, но теперь в бурном круговороте нахлынувших революционных событий — на II съезде народов Терека, где была провозглашена Терская Советская республика. Среди его участников находились и представители Кабардино-Балкарии.

А когда 10 марта 1918 года несколько делегатов съезда во главе с Кировым отправились из Владикавказа для примирения осетин и ингушей, спровоцированных контрреволюционерами-националистами на вооруженное столкновение, то рядом с русским другом горцев шел Султан-Хамид Калабеков, один из революционных руководителей балкарской бедноты. С обеих сторон смолкла стрельба. Над полем, где еще несколько минут назад шел бой, повисла тишина.

Парламентеры, посланные съездом народов Терека, все ближе подходили к позициям враждующих сторон. Они были безоружны, как издавна полагалось в таких случаях. Но сильнее всех винтовок и револьверов стали для них тогда неистовая вера и убежденность в то, что именно они должны и смогут остановить братоубийственное столкновение и примирить людей.

Группа парламентаров отчетливо виднелась на голом, местами прикрытом весенним талым снегом, всхолмленном поле. А над ними колыхался белый флаг - его высоко поднял Калабеков, едущий впереди на лошади. «Не стрелять!» - раздался крик на русском, а за ним, как эхо, то же самое прозвучало по-осетински и по-ингушки. «Не стрелять!» Простые крестьяне и скотоводы, стоявшие теперь друг против друга с оружием в руках, уже понимали, что, ослепленные и введенные в заблуждение подстрекательскими речами царских офицеров и фанатиков-мулл, они напрасно проливают кровь и подставляют свои головы под пули. И, всматриваясь в приближавшихся к ним одетых в солдатские шинели, черкески и гражданские пальто людей, они знали, что с ними придет конец вражде, когда можно будет вернуться в свои дома, к семье и вновь заняться мирным трудом.

Над полем стояла тишина... И поэтому особенно отчетливо и резко, как удары грома, прозвучали в ней несколько винтовочных выстрелов. Стреляли в парламентаров, чтобы убить их и не дать свершиться примирению. Киров и его товарищи услышали свист пуль, увидели рядом с собой на талом, осевшем снегу прочерченные ими пунктиры. На землю, схватившись за грудь, падал с лошади Султан-Хамид...

Сергей Миронович бросился к нему, приподнял Калабеков был убит, пуля попала ему в сердце, а рука его все еще судорожно, мертвой хваткой сжимала парламентарский флаг, на котором теперь ярко алела кровь. Крики гнева пронесли среди осетин и ингушей - выстрелами врагов-provокаторов убит человек, направлявшийся к ним как друг...

Под тем окровавленным флагом и провел Киров переговоры с представителями враждовавших сторон, завершив их миром и согласием. Но за это пришлось оплатить

дорогой ценой — смертью стойкого и отважного бойца революции.

Отдавая последние почести павшему на боевом посту сыну балкарского народа, Киров снарядил отряд всадников, которые отвезли тело погибшего в его родной аул Думала в Чегемском ущелье.

Над могилой склонилось увенчанное черным траурным крепом красное знамя. Потом прогрехотал троекратный ружейный салют, отдавшийся стократным эхом в горах и ущельях и докатившийся до Минги-Тау, названного людьми в далекую пору «горой счастья», хотя оно тогда было для простого человека таким же несбыточным и призрачным, как и легенды о чудодейственных свойствах Эльбруса. И только взяв в руки оружие, горцы, как и все народы нашей страны, вставшие под Красное знамя революции, смогли наконец завоевать себе счастье, о котором веками мечтали, наивно связывая его с самой высокой горой Кавказа.

...И снова о «тетрадах Урусбиевых». «Эти тетради... являются драгоценной летописью и памятником продолжительной полосы в истории альпинизма и исследования высокогорного Кавказа и его обитателей, а помещенные в них записи ряда ученых, художников, писателей, альпинистов как русских, так и европейцев обрисовывают яркими и подчас художественными чертами отдельных видных представителей культурной общественности дореволюционной России», - писал в 1929 году журнал «Революция и горец», издававшийся в Ростове.

Мы не знаем еще всех имен интересных людей, побывавших в Урусбиеве, потому что тетрадей нет в наших руках. После смерти сыновей Исмаила - Науруза и Сафар-Али они находились у их родственников. Потом одну из них, которая велась с 1894 года, и ряд подлинных редких снимков людей, посетивших Приэльбрусье и поднявшихся на Эльбрус, приобрел в конце двадцатых годов облполитпросвет Кабардино-Балкарской автономной области. Хранились они в Ленинском учебном городке Нальчика, затем были переданы в центральную библиотеку города.

Другая же тетрадь, дар Фрешфильда, оставалась в Урусбиеве, а потом, как выяснилось, была подарена областному обществу краеведов, которое возглавлял основатель и первый директор Кабардино-Балкарского краеведческого музея Макар Иванович Ермоленко.

Прошло много лет, была война, в пожарищах и руинах остался после гитлеровской оккупации Нальчик. Тогда и исчезли тетради. Кто знает, быть может, их увез на Запад один из фашистских грабителей, узнавший цену тем записям, — ведь среди них многие сделаны рукой немецких и австрийских альпинистов и ученых. Возможно, они погибли и потеряны для нас навсегда. Но может быть и так, что кто-то спас их в черные дни вражеского нашествия и тетради где-то лежат — ждут своего часа и своего исследователя. Сам же факт посещения Урусбиева, теперь Верхнего Баксана, многими замечательными и интересными людьми достоин того, чтобы о нем знали и помнили.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дороги к Москве

При дворе Ивана Грозного

Мамстрюк Темрюкович

Темрюковичи

Из рода Черкасских

Отныне именовать Екатериноградом

Первопроходцы

У гостеприимных урусбиевцев

Олег Леонидович Опрышко

ПО ТРОПАМ ИСТОРИИ

Издание второе, дополненное

Редактор

Л. А. Лачинова

Художественный редактор

И. Г. Абрамов

Технический редактор

К. Б. Жамбеева

Корректор

В. А. Вымячкина

Наборщик

Л. М. Строганова

Верстальщик

Н. Д. Манаенко

Печатники:

Л. В. Полякова Ж. М. Кумышев

Переплетчик

А. Н. Плотников